

Александр
Елизарэ

**РЯДОВОЙ ДЛЯ
АФГАНИСТАНА**

16+

Александр Елизарэ
Рядовой для Афганистана

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Елизарэ А.

Рядовой для Афганистана / А. Елизарэ — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-5321-1574-3

СССР, 1984 год. Александр Одуванчиков, следуя своей мечте, оказывается в воздушно-десантных войсках. Начинается суровая школа и преодоление себя. Предчувствия сбываются, после окончания учебного подразделения в Каунасе его направляют в Афганистан, город Кабул. Молодой солдат не представляет, что его ждет в древней и опасной стране. Лейтенант разведки США направляется в Афганистан для слежения за подразделениями ВДВ ОКСВА в Панджшере. Двое юношей - два взгляда на войну. Две дороги над пропастью. Действия романа основаны на реальных событиях. Автор проходил службу в ДРА в 1985-86 гг.

ISBN 978-5-5321-1574-3

© Елизарэ А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава I. Прибытие в «А»	9
Глава II. Учебный батальон. Каунас. Осень, 1984 год	31
Глава III. Рота переносников. Кабул. Апрель, 1985 год	39
Глава IV. Учебный батальон ВДВ. Каунас. Начало зимы, 1984 год	45
Глава V. Афган. Конец апреля, 1985 год	51
Глава VI. Шаг в небо. Каунас. Декабрь, 1984 год	68
Глава VII. Афганистан. Начало мая, 1985 год	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Елизарэ
Рядовой для Афганистана
казарма русских парашютистов

Рядовым солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам Сороковой Армии посвящаю этот роман. Действия в романе основаны на реальных событиях. Некоторые имена героев изменены.

Время, проведенное на войне – когда от Бога или удачи зависит каждый твой шаг. Время духовного взросления и осмысления бытия. Время, выбрало тебя, чтобы решить, что делать с тобой дальше – оставить жить, как лучшего представителя человечества или уничтожить, как ненужный для вселенной элемент. На войне случается наоборот, лучшие – приносятся в жертву провидению.

Пролог

Лето 1979 года. СССР. Ночной сон, предчувствие

Кругом пыль; серая и взвешенная, словно цемент или пепел. На вкус – морская глина, испеченная на солнце.

Машина резко дернулась и замерла. Звенящая тишина лопнула в один миг, где-то впереди раздался страшный взрыв, стреляли сверху, значит по нашей колонне. Ушные перепонки раскалились от автоматной стрельбы и грохота танковых пулеметов. Я оглянулся и увидел молодых солдат, вопросительно уставившихся на меня. Вдруг снаружи раздался отборный мат, перемешанный с четкими приказами нашего командира.

– Что притихли, гаврики? Обделались со страху? Быстро из машины, гвардейцы! Занять оборону! Пулей! Впереди обстрел! С высот лупят «духи»¹ прицельно! Сержант, командуй живее!

Потом на секунду все пропало.

– *Ча* сидим, бойцы? – закричал я на солдат. – Бегом выпрыгнули из машины! Справа, слева по одному, и сразу расползлись, десантура! Фергану² забыли, «слоны»³? Вперед!

– Ура! – грохнули десантники и резко, один за другим, покинули грузовик по разным бортам.

Через несколько секунд старая машина вдруг заурчала и как-то безвольно, словно мертвая, поехала вперед. Мои последние слова потонули в дьявольском грохоте, словно сама Земля наткнулась на непреодолимое препятствие во вселенной, и произошло то, что уже нельзя поправить, даже Богу. Раздался оглушительный разрыв. Все разлетелось на мелкие и неправильные частички. Странно, совсем нет боли, значит, меня уже нет, как жаль. Я хочу плакать, но не могу. В моих глазах потемнело, словно навсегда пропало солнце. Черная дыра проглотила меня, и я подчинился её мантии. Тело поднялось и полетело высоко в небо. Я увидел наш грузовик, падающий с горного серпантина вниз и, догорающий в тяжелых муках на дне ущелья. Зеленые ветви низкого кустарника нежно обволокли черные остовы бортов, огонь медленно затухал и убаюкивал остатки черной стали и жженой резины. Раздался еще один слабый хлопок, взорвался воздух в последнем уцелевшем колесе, машина умерла и обездвижилась. Тишина и крик орла в синей вышине завершили страшную картину перехода в другое состояние.

Все пройдет, а что пройдет то будет мило. «Мир его праху. И вечный по-ко-й!» – кто же это поет, как в храме? Вдруг я остановился над каким-то облачком, а потом резко полетел вниз будто камень. Принял твердость земли, больно ударился спиной и затылком. Это хорошо, раз мне снова больно. Млечный путь остановился, раздумывая, а что же дальше. Завелся и пошел, буравя тысячи световых лет в бесконечной вселенной...

¹ «Духи» – душманы или басмачи. Некоторые нерадивые Советские солдаты или прапорщики называли молодых и неопытных солдат «духами». Это было крайне оскорбительно и не поощрялось офицерами.

² *Фергана* – город на границе с Афганистаном, основная учебка для обучения и заброски новобранцев «за речку» – в Афганистан.

³ «Слоны» – обидная кличка молодых солдат ВДВ. Имеется в виду, что слон – он неповоротлив, имеет большие уши, так как обязан больше слушать и впитывать информацию от «черпаков» и «дедов». Кроме этого, «слон может летать», опять же используя все те же большие уши, словно крылья. Летящий слон – это молодой солдат, выполняющий быстро неуставные приказы старослужащих. К примеру: найди сигарету, постирай носки, принеси пожрать в постель «деду». Некоторые «демебя» могли попросить кофе в «постель». Солдатик бежал в столовую и заваривал для «дедушки» кофе или кофейный напиток. Принести он должен был кофе в кубрик так, чтобы этого не заметили офицеры или прапорщик – старшина. И обязательно нужно было сказать: «Ваш кофе, сэр!» – потом подать кофе и чистое вафельное полотенце. Обычно, это воспринималось как комедия или добрая шутка, комплемент для отслуживших солдат или сержантов.

Сердце мое вновь забилося, видимо несколько минут я просто не слышал его стука. Теперь же оно стучало громко и тяжело, предупреждая меня о новой опасности и не позволяя спать. Очнулся я посреди дороги и незнакомых гор. Болит голова, перед глазами черно-белая картинка: белые горы, словно сахарные, в серой вышине кружит орел. В нескольких метрах догорает еще одна машина, правильнее сказать, догорают ее останки. На камнях валяется помятая темно-зеленая дверь от КамАЗа с огромной красной звездой. Я вновь вижу цвета, пока блеклые. Рядом на песке валяются обугленные солдатские ботинки, каски, руки, ноги, головы. Бурая кровь... Проснуться! Немедленно. «Давай, сержант, просыпайся! Где автомат, гранаты, нож! Где мой штык-нож?»

Я с трудом подобрал под себя колени, встал и поплелся вперед, не зная куда; шатаюсь и покачиваясь, словно из тела моего каким-то невероятным способом вытянули позвоночник. Состояние моего потускневшего сознания и выкрученного тела сравнимо с карасем, выпрыгнувшим с раскаленной сковороды. Обратно в речку – поздно, шкура уже поджарилась, обратно на сковородку? Надо просто бежать, сдохнуть в тишине под синим небом. Вот только на месте ли внутренности и голова, неизвестно? Ведь курица сначала тоже бежит недалеко. Без башки далеко не убежишь. Воды, страшно хочется пить, голова и рот на месте. Картинка постепенно становится яркой и цветной. Руки на месте, ноги идут. Живот цел, где кишки? Ха, кажись на месте. Точно... сплю! Впереди, на пути какие-то люди в забинтованных головах... или чалмах... Кто же это, не помню! Ни хрена не помню! Джинны, что ли? Разбойники из сказки Али-Баба... А я что здесь делаю? Какого рожна я очутился в этой сказке? Кто я? Нужно вспомнить, кто я и какую роль играю на этой пыльной дороге.

Впрочем, пейзажик на горизонте, что надо: горные вершины спят под серебристым снегом. Может эти «Хоттабычи» помогут мне все вспомнить и дадут напиться? Но почему? Зачем они смеются надо мной? Я остановился, протянул руку вперед, и попросил у них пить, они опять смеются. Зло ржут беззубыми засохшими ртами. Может это мертвецы или зомби?

Один невысокий бородач вытащил из-за пояса саблю, опустил вниз свой взгляд и направился ко мне. Я интуитивно попятился назад и упал на локти и спину. Под ладонью нащупал камень и вцепился в него. Быстро встал, принял стойку для драки. Басмач поднял лицо и *вперился* в мои глаза. Взгляд бородача не сулит ничего доброго. Толпа яростно закричала: «Ал-ла, ак-ба...» Не понимаю, но точно не «Шайбу-шайбу!» Человек с саблей совсем близко, он машет ею! Он хочет меня зарубить, за что? Где бы взять камень? Их здесь навалом, но я не смогу подобрать его. В моей ладони оказалась противопехотная граната «лимонка»⁴. В голове шум, кровь из носа, ха, мелочи, ведь этот абориген может отрубить мне голову! Он кричит на меня и требует, чтобы я встал на колени, а руки положил на землю! Бежать прочь от него! Бежать!

Я развернулся и бросился бежать. Ватные ноги не слушаются. «Соберись, сержант, если хочешь выжить. Карлик спешит за тобой».

Странно, мне бежится легко, я мчусь. Преследователь не отстает. Сволочь, скороход! Маленький Мук! Кто он, что от меня ему нужно? Когда кончится этот фарс, появившийся неоткуда? «Хватит бежать, парень!» Я резко остановился и уставился в бородача. Сабли в его руках нет, видно потерял.

Злой взгляд приблизился ко мне, а сухой рот с желтыми, как песок зубами произнес: «Сэй-час ты умрешь, *нэвэрный!* *Нэ* бойся, солдат, я *зарэжу* тебя очень быстро, ты не будешь

⁴ «Лимонка» – оборонительная Советская граната большой мощности. Она же – «лимончик», «эфка», «Ф-1» – основная граната Афганской компании с обеих противоборствующих сторон. Печально известная граната, отправляющая наших солдат, попавших в окружение, в последний путь. Обычно, каждый десантник, отправляющийся на боевое задание, брал с собой не менее четырех «лимонок»: три для душманов, четвертую для себя. Эта граната служила отличным психологическим щитом для молодого солдата. Чтобы не попасть в плен каждый солдат был готов рвануть под собой последнюю гранату. Офицеры специальных подразделений брали с собой в дозор по пять гранат. Этими гранатами шла активная торговля по всему Афганистану – множество подделок и модификаций производства Китая, Пакистана и других стран.

страдать. Ведь ты *дэсант, смэлый шурави*⁵». Он достал из-за пояса кривой, ярко отточенный нож и взмахнул им. Я отшатнулся в сторону и вновь побежал. Резкая боль настигла через несколько мгновений и пронзила позвоночник, проникая сзади между лопаток. Я упал, захлебываясь чем-то теплым и тяжелым. «Моя кровь! Не сон? Зря я побежал, зря повернулся к врагу спиной! Зря струсил! Пусть подойдет поближе, я вырву зубами его кадык! Нет, не вижу, ничего. Кольцо «лимонки» на моем пальце, так нужно, рванул кольцо! Прощай, мама, папка...»

«Что с тобой, мой мальчик, что случилось? Ты кричал во сне! Ты весь горишь! Господи, что же это, снова кровь носом... Нужно вызвать врача...»

⁵ *Шурави* – так уважительно называли мирные Афганские жители наших солдат и офицеров. Душманы, впрочем, также называли Советских солдат, но только с другой – жесткой интонацией.

Глава I. Прибытие в «А»

Прибыли мы в Афганистан 26-го Апреля 1985 года прямиком на Кабульский аэродром. На самом деле это был международный аэропорт, но под конец 1979 года, когда «наши» зашли в Афган, он стал настоящим военным аэродромом для Советских военных всех мастей и родов войск. Контролировала аэропорт, как и всю столицу, 103-я гвардейская Витебская воздушно-десантная дивизия, ставшая теперь по солдатской молве просто – «Кабульской-десантурской».

Причалили мы на гражданском «корабле» Ту–154, поэтому в салоне у нас было все: две шикарные стюардессы, почему-то напоминающие луговых ласточек, минеральная вода, по стаканчику, и даже итальянская эстрада.

За минут – пятнадцать до посадки одна из стюардесс сладким голосом объявила.

– Дорогие мальчики. После приземления и остановки лайнера просим вас выходить из самолета организованно и главное быстро. Возможен обстрел аэропорта. Мы идем на снижение и готовимся к посадке в аэропорту города Кабул, столице Демократической Республики Афганистан. Судя по вашей форме, я вижу, что вы все десантники, поэтому, от всего нашего экипажа желаем вам одного – побыстрее отслужить и живыми вернуться домой.

На последнем слове она резко отвернулась к окошку и незаметно скинула слезу с длинных черных ресниц. Заметили это немногие, но те, кто слушал девушку и смотрел ей в рот, прямо с места закричали ободряющие фразы, мол, не бойся, красавица, все вернемся, мы же десантники, а не «соляра»⁶.

Но один старый прапорщик, сидевший в хвосте салона, пробурчал себе под нос.

– Только раньше и быстрее не надо, отсюда раньше только в оцинкованном ящике можно, на хрен такое нужно.

Наш серебристый самолет мягко приземлился и стал вырливать и разворачиваться.

Когда стюардессочка проходила мимо меня в своей коротенькой юбочке, сверкая красивыми и ухоженными ножками в итальянских чулках, я не удержался и спросил.

– А что так долго не выходим, все рулим по кругу? А, красавица?

– Сейчас развернемся, вас высадим, заберем пассажиров и сразу обратно, – с улыбкой ответила «ласточка».

– Ага! А кто новые пассажиры? – поинтересовался я.

– Наверное, те, кто уже отслужили, вернее отвоевали...

– А, ну да! Вояки! Тут что война? Когда подлетали, мы что-то не заметили! – с улыбкой спросил я. – Да здесь просто курорт! Теплынь!

– Тебе виднее, солдатик, – попыталась улыбнуться стюардесса.

– Слушайте, девушка, вы такая хорошая! Как Родина! Сейчас поднимитесь в небо и исчезните в облаках, а можно я вас поцелую? Когда еще придется? – смело спросил я. – Пожалуйста, в щечку! Обещаю, никто не узнает! Раз уж мы на войну прилетели...

Она ничего не ответила, а скорее всего, решила немного подумать и остановилась во времени и пространстве. Я не мог долго размышлять, самолет как вкопанный остановился и заглушил турбины. Я смотрел в ее глаза, и вечность засмеялась над нами, нет, скорее мы купались в вечности, пока не раздался рык одного майора, летевшего с нами.

– Десантура, вперед, я первый, остальные за мной! Не зевать, воробушки.

⁶ «Соляра» – общее, слегка неуважительное прозвище солдат и войск общего назначения. Так десантники называли обычную мотопехоту или водителей колонн, если они проявляли слабость или нерешительность во время боевых выходов. Тоже похожее – «летуны», если солдаты готовящие вертолет к вылету делали все медленно или плохо.

Я жадно вцепился своим пересохшим ртом в шелковую шею красавицы, которая была старше меня лет на десять. Потом вскользь, в ее влажные губы, пока живой поток таких же, как я пацанов, не увлек меня к двери, ведущей к жаркой и неизведанной земле.

Парни весело сбегают по трапу, вниз. Солнце! Какое огромное, мощное солнце! Жара! Вдалеке на горизонте и по кругу – горы: каменные, черно-серебристые, как будто железные.

Внизу, на бетонной взлетке, у нашего трапа, стоят старшие офицеры в званиях не меньше подполковника. Все в солнцезащитных очках. Впереди полковник, рослый улыбающийся детина в ярко раскрашенном камуфляже. Каждому из нас, молодых солдат, он жмет руку. Дошла и моя очередь, полковник жестко сжал мою ладонь в своей загорелой и обветренной лапе так, что костяшки моей почти детской кисти, еще не отвыкшей от мокрого и холодного ветра гайжунайских дюн, слегка затрещали.

Я собрал все мыслимые силы и пожал его лапу в ответ, полковник улыбнулся и похлопал меня по плечу. Он был похож на агента «007» из одноименного фильма.

– Поздравляю, рядовой, с прибытием в Витебскую гвардейскую 103-ю воздушно-десантную дивизию, а теперь – Кабульскую.

– Спасибо, товарищ гвардии полковник! Я тоже рад, – я изобразил улыбку, от которой рядом стоящие офицеры дружно рассмеялись.

Мы вытянулись в колонну по одному и шагаем по горячему бетону. Навстречу нам идут поджарые дембеля⁷. Загорелые, бронзовые лица, голубые береты набекрень, на мундирах яркие знаки, знакомые каждому из нас. Кто-то из них прихрамывает, с трудом ступает с палочкой. Один худой солдат – с костылем, он портит весь вид красивой колонны, но держится этот рядовой молодцом. На его парадном кителе сверкают два ордена Красной Звезды.

Яркие тельняшки, аксельбанты из парашютных строп, на петлицах крупные золотые парашютики в обрамлении самолетов. В руках у дембелей дипломаты с яркими наклейками «Монтана», «Лэвис» и еще с разными неизвестными мне надписями. Форма выглажена, включая сапоги, на подошву которых пришили еще и дополнительный каблук. Дембеля жмут руку каждому из нас, некоторые обнимают случайных земляков и быстро, почти бегом поднимаются по трапу в самолет.

– Эй, братва! Удачи вам, пацаны, главное запомните с первого дня! Не трусить, не спать, стрелять метко и держаться всегда вместе! Это самое главное – быть вместе! – закричал один усатый дембель с медалью на груди. Ну, все, прощай, душманская страна, не поминайте лихом, братцы!

– Счастливо долететь! Мягкой посадки в Ташкенте! – восторженно прокричали мы им в ответ.

Один орденосец вдруг не выдержал, сорвался и закричал обращаясь куда-то к горам.

– Проклятый Афган! Не хочу в Союз, не трогайте меня, где рота? Где наша рота! На боевых? – задрожал и надрывно заплакал он, словно болезненный и нервный старик. – Я остаюсь воевать! За всех наших рассчитаюсь! До последнего духа!

– Куда тебе, «старый», отвоевался уже, без пятки решил повоевать, – попытался успокоить орденосца один из сержантов, – пойдём, не баламуть молодых, пойдём...

– Не пойду, помоги спуститься вниз, плевать, не полечу!

– Не ори, старшина, «шакалы»⁸ с рейса снимут всех! А тебя мать с отцом ждут, не забыл, герой? Плюнь, война уже не для тебя! Вот этим салагам оставь «духов», смотри, какая смена прилетела, – друзья обняли его и силком увели во чрево самолета.

⁷ Дембель – солдат, которому осталось недолго до демобилизации, увольнения из армии. В Афганистане солдат, сержант или офицер 40-й Армии, отслуживший полный срок и ожидающий свой самолет для вылета на Родину.

⁸ «Шакалы» – солдатский жаргон, описывающий некоторых офицеров, которые могли избить солдата или неправомерно обвинить его в чем-либо.

Дембеля один за другим пропадают в двери «тушки», еще два-три мгновения, самолет закрывает двери и вырывается на взлетку, гудя всеми своими титановыми жилами и мускулами, чтобы быстрее покинуть высокогорный аэропорт. Минута, и он уходит круто вверх в чистое небо. Путь его лежит на север. Мы провожаем его взглядом, желая легкого пути и мягкой посадки в Союзе. Вслед за лайнером в небо поднимается пара штурмовых вертолетов, в марках мы пока не очень разбираемся. Они барражируют под его брюхом как две стрекозы под жаворонком. Зачем? Тоже провожают, наверное, или охраняют?

Секретно. Строго для служебного пользования.

Старшему офицерскому составу в «А». Главная военная прокуратура, Москва.

По рекомендации главного политического управления МО СССР. В политуправление 40-Армии, ТуркВО⁹.

Учитывая сложную военную обстановку в ДРА¹⁰ напоминаем, что при рассмотрении дел, связанных с нарушением воинской дисциплины среди старшин и сержантов срочной службы, награжденных боевыми медалями и орденами за проявленное мужество и героизм и получивших при этом, ранения, контузии и увечья, необходимо учитывать следующее. Командирам подразделений частей приказано ограничиваться снятием воинских званий с данных старшин и сержант, разжалованным в рядовые, получившим ранения, контузии и увечья, рекомендуем сохранять боевые награды, с целью не допустить массового недовольства и общего падения дисциплины в подразделениях ограниченного контингента Советских войск. Особенно в батальонах, участвующих в боевых действиях и имеющих потери личного состава ранеными и убитыми из числа военнослужащих срочной службы.

Обеспечить своевременную отправку уволенных военнослужащих к местам их постоянного проживания, исключить случаи негативного влияния передачи боевого опыта молодому пополнению. Так как это может негативно сказаться на морально-боевом духе всей 40-й Армии.

Мой взводный здесь, где-то рядом, мы строимся в колонну по три и шагаем мимо БТР¹¹, охраняющих выезд с аэродрома. Сверху на броне сидят солдаты в касках и бронежилетах со снайперскими винтовками и автоматами, по уши в серой пелене. Под нашими ногами появилась взвешенная летучая пыль, похожая на цемент, звучит команда: «Вольно, не в ногу марш, не пылить бойцы и ступать мягче!»

Скоро появился КПП – бетонный мешок, обложенный камнями и мешками с песком. Рядом стоит танк устаревшей марки и, кажется, не на ходу, с другой стороны – БМД¹² в боевом состоянии с нарисованными белыми парашютами на глянцевых зеленых боках. Солдат, в полном «афганском прикиде», в пыли и безмолвии, в серой маске на лице, поднял шлагбаум для нашей колонны. Мы оказались на территории десантной дивизии, ставшей для многих из нас родным домом на всю оставшуюся здесь жизнь.

– Пожрать бы, да и пить охота, – заворчал здоровый малый, идущий рядом со мной. – Прилетели на войнушку. Ни пожрать толком, ни поссать.

Кто-то из ребят одобрительно нукает в ответ, кто-то из прапорщиков строго и не по уставу отвечает: «Свиньи жрут, а солдаты принимают пищу, сынки! Отставить базар в строю! А то смиренно побежим!»

Сзади нашего строя пристроились местные босоногие мальчишки, лет семи. Их человек пять. Двое из них догнали строй солдат и стали просить какой-то бакшиш¹³.

⁹ ТуркВО – Туркестанский военный округ.

¹⁰ ДРА – демократическая республика Афганистан.

¹¹ БТР – бронетранспортер на резиновых колесах.

¹² БМД – боевая машина десанта.

¹³ Бакшиши – гостинец, подарок, подачка. Бачата обычно требовали у солдат бакшиш и получали его в виде консервированных продуктов и печенья. Советские солдаты всегда давали щедрый бакшиш, особенно в далеких горных кишлаках.

– Эй, *сольдат, русс*, давай бакшиш! Давай, давай!

– Ну-ка, душманята! Брысь, *буру бача!*¹⁴ – вдруг громко крикнул на пацанов солдат, стоявший в пыли. – *Ёк* бакшиш! Давай, давай отсюда, стрелять буду! *Буру* я сказал!

– Хей, дурак, ишак *сольдат!* Завтра приду, тебя ночью резать буду! – старший малец провел ладонью по своему горлу, изображая полное недовольство часовым.

Посмеявшись над русским солдатом и кинув в него несколько комьев сухой грязи, дети убежали, будто их и не было. Часовой опустил стрелу вниз и уставился в нас своим безмолвным и равнодушным взглядом. Этот взгляд будет трудно забыть, этот взгляд солдата на войне...

Основной строй идет молча, с любопытством рассматривая невиданные картинки нового мира. Мне кажется, что мы – рота межгалактического звездного десанта, высаженного на ранее необитаемую планету, где нас ждут необыкновенные и захватывающие приключения. Может, в здешних лесах обитают чудесные звери и птицы, высоченные деревья скрывают под кронами девственного леса чистые и бурлящие реки, которые кишат невиданными рыбами? Да! Видимо нам повезло, ребятам, оставшимся служить в Союзе, такое и не снилось. Что они там видят в холодных городках Прибалтики, Пскова, Витебска, Тулы? Заснеженный плац, зимние стрельбы по десять патронов на брата. А мы здесь, практически на другой планете – в Афгане...

На этом месте я погрузился в воспоминания полугодовой давности, когда прощался с мамой и отцом около нашего старенького железнодорожного райвоенкомата на улице Патриса Лумумбы у дома под номером «2» и обещал им не попасть в Афганистан. Обещал, но слово не сдержал. Конечно, перед родителями я сподличал, ведь мог, мог и не лететь сюда. А может быть, мне это только кажется, что я мог не попасть в эту минуту на эту пыльную дорогу? Может, давно было все решено за меня, и напрасно предаваться иллюзиям, что ты сам что-то решаешь. Что произошло, то уже не в чьих силах изменить. Я вошел в лабиринт, выход из которого только один. Вернее, дорога одна – прямо, никуда не сворачивая. А итог – сама неизвестность, которая пугает и манит одновременно с необыкновенной силой узнать, что там впереди. Сколько лет я ждал этого, сколько предчувствовал, убегал и снова возвращался на эту узкую тропу. Бабушка всегда говорила, мол, убежать можно хоть от кого, но только от своей судьбы не сбежишь. Это верно, конечно, но добрая ли она, моя судьба...

Полгода назад. Свердловск, ноябрь 1984

Военком, цветущий полковник с улыбкой инквизитора и лысиной Сократа вышел на крыльцо своего комиссариата и толкнул речь, призванную успокоить рыдающих матерей новобранцев.

– Уважаемые родители, сегодня вы провожаете своих сыновей выполнять почетную обязанность любого гражданина СССР – учиться защищать свою Родину, свое Социалистическое Отечество! Я вижу перед собой уже не мальчиков и не юношей, а мужчин. Давайте не станем в этот торжественный день омрачать начало их службы вашими слезами. Им это ни к чему. Два года пролетят быстро, поверьте мне, отцу молодого офицера и бывшего солдата! Вам спасибо за ваших сыновей!

– Полковник, ты лучше скажи, где хлопцы служить будут? – выкрикнул чей-то отец из родительской толпы. – Ну, хоть соври что ли?

– Врать не умею! Не люблю! Знаю, что ребята отправятся служить в основном в Московский и Сибирский военные округа...

– Афганистан им не светит, может, знаете?

– Нет, конечно! – уверенно ответил полковник. Если вы имеете в виду ребят, годных без ограничения здоровья, значит в ВДВ. После учебного подразделения они будут направлены в

Бакшиш – символ дружбы и доверия между Советскими солдатами и местными мальчишками.

¹⁴ *Буру бача* – (по афгански) уходи, пацан!

Группу Советских Войск в Германии. Во всяком случае, я не знаю, кто из наших призывников направляется в ДРА. Все будет решать командование учебки – через полгода.

Родители, опустив головы, стали расходиться. Кто-то принялся играть на гармонии, пытаясь превозмочь холодный ветер.

Комиссар поднялся к себе в кабинет и закрылся на ключ. Он набрал по телефону три цифры и негромко доложил.

– Товарищ генерал-майор, команда «ВДВ–А» за номером «300» отправлена в количестве 87 человек. Сегодня 10 ноября 1984 года.

– Молодец. Ну что, эта команда тоже вся в ДРА? План выполнили, кажись?

– Выполнили, но эта команда – смешанная, направляется в десантную учебную дивизию в Литву в местечко Гайжюнай. А «афганцы» ушли еще первого ноября в Чирчик¹⁵ и Фергану.

– Добро, и не надо ни с кем на эту тему, как ты понимаешь, информация строго служебная, можно сказать секретная. Будь здоров, – сухо закончил генерал.

Офицер первым положил трубку, закурил «беломорину» и настезь распахнул окно. В комнату ворвался морозный уральский ветер, густо перемешанный с рыжей копотью от марте-новских печей Верх-Исетского металлургического завода. Мужчина нервно закашлялся, задал чинарик в чугунной пепельнице и закрыл окно. Сел за письменный стол, обхватил свою голову руками, пытаясь делать массаж: «Все, надо уходить из армии, не могу больше. Затянули войну, неужели нельзя было обойтись советниками и поставками оружия. Я же был советником в Египте, тоже ставился вопрос об увеличении контингента, но ведь воздержались. И правильно сделали. Устал я принимать зареванных матерей, помогать хоронить им своих солдат. Одна болтовня, интернациональный долг, слава героям. Никому этот герой не нужен кроме матери и отца. Вроде слух прошел, что будут выводить войска... Ни хрена, пока раскачаются... еще сколько сотен цинков придет. Эх, мать твою, а если я сейчас уйду, то моего сына летеху точно загребут в Афган, и некому прикрыть будет. А он, наивный дурак, рвется туда, но я не могу, не могу себе этого позволить! Единственный сын! Сволочи, безумцы, гады! Заварили мясную кашу, маразматика...»

Полковник не смог прикрыть своего сына, через два месяца он получил от него письмо со штампом «полевая почта». Он нервно разорвал конверт, развернул мятый листок и прочитал: «Папа, я горд и счастлив! Я Советский офицер и командир экипажа боевого вертолета. Я интернационалист! Помнишь, как мы пели с тобой когда-то давно на ночной Волге: «Гренада, Гренада, Гренада моя!» И в Афганистане будет социализм! Папка, здесь так здорово. Кабул красивый городок, а какие девушки, фантастика! Я почти влюблен в эту страну. Целую крепко, тебя и маму». Полковник не просто плакал, он стал выть и орать, словно обезумевший волк, потерявший своего единственного волчонка. Через три дня, немного уняв нервы, он подал рапорт об отставке...

– Рота, стой! *Буру!* – ядреный рык огромного майора, похожего на пустынного льва, вылезшего из своей норы, оборвал мои воспоминания. Я снова оказался в городке 103-й воздушно-десантной дивизии на окраине Кабула.

Колонна новобранцев остановилась у огромного металлического ангара, похожего на укрытие для межпланетных кораблей, как в американском фантастическом фильме «Козерог–1». Мы задрали подбородки кверху, пытаясь получше разглядеть всю грандиозность данного сооружения.

Майор продолжал свое эмоциональное выступление перед нами и явно получал от этого удовольствие.

– Рота, слушай мою команду! Нале-во! Привели себя в порядок, воробушки, подтянули ремни! *Р-р-раняйсь!* Отставить, е-едрена-Матрена! *Раня-я-ась!* Кхе! *Смир-на!* Гвардейцы! Вы

¹⁵ Чирчик – городок в окрестностях Ташкента, Республики Узбекистан, в котором готовили разведчиков для ГРУ.

прибыли, кто пока не понял, в Витебскую, гвардейскую, *Краснознамен-нуй-я*, орденов Ленина и Кутузова, *103-й*, воздушно-десантную дивизию! А сейчас вы стоите на святой земле гвардейского 350-го парашютно-десантного полка – «*Пол-тинника*»! Это лучший полк в дивизии и во всем ограниченном контингенте! У вас есть редкая возможность записаться прямо сейчас в его доблестные ряды. Лучшие из вас пополнят разведроту полка. Самую боевую роту! Ну? Кто в «полтинник»¹⁶ желает? Три шага вперед, марш! – майор закончил пламенную речь и захлопнул огромную нижнюю челюсть.

Я отметил для себя, что этот офицер очень похож на французского актера Жана Марэ. Классическое крупное лицо, огромная нижняя челюсть, венчающая волевой подбородок – синий от мощной щетины. Выразительные голубые глаза, посаженные глубоко и спрятанные под массивные надбровные мышцы. С его внешностью можно было стать звездой киноэкрана, а не рвать глотку перед пацанами – солдатиками. Он тоже, как и все мы, ничего не может изменить, а орет на нас, для того, чтобы настроить на то, что здесь кончились игры. Здесь придется применить все то, чему нас научили за полгода в учебке. А чему нас научили? Ну да, тому, что мы самые дерзкие и сильные солдаты. Никто кроме нас! А кто против нас, тот уже в истории. Уже неплохо.

– Товарищ гвардии майор? – вдруг пискляво спросил один солдатик.

– Что! Резче излагай, боец! – с усмешкой рыкнул офицер.

– А мы с парашютами прыгать будем?

– Ха, ха! С гранатометами, с минометами точно будем, но без парашютов. Щегол!

– Как это...

– Увидишь, сынок. С вертолетов! Еще вопросы есть, нет, вот и отлично. Вперед марш. – Майор вдруг стал спокойный и отрешенный. Отвернулся от строя и мудро посмотрел в горы, словно орел.

Парни впереди, сзади, сбоку стали нехотя выходить из строя с желто-серыми лицами, похожими по цвету на стены армейского «сортира». Я и еще несколько солдат застыли как вкопанные и не двигались с места. Тогда я не знал, что мной двигало, но мой внутренний голос сказал четко и спокойно: «Стой Санек и не дергайся».

Майор «Марэ» направился ко мне. Мне даже понравилось, что вот так, просто, я смог проигнорировать призыв незнакомого мне начальника и вызвать его жаркий интерес к моей персоне. Для большей убедительности я вытянулся по стойке смирно, напряг на всякий случай брюшной пресс и задрал подбородок высоко в небо.

– Ну что, боец, замерз, сынок? Не хотим служить в лучшем полку десантной дивизии? *Атве-чат*! – заорал офицер в мои глаза, да так, что его слюна брызнула мне на нос, а мой брюшной пресс принял достаточно увесистый удар кулаком.

– Ни как нет, товарищ гвардии майор! – безукоризненно и громко гавкнул я.

– Ну, тогда почему такая нерешительность, воин? Укачало головку, сынок, во время перелета? Га-га! – засмеялся майор. – Что, господа лабусы, не привыкли к туркестанскому горячему приему?

– Никак нет! Решительность на месте! – твердо сказал я.

– Молчать, воин! Я не удивлюсь, что ты еще и художник. Зря ты, солдатик, наверное, сюда прилетел.

– Ни как нет, не зря! Служить хотим, и только в ВДВ, – отчеканил я, – а здесь не укачивает! В принципе. Аксиома. Так как голова десантника – кость, а кость не укачивает! Костью нужно головы противника разбивать. Пардон, лучше саперной лопаткой! А головку тем более

¹⁶ «*Полтинник*» – гвардейский 350-й парашютно-десантный полк в составе 103-й десантной дивизии. Боевой и дерзкий десантный полк, привлекавшийся для ведения особо опасных боевых операций в Афганистане. Например, высадка на хребты и высоты в Панджшере.

не укачивает. Так как головка, она же башня боевой машины десанта, предназначена для размещения в ней оператора-наводчика боевой машины.

Офицер внимательно выслушал мои мозговые выкладки, нахмурился, а строй молодых солдат весело и громко заржал.

– Молчать в строю! – гаркнул майор. – Недоноски, половины десантников! Мальчики с большими членами. *Шмир-на!* Я не понял, сыны, служба медом показалась, не успели приземлиться своими «зелеными жопами» в Афганистан! А-а, да! Аксиома, теорема! А ты умный что ли, юморист? – обратился он ко мне. – Может математик Эйнштейн? Олег Папанов, Юрий Никулин, может Гоша Вицин или Савелий Крамаров? Аа-а, нет, ты просто решил стать здесь клоуном? Ладно, бойцы, всем встать обратно в строй. Сейчас размещаетесь в кинозале, где вас распределяют по частям и гарнизонам. Потом вашим воспитанием займутся старшие опытные товарищи. Вот где будет весело, а умники и юмористы поедут туда, где чаще всего награждают медалями и орденами, в основном посмертно! Га-га! В самую «жопу»! – загоготал от смеха майор и продолжил. – Заходим вовнутрь спокойно, но стремительно! На месте бего-ом марш! – скомандовал «Жан Марэ», закурил сигарету и сильно выдохнул дым в строй бегущих солдат.

Мы стали заходить в этот «космический ангар», оказавшийся клубом дивизии и закрепленный за «полтинником». Нас догнала и выстроилась чуть дальше вторая рота таких же желторотиков – новобранцев. Это были наши знакомые ребята, летевшие с нами с самого Каунасского военного аэродрома, собственно, это вообще не аэродром, а просто огромное взлетное поле для стоянки и взлета самолетов военно-транспортной авиации, не отмеченное ни на одной карте СССР...

Из Каунаса до Ферганского полка ВДВ мы вылетали 25 апреля рано утром одним бортом с ними в надежном и огромном Ил-76. Загрузили нас тогда полный самолет – двести пятьдесят десантных душ, включая командиров взводов и старшин-прапорщиков. Внутри салон был оборудован алюминиевыми конструкциями с жесткими креслами в два этажа. Летели долго, не меньше пяти часов. Командир экипажа то и дело выходил в эфир и шпарил армейские анекдоты, иногда смешные, но в основном затертые, как солдатские портянки. Шутка ли, пролететь через весь Союз из Литвы в Ферганскую долину. Через час полета и болтанки по воздушным ямам многих стало подташнивать. Штурман тогда по громкой связи в шутовском тоне объявил: «Братва, внимание! У каждого за спиной бумажные пакеты. Снимайте и блюйте туда, на головы товарищам и на пол не надо! Как поняли?»

Мы одобрительно закивали, кто-то уже не кивал, а хватал пакет и извергал туда все ненужное в этом брэнном мире. Я удивлялся сам себе, обычно мне хватает пяти минут на каруселях, чтобы меня укачало по полной. Поэтому я всегда обходил все парки аттракционов за километр. И на призывной комиссии, когда молоденькая медицинская сестра спросила, укачивает ли меня в транспорте или на качелях, я с улыбкой соврал: «Это чувство мне не знакомо». А сейчас, в теплом брюхе небесного «горбатого кита», нас болтало и бросало по разным высотам. Я понимаю, что маршрут у нас военный, скорее всего – секретный.

Снова набираем высоту, летим на девяти тысячах метров. Через двадцать минут срываемся вниз, переходим на семь тысяч. На мат уже никто не обращает внимания, тошнит всех: бойцов, старшин сверхсрочников, прапорщиков пофигистов и лейтенантов гитаристов. Плох тот командир взвода, который не дружит с гитарой, ведь она как боевая подруга и верный друг, успех у твоих солдат и любовь их к своему взводному командиру.

Командир взвода подошел ко мне и закричал в мое правое ухо, пытаясь перекрыть гул турбин.

– Ну как, Саня, дела? Жив маленько? Здорово, летим как янки во Вьетнам!

– Отлично, командир! – улыбнулся я в ответ.

Я одобрительно закивал головой, мне нравится дружеский тон офицера, но я едва сдерживаюсь, чтобы не потянуться за бумажным пакетом. Уши заложило так, что приходилось догадываться, о чем говорят солдаты по соседству. Все жаловались на невыносимую болтанку. Взводныйпил греческий апельсиновый сок из алюминиевой банки, и дал глотнуть мне. Я сделал один глоток и отдал банку офицеру, больше пить боюсь, вдруг и вправду, стошнит.

Какой-то молодой и очень «зеленый» лейтенант с нижнего яруса закричал.

– Сколько можно болтаться в этих консервах! Дайте мне мой парашют и откройте дверь, я сойду на ближайшем повороте!

Самолет сотрясся от дружного смеха, никто и не задумывается серьезно он это, или нет.

– Брат, забудь про парашют на ближайшие два года, – посмеялся старлей, сидящий в хвосте самолета. – Мы теперь верблюды, корабли пустынь – это в лучшем случае, а в худшем – просто мясо, говядина.

– А ты что, самый бурой и информированный? – недовольно спросил лейтенант. – Откуда знаешь, что прыгать не будем?

– Как откуда? Люди говорят, – ответил старлей, – те, что вернулись – не прыгали! Караваны били, какие прыжки, боевая работа! Водка, баня, девчонки по выходным! Если конечно достанется сестричка!

– Хреновые значит десантники! А я буду, слышишь, – возмутился лейтенант, – буду прыгать, хоть бы к черту в пекло! Я член сборной вооруженных сил по десантным войскам, я всегда должен прыгать, мне к чемпионату СССР надо готовиться. На черта мне какие-то караваны, бабы, водка. Я спортсмен, я даже не курю! Женат я, год уже. У меня жена красивая, лабуска, эх, девка!

– О, а вот с этого эпизода поподробнее, – крикнул кто-то из офицеров. – Расскажи, лейтенант, какая у тебя жинка. Груды какого размера, глаза голубые или карие?

– Обойдетесь, вот ведь прохвосты, жинку им мою распиши! Вот вам! – лейтенант показал всем увесистую фигу.

– Без обиды, брат, говорят, там, «за речкой»¹⁷, наши воюют, ползают как черви в грязи и собственной крови! Не до соревнований! Тебе еще не поздно, в Фергане можешь пересесть в другой самолет, член сборной! И к жинке домой, в мягкую постель, – засмеялись офицеры и поправили, как по команде, свои усы.

– Я слышу, ты мне грубишь, летеха, может, поговорим по приземлению, а? Что скажешь? – крикнул обиженно в хвост самолета спортсмен-парашютист.

– Легко, брат, правда, я не сказал тебе, что я ведь тоже «член»! – закричал старлей из хвоста. – Член сборной прибалтийского округа по боксу и армейскому рукопашному бою! Так что смотри, стоит ли?

– Черт с тобой, «член», я тоже могу в рукопашку! Эх, блин, говорила мне мамка: «Не ходи ты сына во солдаты». Вот засада, зачем же мы все туда летим? Мать вашу, мы ведь парашютисты, а не «соляра»? Не понимаю ни черта, – офицер затих и, наверное, заснул. На его вопросы никто не ответил.

Самолет выровнялся и пошел по прямой. Я вдруг уснул и даже перестал слышать шум турбин.

Через несколько часов мы приземлились на военном аэродроме туркестанского военного округа, в Ферганской долине. Наш самолет коснулся горячей бетонки, пронесся еще метров триста и замер. Открыли заднюю рамку. Мы стали выходить и осматриваться вокруг. Ну и печет, градусов сорок, не меньше. К нашему «Илу» подруливает «УАЗик» с полковником и двумя сержантами автоматчиками, все четверо, включая водителя, в десантных беретах и в

¹⁷ «За речкой» – прохождение службы в Афганистане.

выгоревшей добела амуниции. На горизонте в раскаленном мареве виднеются редкие южные деревца и белые домишки.

К нам бежит старик с двумя малолетними детьми – мальчиком и девчушкой. За ним поспевают три пестрые, почти бесшерстные дворовые шавки. Собаки радостно лают и крутят весело хвостами. Дети шумно кричат и просят у нас наши сухпайки, особенно их интересует сгущенное молоко и говяжья тушенка.

Солдаты стали дружно вытаскивать из своих мешков различные консервы и передавать детям и старику. Скоро благодарных рук уже не хватает, и старик с детьми радостно уходят.

Отойдя от самолета метров – пятьдесят, старик вдруг обернулся и радостно прокричал.

– *Десантники!* Спаси вас Аллах! Там, «за рэчкой!» Всевышний справедлив, каждый получит то, что *заслю-жил!*

Гора консервов все растет, к ней бежит детвора с ближайшего поселка и весело растаскивает все маленькими ловкими ручонками. Мы вываливаем из своих мешков почти все банки и пачки с галетами. Пить, как хочется пить, все остальное нам больше не нужно.

Многие парни блюют, отойдя от самолета метров на двадцать. Солдаты жадно опустошают содержимое своих фляжек с остатками литовской прохладной воды. Офицеры и прапорщики – кто покуривает, кто пьет личную, затаренную раньше минералочку. Звучит команда старшего офицера на построение. После проверки личного состава, полковник ставит задачу на марш-бросок в пять километров до городка учебного Ферганского полка ВДВ. Офицеры переходят на бег, и вся наша солдатская масса побежала, подчиняясь общему привычному порядку. Минут через двадцать кто-то из солдат стал отставать, кто-то даже упал. Полковник из «УАЗика» не унимается, и приказывает продолжать бег и нести «шлангов»¹⁸ на себе. Бежать в парадке, а это – галстук, фуражка и туфли для увольнений в город, настоящая пытка. За спиной бьет по лопаткам полупустой вещь-мешок с оставшимися в нем пустой фляжкой, запасным тельником и новеньким беретом десантника.

Прапорщики недовольно бурчат и вскоре дружно отстают от колонны и переходят на шаг. Через час бега мы прибываем в городок учебного полчка. Солдаты находят какой-то ржавый металлический бак на четырех таких же ногах, оказавшийся пунктом для умывания и мытья котелков. На его боках множество краников. Мы раздеваемся до пояса, обливаемся. Потом жадно пьем коричневую воду из соседнего бачка. Оказалось, что это вовсе не вода, а чай из верблюжьей колючки, в который накалили еще и таблетки с хлором. Но все равно, вкусно. У меня все плывет перед глазами, я пью эту необычайно вкусную «воду» и не могу напиться. Солдаты разбредаются в поисках тени, падают на махонькую травку, под каким-нибудь колючим кустиком и отрубаются с улыбкой на лице.

Офицеры столпились вокруг одного солдатика, которому стало плохо во время марша по долине. Кажется, ему делают искусственное дыхание. Любопытных солдат не подпускают. Полковник звонит в штаб полка, потом в госпиталь и страшно ругается. Двое солдат, бывших при нем, несут потерявшего сознание рядового в «УАЗик», туда же запрыгивает один из молодых прапорщиков. Автомобиль срывается с места и уносится прочь.

Несколько побеленных длинных глиняных казарм, спорт зона, десантный городок, ржавая парашютная вышка без купола наверху, беседка-курилка, аллея высоченных пирамидальных тополей, уходящая куда-то далеко к предгорьям – и ни души. Вот и все, что врезалось в мою память в этой Ферганской долине. Под ногами выжженная солнцем земля, превратившаяся в высохший цемент. Городок пуст, словно отряд крестоносцев где-то в Марокканской пустыне был застигнут страшной вестью о приближающихся тучах арабских воинов и в спешке ушел куда-то в горы.

¹⁸ «Шланги» – бездельники, проныры, лентяи. Обидное, но имеющее основание, прозвище неповоротливых солдат. Этим словом пользовались в основном прапорщики и молодые офицеры – командиры взводов.

Лишь через полтора часа, когда солнце спряталось за высоченным хребтом и многие из нас стали приходить в чувство от нестерпимой жары, мы заметили на флагштоке, высоко, в прозрачном синем небе красный флаг. Он бился в потоках вечернего ветра, будто алый парус в морских просторах. Я лежу и смотрю на него, улыбаясь. На мгновение вспоминаю Черное море, Новороссийск, свою мечту о службе в морской пехоте. Мне кажется, что я на палубе огромного десантного корабля, гордо бороздящего Средиземное море.

Мне не то чтобы весело, но все же радостно на душе, что я в десанте. Пусть не в морском, зато в самом настоящем – воздушном – на неизвестной, спрятанной в горах маленькой заставе парашютистов. Рядом такие же парни с крепкими нервами и сильными мускулами. С каждым днем мы становимся тверже, мудрее и старше. Уже не услышишь в наших беседах в курилке о разной ерунде, случавшейся с нами там, в той прошлой детской жизни.

Парни просыпаются и многие смотрят в небо, на флаг и на горы. Приходят офицеры, мы строимся и отправляемся на ужин. В большой палатке расположены длинные деревянные столы, точно такие же, что кормили русских солдат еще в войну 1812 года. Фонари качаются на ветру, в столовой полумрак. Каждому входящему десантнику выдают по две таблетки и заставляют немедленно проглотить. Таблетки, как и чай, пахнут хлоркой, мы морщимся, но глотаем их. Так надо. На ужин настоящий горячий сладкий чай. Все остальное есть у каждого солдата, но оказалось, что почти все сухпайки отданы маленьким жителям Ферганы. Я жую галеты, парни передают по столам оставшиеся банки с тушенкой и гречневой кашей. Каждый загребают по ложке и передает банку дальше. Есть особо не хочется, зато чай очень вкусный, не такой как в Каунасе.

Я присел у белой казармы нашего «дома» – на эту ночь. Из темноты появился командир взвода Семенов и сказал, что завтра утром мы вылетаем в Афганистан и попросил выполнить одно важное для него дело.

– Ладно, утро вечера мудренее, – махнул он рукой, постоял в задумчивости, и ушел в ночь.

Сверчки и цикады поют так громко, что их треск распространяется повсюду, отражаясь от черных предгорий и возвращаясь в самые уши. Эта мелодия не утомляет, она прекрасна и вечна, словно маленькие ангелы поют бесконечную мелодию жизни. Они будут петь всегда, если даже случится непоправимое, и я не вернусь из той неведанной страны, в которую мы влетим завтра на серебряных самолетах судьбы.

Странное, необъяснимое состояние, от которого встают дыбом волосы на затылке и бегут мурашки по всему позвоночнику. Где-то, внутри меня, все сжалось от едва тлеющей тоски по родителям – особенно по моему папке. Он только с виду был всегда дерзкий, смелый и независимый, но если бы со мной случилось несчастье, то он точно не выдержал бы такого удара. Мама – всегда ласковая и ранимая, но внутри была необычайно сильная, думаю, она смогла бы пережить мой геройский выход из жизни. Конечно, эти картины нужно прогонять, иначе они заполнят все твое мышление и, в конце концов, создадут опасную ситуацию.

Мысли мои плавно перестроились и потекли совсем в другом направлении. Я вспомнил как очень давно, наверное, в первом классе, мама читала нам с сестренкой книжку про путешествия Синдбада-Морехода, превращения Халифа-Аиста и волшебную лампу Алладина. Сказки Древнего Востока будоражили мое воображение и снились мне по ночам, они пленили меня и звали к себе. Ну что же, завтра все мои мечты станут явью, и я увижу волшебную, неизведанную и древнюю страну – Афганистан.

Мы вошли в пустую казарму Ферганского учебного центра ВДВ. Тишина, запустение, как в морге. Удивительно бедная обстановка, деревянный пол времен борьбы Красной Армии с басмачеством в Средней Азии. Старенькие стены с облупившейся краской. Солдатские кровати стоят в один ярус, второй просто не вместится, потолок слишком низок. Пара горящих лампочек на весь длинный коридор.

Где-то в углу трещит радио-транзистор:

«Яростный строй отряд, радостный строй гитар!

Словно степной пожар песен костры горят...

Но одержимость всегда права, когда находит свои слова!»

Когда-то давно, год или два тому назад, я очень любил эту песню и готов был слушать ее ежедневно. И сейчас она пробудила во мне спящее мужество, протрезвила от мрака и тяжелых раздумий. Неожиданно, из того же темного угла послышался шорох и с двух кроватей поднялись двое высоких загорелых словно черти и очень худых старших сержантов-десантников. Видок у них был отвязный и расхлябанный. Они ухмыльнулись, глядя на нас и завели разговор.

– Молодняк, здорово! Располагайтесь, выбирайте себе кровати, матрасы там, в углу, одеяла там же. Можете ложиться и дрыхнуть.

– Спасибо! – промямлил кто-то из наших.

– Надолго к нам? – обратились они ко всем сразу.

– Нет, завтра утром уже в Афган! – ответили мы почти хором.

– А, ха, смертнички! А куда?

– Вроде в Кабул, дальше не знаем! Может куда-нибудь в Кандагар¹⁹, – ответил один незнакомый мне парень.

– Если в Кабул – считайте везунчики, там «духов» почти не осталось, их всех наша десантура перебила. Если в Кандагар – считай, не повезло, Баграм²⁰ – цинковый ящик, Джелалабад²¹ – тоже полная «жопа». Вы откуда прилетели, голубки?

– Кто откуда, но все с Литвы – с учебки, – ответил я.

– А, ясно, лабусы значит. Не страшно лететь в Афган?

– Нет, конечно, вообще по хрену! Мы что, не десантники, «мабута»²² что ли? Да мы голыми руками этих бородатых...

– Ха, ну-ну! – засмеялись сержанты.

– А вы здесь служите? А где другие солдаты, курсанты? – поинтересовался я.

– Там давно уже все, – сержант с желтым лицом нехотя махнул рукой в сторону гор. –

На прошлой неделе разлетелись «голуби».

– А вы что же? – спросил я.

– Мы, гм, а мы уже свободные личности, через пару деньков домой. Отслужили!

– В Афгане что, не были? – спросил здоровый и смелый верзила.

– *Ча*, салаги, любопытные! Были мы там, были! В 350-ом десантном волчьем полку.

– Расскажите? – осторожно спросил я; сердце мое, почему то, часто забилося.

– Недолго мы там были, в прошлом году. За полгода несколько ранений, контузия, гепатит, у моего кореша и тиф, и желтуха. Хватит, повоевали. Здесь лечились, потом хотели нас обратно отправить, чтобы мы там уже точно сдохли, но врач местный – хороший и добрый капитан – нашел у нас дистрофию. Нас и оставили, пожалели, наверное.

Мы переглянулись и в разнбой стали спрашивать у дембелей про Афганистан.

Оказалось, что они здесь на учебной точке почти год. Этот городок лишь точка, максимально приближенная к диверсионному лагерю в горах, чтобы солдаты привыкали сразу к горной обстановке, никаких излишеств. Сержанты-доходяги принимают молодых, следят за городком, в общем, ждут увольнения в запас. Еще мы узнали, что за Афган им вручили по

¹⁹ *Кандагар* – город в южном Афганистане. Пустынный и обширный район, плохо контролируемый нашими войсками.

²⁰ *Баграм* – город в 60 километрах от Кабула. Также крупный аэропорт. Сложный и опасный район для ведения боевых действий.

²¹ *Джелалабад* – город в Афганистане. Дорога Кабул – Джелалабад была очень опасна. Сам город, до прихода шурави, являлся курортом с кипарисовыми рощами и фруктовыми садами, в зеленой зоне водились обезьянки.

²² *«Мабута»* – «мазута», «соляра», насмешливое прозвище всех войск в Афганистане кроме ВВС и ВДВ.

медали «За боевые заслуги», и что роты, где они служили, наполовину полегли в боях с басмачами где-то в окрестностях Джелалабада и Панджшерского ущелья²³.

Я подобрал себе более-менее живой без дырок матрац, получил у сержантов серые простыни, за минуту упал в кровать и отрубился. Может тело мое спало, но мозг судорожно размышлял: «Неужели это правда, что роты, где служили эти сержанты, наполовину уничтожены? Врут, наверное, вояки? Точно врут, не может этого быть! Ну, пусть не наполовину, пусть поменьше». Я закрылся одеялом с головой.

Сержанты снова включили свой транзистор. Я приоткрыл одеяло и стал слушать. Эдита Пьеха как-то жалобно пела.

*«Свѣтит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Звездные огни аэродро-ма.
Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни по-лу-чать,
Радости скупые телегра-а-мы!
Надежда, мой компас земной,
А удача – награда за сме-елость,
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пе-е-лось...»*

Все мое существо сжалось, сердце колотилось не в такт и как-то жалобно. Я вспомнил отца и маму, заснеженный аэродром какого-то маленького городка, куда мы с мамой прилетели к внезапно заболевшему отцу. Батя тогда работал там вторым тренером местной хоккейной команды и сильно простыл на одной из тренировок. Мама отпаивала его куриным бульоном и чаем с малиной. Она бранила отца, что тот неисправимый романтик-хоккеист и даже дурак, готовый работать за гроши, лишь бы это был хоккей. Отец кашлял и соглашался. Мы забрали папку домой. Мама была довольна, а я счастлив. Городок провожал нас страшным морозом и пургой, кажется, это был Череповец. Старый красный трамвай, похожий на черепаху, сошел с рельс и стоял, заматаемый снегом. Почему-то этот трамвай мне врезался в память об этом городке.

Я вырос и стал еще большим дураком, чем мой отец. Завтра, нет уже сегодня, я полечу в далекую и опасную страну, где бандиты и басмачи русским солдатам отрезают головы и вспарывают животы, где молодые пацаны за год становятся высохшими стариками, переболевшими тифом, малярией и желтухой. В страну, где я буду простым солдатом, который, в общем-то, расходный материал, просто ветошь и дерьмо. Мясо для войны. Нет, я все равно полечу туда, я не допущу, чтобы меня заменил пугливый деревенский паренек, я справлюсь! А разве у меня есть выбор? От судьбы не сбежать. Бабушка была права. До встречи, Афганистан!

Немного поворочавшись, я тревожно уснул. Чистейший горный воздух и пение цикад, сделали свое дело. Приснился мне пыльный Афганистан, наш самолет все садился и снова садился в пустыню. После приземления нам раздали винтовки. Почему винтовки? И по горстке патронов. Мы бежали сквозь ветер и пыль. Я никак не мог представить себе врага – образ душмана²⁴ не желал вырисовываться в моем подсознании. Душманов я так и не увидел, только ветер и песок... Под утро мне приснилась моя медсестра из Каунасского батальона, она была в майке-тельняшке, из которой то и дело выпрыгивали непослушные маленькие груди с розо-

²³ Панджшерское ущелье – провинция Ахмад Шах Масуда. Оно же «Ущелье пяти Львов». Ключевая провинция, богатая драгоценными камнями. Природа Панджшера великолепна. Здесь полно фруктовых рощ, а в реке Панджшер – много рыбы.

²⁴ Душман – враг (в переводе с афганского). Чужой, душегуб, разбойник, террорист. Тот же самый моджахед.

выми почти острыми сосками и в прозрачных трусиках с кружевами, сквозь розовый шелк которых угадывался заросший нежной растительностью упругий девичий лобок. Она смотрела на меня и была совсем рядом, я видел ее розовый ротик, карие глаза и пышные длинные волосы, падающие почти до пояса. Она была счастлива со мной, а я с ней. Мы просто смотрели друг на друга не прикасаясь... но на самом интересном эпизоде меня растолкал Витек Кинжибалов, мой друг по нашему несчастью, или счастью: «Подъем, великий мастурбатор ВДВ, самолета заждались, однако, ха!»

Утром после завтрака пронесся слухок, что солдатик, которого вчера откачивали после марша, помер от разрыва сердца в больнице Ферганы, а вернее еще раньше, в «УАЗике» «бешеного» полковника. Этот слух в солдатской среде распространили вездесущие прапорщики. Двое из них написали рапорта и отказались лететь в Афганистан. Я их не виню, это их дело. У каждого своя причина, чтобы не лететь на войну. Мы поверили и молча почтили пацана, так и не долетевшего до своего Афгана. Горько, а может судьба оберегла его и не позволила пересечь эту грань, где его ждала бы еще более страшная участь? Кто его знает? Я первый раз озлобился на старшего офицера, на того полковника, который погнал нас по Ферганской долине в сорокаградусном пекле. Солдат умер. Полковник не виноват. Никто не виноват. Русский солдат погиб, так и не долетев до своей войны, оступился, упал в верблюжью колючку и уснул. Может он просто хотел пить? Почему солдатам не дали воды...

В маленькое окно железного клуба, я увидел как солнце садится за горы. Первый день в Афгане догорал. В клубе нас примерно двести молодых солдат. Об этом доложил огромный майор тому самому полковнику, который жал мне руку на аэродроме. Полковник требовал точно уточнить количество новобранцев, цифра двести ему явно не нравилась, от этого у него дергалась щека. После поголовного пересчета нас оказалось сто девяносто семь, не считая десятка офицеров и нескольких прапорщиков.

Если нас из Гайжюная летело двести пятьдесят, значит, в Фергане остались полсотни десантников, наверное, они прилетят завтра.

Потом я узнал, что в Кабул они не полетели, а на Ан-12 их прямиком забросили в город Баграм. Баграм – это слово, от которого мне становилось жутко, от этого набора букв веяло холодом и дикостью. Я не хотел в Баграм. И мечтал лишь об одном – остаться здесь, в десантной дивизии, на краю Кабула. Туда улетел Жека Бутаков – добрый уральский парень. Он тоже не хотел в Баграм, но «приказ» этого не знал.

За каких-то пару часов я привык к военному аэродрому, к десантному городку, к этому пыльному воздуху и жаркому солнцу; к комдиву, с огромными лапами тигра и улыбкой Джоконды.

Леонардо да Винчи, Ван Гог, Пикассо, папкины книги, холсты, мольберт, как вы далеки от меня. Я осмелился растянуть пространство на тысячи световых лет, не спросив никого, я захотел проверить себя на прочность. Я не ожидал, честно не ожидал, что игра моя зайдет так далеко. Ну что же, главное теперь спокойствие и хладнокровие. Я вернусь, я обязан вернуться и нарисовать все, что предначертано свыше! «Вы слышите, живые вещи мастерской художника, я вернусь!»

В уютном кинозале мы уснули и спали не меньше получаса, пока клуб не наполнился множеством офицеров из всевозможных полков, батальонов, отдельных рот непонятного пока нам назначения.

Один усатый капитан пришел с гитарой, уселся в первых рядах и принялся подбирать аккорды. Он был похож на кота, того, что ходил в сапогах. Вначале старшие офицеры, в выцветших камуфляжах, стали вызывать вновь прибывших офицеров и прапорщиков, я заметил, как и моего командира вызвали окриком.

– Отдельный батальон связи! Старший лейтенант Семенов Александр, здесь? Прилетел? – крикнул офицер маленького роста. Погоны его были помяты, звание было не разглядеть.

– Так точно! Я! – четко и громко ответил мой взводный.

– Хорошо, подходите ко мне. – Семенов быстро оказался перед офицером. – Я капитан Сойкин, заместитель начштаба отдельного батальона связи нашей дивизии. Подождите, я заберу еще нескольких бойцов. Нам нужны замы начальников радиостанций и пять-шесть радиотелеграфистов. Минутку.

– Конечно, товарищ капитан. Кстати, со мной два солдата с Каунасского батальона связи. Радисты на «Чайку»²⁵. Это мои, с первого дня службы, я их возьму?

– Ну, поглядим, у меня тут список есть, если получится, то и твоих возьмем. А ну, скажите кто, я посмотрю по своему списку, – сказал капитан Сойкин, глядя в замятую бумажку.

– Рядовые Одуванчиков Александр и Кинжибалов Виктор.

– Гм, таких в моем списке нет. Ну, поглядим, может, получится их взять? Не грусти, Саша, здесь в этом ангаре пути расходятся у многих, – с горечью улыбнулся капитан. – А у солдат и офицеров тем более, многие уже не встречаются никогда. Да я не в том смысле, просто гарнизонов много! По всему Афгану! А солдат и младших офицеров не хватает. Да ну, все это к чертовой матери! Будто мы двужилые. Я грешным делом думал, что в апреле все домой полетим, а тут – бляха, вот вас, новеньких принимаем. А ты будешь служить во второй роте, там командно-штабных машин нет.

– Брр, не совсем понял, а что там есть? – настороженно спросил старший лейтенант.

– Все нормалек, увидишь. Тебе понравится. А что делать, других вакансий нет... – развел руками капитан Сойкин.

– Я ведь на капитанскую должность прибыл, ротным, не меньше, – уточнил Семенов.

– Сашок, будешь ты и ротным... все своим чередом, – хитро улыбнулся капитан.

Офицеров и прапорщиков разобрали быстро, вот и дошла очередь до нас, выпускников учебок из Литвы. В основном – мы все рядовые, разные младшие специалисты для ВДВ. Почему я и другие парни не получили звание младший сержант или хотя бы ефрейтор, нам не известно, наверное, не нужно столько младших командиров в Советской Армии. Зачем тогда мы учились полгода в сержантской учебке? На это есть правильный ответ, он же крылатое выражение, появившееся в недрах солдатского молодняка: «Сержантская учебка, это не то место, откуда можно выйти сержантом, а то место, где живут страшные сержанты-инструкторы, они же твои непосредственные командиры и «козлы».

Почему-то весь этот процесс по разбору нашего брата-солдата по воинским частям мне напомнил рынок рабов в Древнем Риме. Усатые, грубые и черствые, пыльные и возрастные прапора и рано поседевшие молодые капитаны выкрикивали фамилии «рабов-гладиаторов». Солдаты молча вставали и выходили строиться на улицу. На лицах у многих я заметил налет растерянности и непреодолимой печали. По-другому и быть не могло, они стояли перед пропастью неизвестности, где на кон была поставлена собственная жизнь. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: «А ведь здесь, парень, тебя могут запросто шлепнуть, и будь здоров, Вася, Петя, Шурик, Тимурчик, Володенька, и Лешка...»

Я ждался в комок, словно мокрый котенок, и пытался услышать свою фамилию. Мне нужно было одно – попасть со своим взводным в один батальон, а там уж он заберет меня к себе. Я знал этого человека и по-настоящему доверял ему. Теперь мы с ним были на одной планете – на чужой. Скорее всего, это он забрал Витька и меня сюда, в Кабул, а то загремели бы мы в самое пекло – Желалабад или Баграм, а может в сам Кандагар, где по рассказам «рэксов»²⁶ и ветеранов, шансов выжить практически нет.

²⁵ *Чайка* – командно-штабная машина управления войсками. Имела в своем чреве набор различных радиостанций. В Афганистане могла быть как на базе БТР-60, так и на ГАЗ-66 и даже в боевой машине десанта или других гусеничных машинах. В данном случае – первый вариант.

²⁶ «Рэкс» – опытный солдат или сержант ВДВ, обычно спортсмен, имеющий талант быстро и успешно выполнять любые приказы командиров. Например, взять «языка» (душмана в плен) или достать в дукане спальный мешок, или кроссовки, не

Разобрали солдат в «полтинник», артполк, в 357-й полчок, саперный батальон, в отдельную 80-ю разведроту. Дошла очередь до батальона связи. Все тот же маленький капитан Сойкин стал называть рядовых и ефрейторов согласно своему списку. Меня и Витька в нем не оказалось. Мы переглянулись. Мне стало тоскливо и одиноко. Было такое чувство, что тебя выбросили на помойку, как нашкодившего щенка. Почему мы не идем в наш батальон? Витек прошипел: «Да и хрен с ними. Видать, Шурик, получим мы ордена посмертно! Доигрались». Сердце мое немного замерло, я ничего не ответил, закрыл глаза и мозгом увидел своего ротного командира Каунасского батальона.

Месяц назад. Март 1986. Литва, Каунас

Гвардии майор Валерий Падалко, для своих сорока трех, выглядел старовато. Было видно, что он устал от службы. Его не интересовал карьерный рост. Должность командира учебной роты связи ВДВ стала его потолком. Обычно молчаливый и спокойный он внушал нам, сопливым новобранцам, чувство внутреннего баланса. Его не называли, как это принято в войсках «папа ротный»²⁷, а звали совсем иначе – «Старец». В этом слове было все: философия, горький опыт, усталость и самое главное, доброта к своим детям, то есть к нам. Мягко и бесшумно он поднимался ночью в расположение нашей роты и горе тому сержанту, который устраивал «маневры» своему взводу. Дневальный «на тумбочке»²⁸ и дежурный по роте не могли промолвить и слова, ротный стоял перед ними, а указательный палец на его сомкнутых губах запрещал даже пикнуть. С легкой руки курсантов ротному добавился позывной «удав»²⁹. Если «удав» в роте, то сержанты вешаются. «Козлы-сержанты» действительно опасались ротного, ведь говорил он мало, медленно и приглушенно, но мог запросто отправить на «губу»³⁰ или еще дальше – в войска.

Год назад Валерий Падалко вернулся из Афганистана, где получил контузию и медаль «За боевые заслуги». Своим детским умом мы, его курсанты, понимали, что медаль «За БЗ», это слишком малая благодарность офицеру боевой роты за целых два года на войне. Сам командир молчал об этом, один раз только сказал: «Зато честно заработанная, не покупал!» И больше ни слова.

В самом конце марта, за месяц до моей отправки в Афган, он вызвал меня на разговор в канцелярию роты. В его маленьком кабинете было тихо и темно. На письменном столе стояла настольная лампа и освещала кружок на каких-то документах. Командир сидел за столом, пил крепкий чай из граненого стакана, вставленного в сталинский мельхиоровый подстаканник, и читал. Я в первый раз увидел его в очках. Теперь он больше походил на учителя истории или директора школы, но не на командира десантной роты, имеющего за спиной более четырехсот прыжков с парашютом.

– Проходи, присядь, есть небольшой разговор к тебе, рядовой Одуванчиков, – майор снял очки и аккуратно положил их в футляр.

– Есть! Товарищ гвардии майор, – я взял стул и присел с противоположной стороны стола. Мне стало немного смешно, такой же футляр для очков я видел давным-давно у своей бабушки.

заплатив при этом дуканщику.

²⁷ «Папа ротный» – «отец родной», не кто иной, как командир гвардейской парашютно-десантной роты. Практически он был хозяином и отцом каждому солдату и сержанту роты. Солдаты, как правило, любили своего «папу» и старались не подвести его в бою. Чужого офицера, «папу» другой роты, солдаты-десантники легко игнорировали и могли даже не подчиняться его воле, прямо или скрытно.

²⁸ «На тумбочке» – дневальный – рядовой солдат, дежуривший около оружейной комнаты и следящий за всеми прибывающими в модуль.

²⁹ «Удав» – командир третьей учебной роты курсантов в Каунасе. Личная, не оскорбительная кличка ротного «папы».

³⁰ «Губа» – в армии солдатский сленг обозначения гауптвахты. Изолятор для содержания нарушителей воинской дисциплины.

Офицер закурил, лихо отбросил спичечный коробок на стол, встал и подошел к окну. Приоткрыл форточку и с наслаждением выдохнул дым в вечерний сумрак.

– Вы знаете, Одуванчиков, что есть решение направить вас для дальнейшего прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан? – майор прищурил правый глаз от едкого папиросного дыма.

– Так точно! Я в списках «афганцев», завтра идем с другими курсантами-кандидатами, на дополнительный медосмотр в санчасть, товарищ гвардии майор!

– Родителям уже написали? Я пока не советую. Еще ничего не ясно, – майор сделал два шага ко мне и посмотрел в мои глаза. Я увидел в его зрачках целую вечность: незнакомые черные горы, тоску, холод, фиолетовое небо с минаретами на горизонте и то, что все давно уже ясно, как и то, что завтра будет новый день – дождливый или солнечный, счастливый или угрюмый, но он точно будет.

– Конечно, и не собираюсь писать. Напишу, когда устроюсь, – спокойно ответил я.

– Устроишься? Ха! Да ты с юмором, парень. Страх есть? – ротный посмотрел своими черными зрачками «внутрь меня».

– Никак нет! Просто сердце немного замирает, это, скорее всего, волнение. Недостаток информации. Говорят, там интересно. В Джелалабаде, например, есть пальмы и даже обезьяны. Горы красивые, апельсины, гранаты, девушки восточные. Плац чистить от снега не надо. Почти курорт.

– Да-уж! Точно курорт. Гранат там завались, бери – не хочу, вернее, бросай – не хочу! Но это не Куба и не Крым, и девушки там ходят с ног до головы в чадре, – серьезно сказал ротный, снова уселся на стул и продолжил свой монолог, глядя почему-то в первую полосу газеты «Красная Звезда». – У меня к тебе предложение другого плана. Можешь остаться здесь, в нашем батальоне, художником-оформителем до конца службы. Ленинские комнаты совсем поизносились, все планшеты менять надо. Ты справишься. Замполит батальона в курсе, это наша с ним идея. Думаю, найдем причину оставить тебя. У тебя ведь нога не совсем оправи-лась? Гнойное воспаление, это серьезно. С этим не шутят...

– Это вы серьезно? Отмазать меня хотите? – я встал по стойке смирно, молча смотря в потолок и глотая вдруг полившиеся ниоткуда слезы.

– Эй, боец, ты не так меня понял! Конечно, предложение необычное, но это нормальное продолжение службы. Я же тебе не свинарем предлагаю дослуживать. Если у нас никто не может рисовать и писать перьями, кто будет все эту агитацию мастерить? – майор отбросил газету, отвернулся к окну, встал и нараспашку открыл огромную армейскую форточку. Закурил вторую сигарету.

За окном огромными хлопьями падал снег. Свежий влажный воздух ворвался в прокуренную комнатку. Я смотрел на сутулую спину командира и понимал, что кроме этой каморки и казенного письменного стола у него больше ничего нет. Что он в эту минуту думал обо мне: «Неужели этот сосунок струсит и примет мое предложение? Примет или нет, какая мне разница, дослужу год и все, на пенсию по выслуге лет».

Майор повернулся, со злобой задавил чинарик в пепельнице, сделанной из панциря степной черепахи, и спросил.

– Ну, что скажешь, согласен или подумаешь часок?

– Никак нет! Не умею! – выпалил я.

– Что не умеешь?

– Не умею художником! Вернее, рисовать могу, а пером пишу, как курица лапой.

– У меня другая информация, солдат. Говорят, у тебя руки золотые.

– Врут, товарищ гвардии майор! Немного порисовал сержанту Цибулевскому, и то ерунда вышла. Ну, еще планшет «История ВДВ» в штабе подправил, и все. Я служить пришел в десант, а не рисовать! Нога давно в порядке, с «Ила» совершил третий прыжок.

– Так, ты в военное училище, кажется, до срочной службы поступал? Куришь?

– Так точно, в Новосибирское высшее военно-политическое, в десантную роту. Сразу после школы. Никак нет, отец не курит и я также...

– Ага, на замполита хотел учиться, белый хлеб есть и маслом намазывать? Что же не поступил, баллов не добрал?

– Не могу знать, все экзамены сдал, в училище зачислили, но позже, перед присягой, вдруг двадцать курсантов лишние оказались. Командование сказало, что суворовцы, дети высокопоставленных офицеров приехали из Москвы и их зачислили вместо нас. Я расстроился и разозлился. Нам предложили ехать в Омское пехотное командное училище, где нас уже ждали, я отказался. Решил, что нужно вначале послужить солдатом, а после поступать. Может и зря, кто его знает, – усмехнулся я.

– Вот и давай, полгода еще отслужишь здесь и вновь пиши рапорт и поступай – хоть в Москву, хоть в Рязань. Характеристику напишу нормальную. Все честно, рядовой.

– Не совсем честно! Значит, вместо меня кто-то из ребят в Афганистан полетит и там, проживая мою судьбу, будет меня вспоминать и скорее всего, сдохнет? А я останусь чистеньким? Ребят, конечно, можно обмануть и сказать, что, мол, оставили в учебке и дальше в военное училище направят. Но себя обмануть? Никогда! Я не хочу всю жизнь слушать свой внутренний голос, который будет мне шептать в мозг: «Трус, ничтожество!» Нет, я лучше поеду, вернее, полечу согласно приказу! Буду служить, если надо воевать. Вперед бабки, то есть командира в пекло не полезу. Короче, дурацкую инициативу проявлять не буду, – жестко сказал я.

– Не понимаю тебя, ты все усложняешь. Конечно, если не полетишь ты – полетит другой, но ты простой солдат. Прикажут, мы все туда полетим. А кто-то и второй и в третий раз. Ты сейчас пытаешься оценить и спрогнозировать ситуацию дальше? Это конечно, хорошо, но может быть тогда действительно с такой головой лучше в военное училище, а? – майор Падалко слегка удивился, но взгляд его был страшен.

– В общем, товарищ гвардии майор, нас в казарме уже «афганцами» называют, и сержанты стороной обходят. Короче я решил. Трусом себя не считаю. Заднего хода не дам.

– Значит, в Афган хочешь? Что молчишь? Ну ладно, черт с ней, с этой наглядной агитацией. Полетишь в Афганистан, вместе со своим командиром взвода. Кстати, какие у вас сложились отношения? – хитро улыбнулся майор.

– Отличные отношения! Старший лейтенант Семенов классный командир. С ним хоть куда!

– А с кем тогда, не полетел бы?

– С «замком»³¹ Цибулевским, – осторожно ответил я.

– Ух ты, прямой какой! Хорошо, даст Бог все будет нормально. Но строго настрого запомни сынок, ты радист командно-штабной машины и там ты должен служить по своей специальности. Попадете с Семеновым в наш батальон связи, 103-ей дивизии в Кабуле, останетесь оба живы, а если дадут в руки по пулемету, извини, не знаю. Понял?

– Да, уяснил как морзянку. А старший сержант Цибулевский много рапортов писал о направлении в Афган?

– Не твое дело, солдат. Иди, готовься!

– Разрешите идти? – гаркнул я.

– Строго между нами, не видел я таких рапортов... Еще, найди курсантов Бутакова, Дунаева, Кинжибалова, пусть зайдут ко мне. Пулей!

– Разрешите спросить? А черепаха была из Афг...?

³¹ «Замок» – должность – заместитель командира взвода. Обычно сержант.

– Да нет, что ты, боец, – не дал мне договорить ротный, – я ведь не живодер. Давно она здесь уже, может от прошлого командира осталась. Кажись из Ферганы, хотя точно не знаю, может из Астрахани...

– А, ну я в Астрахани не был, жалко все равно.

– Подожди, Одуванчиков. Жалко говоришь? Гм, это верно, жалко. Что ты забыл в Афганистане, солдат?

– Не знаю, не знаю, может судьбу? Не пытайте меня, командир, – я козырнул, повернулся и вышел из комнаты.

Быстрым шагом я направился прочь из нашей казармы, побежал вниз по скрипучим листовым ступеням. Захотелось на свежий воздух, ротный сильно накурил у себя, и от дыма у меня сдавило виски. На первом этаже я встретил своих земляков Пашу, Санька и Костю.

– Ха, «Архимед», привет, что, у «удава» был? Какие новости, рапорт что ли писал? – откровенно любопытствовал Паша Пушкарев.

– Ну, был! Какой еще рапорт, ты о чем? Я вообще, в принципе, никакие рапорта не пишу, нафига! Инициатива в армии наказуема, не так ли?

– Гм, а мы думали, ты в Афган рапорт подал? – сурово прохрипел своим простывшим горлом уральский богатырь Костя Дунаев.

– Да, «Архимедушка», мы тут тебя ждем, надеемся, думали ты с нами? А ты вроде как сторонкой! Не с нами? – стал подначивать меня Саня Вялых. – Ссышь, что ли малость?

– Ха, ну вы ребята даете. О чем базар, я не в курсе похоже?

– А о том, что все мы, да и почти все пацаны в роте написали рапорта о направлении после учебки в Афганистан! А ты самый умный, не пишешь? Почему? Трусишь? – с недоверием спросил Вялых.

– Ни хрена не трушу! Просто не понимаю, зачем все пишут, возьмут все равно далеко не всех! Может, человек по десять, двадцать с роты. Вы что, возомнили себя «рейнджерами», рветесь в Афган? Я не буду писать рапорт, сейчас не сорок первый, фашисты к Москве не подходят! Короче, я не идиот, за восемь «рэ» в месяц под пули! Мой отец пишет, что много солдат привозят в Свердловск из Афганистана в цинковых гробах. Родителям не разрешают даже открыть гроб и с сыном попрощаться. Одни, цинк все же разодрали, а там человек совсем другой. В другом... вообще... ветошь, кости разные и песок!

– Ты жути-то не нагоняй, – сказал Дунаев, – там много и самострелов, и другой ерунды. Потерь в бою не много. Лично я не боюсь, мне наплевать! Насчет денег для солдат – майор приходил, помнишь? Он то ли психолог, то ли особист³² и сказал, что там, «за речкой», платить будут побольше! – заключил сурово, но неуверенно, Костя Дунаев.

– Ладно, парни, между нами. Секрет, – начал я серьезным тоном. – Я, Жека Бутаков, «Кинжал» и ты, «Дунай» – все кандидаты «за речку»³³, а значит, полетим в Кабул! Если приказ будет окончательный, я не откажусь. Выполню. А остальные вроде в полете, рапорта ничего не значат, главное допуск для службы за границей и по здоровью нормалек. Вот такие дела, «рейнджеры» средней полосы России, – с усмешкой закончил я. – «Дунай», а ну давай бегом, к ротному! – обратился я к Дунаеву.

Павел и Саня стояли удивленные, а Костя Дунаев растерялся.

Я вышел на свежий весенний воздух: «Придется лететь! Отказаться? Ни за что!»

Афганистан. Вечер 26 апреля

³² *Особист* – офицер армейской контрразведки по прозвищу «Молчи-молчи». В его обязанности входило контролировать офицеров дивизии от возможной вербовки со стороны врага. Практически это тот же «Смерш» в ВОВ.

³³ *Кандидат «за речку»* – курсант – выпускник Советской учебки, годный по физическим и моральным качествам для прохождения службы в Афганистане. Главный критерий отбора: отличное здоровье, спортивная биография, отсутствие судимости и родственников за границей.

Сквозь холодную и злую дрему железного ангара, обволакивающую меня одиночеством, я вдруг почувствовал приличный удар локтем в бок, по ребрам. Витек Кинжибалов был в своем репертуаре.

– Смотри, «Архимед», тот маленький капитан вернулся и требует у полковника еще двух солдат.

Я увидел того самого полковника, который жал мою руку на аэродроме, того самого агента «007».

– Угу! Вижу! Нам не светит, мне уже как-то параллельно, – отрешенно ответил я. – Пусть хоть к чертовой матери забирают, я не пропаду! Ты не забыл – кто мы?

– Вдруг нас? Полкан-то упирается! Эх, отправят нас на «точку»³⁴, не хочу, – разочарованно сказал Виктор.

– Да, Витек, сейчас нам хоть вместе остаться! Я не знал, что здесь такая тема, разлучают как на гладиаторском рынке! Ты, главное, не дергайся, если в пекло, то вместе.

– Ну ты фантазер, Одуванчик, не зря тебя парни в роте «Архимедом» обозвали, – сухо отрезал мой друг.

Полковник говорил громко и недовольно, давая понять капитану, что лишних бойцов нет, тем более радистов. Капитан не унимался и просил хотя бы одного радиста. Полковник дал отмашку рукой, мол, бери одного и проваливай.

– Рядовой Кинжалов, или Кинжибалов, есть? – словно ошпаренный, прокричал маленький капитан.

Витька сорвался с места.

– Я! Есть! – потом неловко обнял меня и выбежал вон из опустевшего клуба.

Я так рад за него. Я чувствовал, что в нем что-то ломается и вдруг он воспрянул духом, разогнулся и стал прежним смельчаком и хулиганом.

Ну вот, привычное для меня состояние преодолевать трудности в одиночку. Ну что ж, начнем все сначала, значит так нужно. Я привык к этому состоянию и подозреваю, что генетически. Мой отец всегда был одиночкой, не терпел, когда над ним командовали. Все свои проблемы решал трудно, но дерзко и без посторонней помощи. Нормально, батя, прорвемся, я постараюсь, отец, не погибнуть в этой непонятной ситуации. А если и придется, хрен сдамся, хрен! Почти реву, хорошо, что никто не видит, в клубе пустынно и темно. Рядом несколько незнакомых, зашуганных и худых солдат и все.

Тишину нарушил неумолимый капитан Сойкин.

– Товарищ комдив, ну дай ты мне крайнего пацана – он художник, – потребовал Сойкин у полковника давно обещанного солдата в помощь замполиту. – А то у нас на две части ни одного художника, вон, в «полтиннике» и художники, и музыканты, и ансамбль уже есть. Сами ругали меня и замполита! Это самое... ну, короче, в неприглядном виде, живем как в сараях, наглядной агитации нет, газет в ротах нет! Разведка с нами заодно...

– Сойкин! Трассер ты разрывной на мою задницу! – выругался полковник. – Строрепрез по яйцам, ха! Бери последнего бойца и уходи от греха подальше. Я же говорил самому начальнику штаба приходиться за пополнением, а он тебя норовит прислать.

– Болеет он! – радостно ответил капитан.

– Ну да! Пережрал водки намедни? Болезни у вас одни и те же! Телки из медсанбата и водяра! Кони Орловские!

– Ни как нет, тов-полкан! Полковник! Гвардии... – суетливо ответил капитан Сойкин. – У нас строго минералка, чистый «Боржом».

³⁴ «Точка» – очень маленькая застава или забытый командованием блок-пост в горах. Служба на такой «точке» очень опасна и монотонна. В любой момент точку могли вырезать душманы. Некоторые точки располагались высоко в горах, где даже летом было очень холодно.

– Ха, бляха! Ну-ну, я приду к вам, связисты, посмотрю. Юмористы, вашу дивизию, – комдив, смеясь, отвернулся от собеседника.

Капитан Сойкин выкрикнул мою фамилию и помахал мне рукой, чтобы быстрее собирался. Я стрелой выбежал на улицу. Перед клубом стоит небольшой строй, человек десять солдатиков. Я встал в строй рядом с удивленным Витьком. Семенов командует: «Шагом – марш!» И мы отправляемся в наш батальон. Я счастлив и это написано на моем наивном лице. Витек подначивает меня и просит сделать лицо более грустным, чтобы никто не подумал, что наша служба в десанте похожа на мед.

Через десять минут ускоренного хода оказались мы на пороге нашей казармы. Сойкин и Семенов ушли – видно знакомиться с офицерами, а к нам подошел прапорщик лет – тридцати, с виду похожий на гориллу. Он указательным пальцем ткнул в мою грудную клетку, а потом и Витьку и жестом бывшего разведчика или немого, показал, чтобы мы следовали за ним. Мы покорно побрели следом за сутулым, здоровым, с бычьей шеей, дядькой. Оставшиеся солдаты под началом, появившегося из сумрака офицера, пошли в соседнюю казарму.

Внутри длинного одноэтажного домика, обшитого снаружи и внутри добротной фанерой, было уютно и по-домашнему тепло.

– Дежурный по роте, на выход! – истошно заорал худенький солдатик «на тумбочке», немного похожий на цыганенка.

Видок у него прямо сказать был неважнецкий. Грустные и испуганные глаза, выдавали в нем солдата неудачника, задолбанного службой, обстоятельствами или несложившимися отношениями с товарищами по роте. Прапорщик что-то прошипел на него и тот судорожно принялся подтягивать свой ремень. Надо отметить, что ту же было уже некуда. Солдат был похож на балерину с осиной талией.

– А ведь прапор жестко стелет, – шепнул мне Витек.

Потом прапорщик резко повернулся к нам, приблизился своим мощным сломанным носом к нашим лбам на расстояние ладони, поставленной вертикально, и стал вещать. Правильно было бы сказать – трещать будто заправский ворон.

– *Смир-на! К-ха!* Бойцы! Вы находитесь в отдельном гвардейском, парашютно-десантном батальоне связи. Конкретно, во второй роте верблюдов!

– Ха-ха! – отчего-то заржал я, но, посмотрев на бледного Витька, сразу замолк.

– Вторая рота радистов переносных радиостанций – самая боевая в батальоне рота! – продолжил прапорщик. – Поэтому у нас больше всего награжденных и погибших смертью храбрых! Предупреждаю сразу, чтобы потом не было вопросов! Дураки и трусы погибнут в первую очередь, все остальные во вторую! Ясно, рядовые?

– Ясно, – сказали мы без эмоций.

Я хотел узнать у прапорщика, к кому относится он, но потом вдруг догадался и решил промолчать.

– *Меть ваишу!* – заорал прапор. – Отвечать по уставу! Заторможенные сперматозоиды!

– Так точно! – крикнули мы разом и громко.

Прапорщик недовольно почесал большие красные уши.

– Издеваетесь, недоноски? *Ни ча*, воины, скоро посмотрю, как службу знаете.

– Разрешите обратиться, товарищ гвардейский прапорщик? – спросил я, вытянувшись по струнке.

– Ну-у! Рискни мочевым пузырем, молодой, – прапор подался всем телом вперед так, что я разглядел все морщины на его загорелом лбу.

– А вы кто? Так, интересуюсь, – сдохмил я.

– Чего? Ни хрена себе! Я, гвардии прапорщик Гаврюшов, старшина этой роты! И теперь я буду решать, где вы будете в ближайшие полтора года – в дерьме или в шоколаде! Ясно? – прокричал прапор на манер сирены.

– Так точно, яснее некуда, – проворчал Витька.

– Жертвы абортыв! – рявкнул на нас прапорщик. – Сейчас мигом в роту, кубрик прямо и направо! Вам пять секунд, чтобы найти себе кровати, бросить шмотки, только на втором ярусе, и резко вернуться ко мне! Потом поведу вас на ужин, как маленьких мальчиков! Бегом, «духи»...

Мы быстро зашли в кубрик, кинули вещмешки на не застеленные кровати, взглядом окинули тех, кто там находился и пулей выскочили в коридор.

– Ночка будет веселой, – прохрипел расстроенный Витька.

– Судя по началу, более чем, – подтвердил я. Но странное дело, мне было весело. Все идет по плану, мы остались в дивизии.

Прапорщик выдал нам алюминиевые котелки, знакомые нам еще по полевым выходам в Каунасе. Мы тщательно вымыли руки и лица солдатским мылом в маленьком умывальнике, находившемся в коридоре казармы, и отправились на ужин. Глядя на это, глаза дневального округлились и он недовольно предупредил нас, что это «корыто» строго для офицеров модуля.

К нашему удивлению покормили нас отлично. Мы съели все, что нам предложили. Лысый хлеборез с круглым лицом и слегка выпученными глазами, по виду дембель, обозвал нас «желудками» – в чем-то он был прав.

После сытного ужина настроение наше поднялось на недостижимую высоту. Допивая компот, мы ржали над нашим новым старшиной, отметив, что фамилия ему под стать. Когда мы шли на пункт мытья котелков, я размышлял: «Интересно, почему этот прапорщик будет решать, где нам быть? В роте еще есть офицеры, «папа» ротный, а этот псих Гаврюшов явно перегрелся на местном солнышке. Почему мы должны быть в дерьме? А кто же тогда в шоколаде, «старики» что ли?»

Витек прервал мои размышления вопросом.

– Санек, ты видел эту «гориллу», нашего старшину? Наглый, как носорог!

– Да! Блин, такого не отметить. Жилистый, сволочь, и загорелый как Чингачук, – умозаключил я.

– Ты что, он по ходу вообще страх здесь потерял! Мы для него просто сперматозоиды! Жертвы абортыв...

– Как ты себе это представляешь, Витек, сперматозоиды прыгают на самца гориллы и начинают его запинывать? – сказал я с горькой усмешкой.

– Мне почему-то не смешно. Здесь хуже, чем в учебке, – совсем потух Витя.

– Да, этот гад все настроение испортил. Еще обозвал нас какими-то «духами». Наш прапорщик, старшина Грибанов в Каунасе, называл курсантов «ланцепупы вы мои», а этот, хрен знает, кем обозвал.

– Поди еще бить будет, надо быть с ним поосторожнее, – умозаключил Витя.

– Я буду слушаться только Семенова и «папу» ротного, – решительно сказал я, – а этого тираннозавра буду посылать! Не люблю, когда меня опускают при первой встрече в дерьмо, ни за что! Цибулевский, по сравнению с ним, просто студент. Я бы сейчас обрадовался, если бы вместо этой «гориллы», появился «Цибулькин», ха-ха, у нас на него иммунитет.

Витек молча слушает меня, мы моем свои котелки и направляемся в кубрик нашей роты.

Совершенно секретно. «Пакис». В Вашингтон – для агента 0128100, 18.04.1985.

Советы нарацивают группировку специальных (десантных) войск в Кабуле. Ежедневно фиксируем прибытие новобранцев в количестве до 300 рядовых и сержантов. Моральный дух прибывающих парашютистов высок. Все они прошли специальную военную и психологическую подготовку в учебных подразделениях – школах диверсантов на территории СССР. Солдаты имеют представление о своих личных задачах и цели общей миссии ограниченного контингента. Случаев дезертирства нет. Самострелов и членовредительства нет. Употребление наркотиков – крайне мало. В настоящее время, в связи с вышеперечисленными фактами, меры

подкупа и вербовки солдат, сержантов, офицеров Советского десантного соединения в столице, не будут успешны. Нами разработан план «Zero», призванный сорвать крупное наступление советов в Панджшере в начале летней военной кампании – «85».

Цель операции «Zero»: нарушение взаимодействия связи и управления подразделениями по линии: рота, батальон, полк. Прошу разрешить начало операции. Требуется дополнительное финансирование наших друзей в Панджшере ТЧК

Совершенно секретно. «Пакису» от 0128101, 21.04.1985.

Операцию «Z» разрешаю. Ускорьте осуществление вашей миссии. Время до выхода «змейки» весьма ограничено, успеха вам. Нашим друзьям в провинции и лично шаху передайте, что помощь будет ТЧК

Глава II. Учебный батальон. Каунас. Осень, 1984 год

Мне нравится все в ВДВ. К остальному и незначительному нужно просто приспособиться и постараться соответствовать реальности. Конечно, есть такие особые случаи, с которыми мириться не представляется никакой возможности. Таким особым случаем в нашей учебной роте стал для меня заместитель командира взвода «Цибуля», он же сержант Иван Цибулевский. В этом рано возмужавшем юноше перемешалось все, что необходимо для отличного солдата: смелость, сила, быстрота реакции, выносливость, отличное знание вооружения, парашюта и средств связи. По сути, наш «замок» настоящий универсальный солдат, но его боевой дух явно застрял где-то в сороковых. Ему бы дать снайперскую винтовочку и послать на передовую под Сталинград или Кенигсберг. По слухам, после окончания учебки, он, ефрейтор, штурмовал командование батальона рапортами о направлении в Афган, но получил отказ. «Там головорезов и без вас хватает, оставайтесь здесь, обучать молодых солдат азам десантной службы!» – осадил тогда его комбат. Так он стал командиром отделения, а позже «замком» третьего взвода третьей учебной роты курсантов.

С первой минуты моего пребывания в учебке он заточил на меня зуб, видимо, не найдя в моих глазах овечьего трепета и преклонения перед его талантом. Талант у него был один – он мог вызывать у подчиненных чувство животного страха и бессилия перед жестокостью и силой инструктора «Цибули». У меня же его вид и приказной тон вызывал лишь злость и отвращение.

Все началось с того, что старший сержант отобрал у меня в первый же вечер нашего знакомства сборник стихов Александра Пушкина и после, на вечерней проверке демонстративно, в строю, постучал любимой книжкой по моей выбритой голове, приговаривая, что здесь все будут читать совсем другую литературу. Потом открыл наугад и, коверкая слова, прочитал:

«Пока *швободою гарим,*
Пока *сардца* для чести живы,
Мой друг, отчизны *посвя-джин,*
«Душар» прекрасные порывы!»
– Так, ага... – немного помолчав, продолжил Цибулевский.
«*Товарисч вер, взайдет ана,*
Звезда пленительного счастья,
Россия *вспранет ото шна,*
И на обломках *сладострастья,*
Напишут наши имена!»

– В общем, неплохо, но я бы написал лучше! Например: «Салага верь, взойдет она, звезда пленительного счастья... Мой друг, сержанту посвяти, души и мысли и зарплату!» – закончил инструктор, сияя, словно начищенный краник в умывальнике.

– Зря вы так, сержант, зря! – попробовал я восстановить честь, но был грубо поставлен на место ударом – ребром ладони – в подготовленный пресс.

Больше свою книжку я не видел. Многие курсанты восприняли его поступок как благо и волю командира, незначительная же часть непокорных поняла, что с этого дня их честь проверять будут регулярно и нагло, пока не заберут безвозвратно или, в крайнем случае, на полгода.

Общим для всех курсантов эталоном развития личности стал турник, он же гимнастическая перекладина. Если молодой курсант, он же «слон», смог подтянуться десять раз и больше – живи пока, если нет – то хуже. Звание тебе, чмо и недоносок. Ежедневные тренировки под руководством «Цибули» не заставили ждать своих плодов. Не обошла сия чаша и меня. Если по прибытию в учебку я подтягивался пятнадцать раз и легко выполнял подъем силой с переворотом – десять раз, то уже через два месяца бесконечного болтания на турнике, я мог подтянуться всего лишь шесть раз. Под конец учебки все мы стали слабаками и закоренелыми

сардельками. Пинки и тычки сержантов вызывали у нас только смех, истерический смех от осознания неизбежности выпуска из этого дурдома.

Конечно, жизнь в учебном батальоне не замыкалась на отношениях между курсантами и инструкторами-сержантами. Мы жили полноценной интересной жизнью, называемой просто – юность в ВДВ. Во главе всего обучения была поставлена физическая культура. Каждое утро, ровно в семь ноль пять, мы выбегали из нашей казармы по форме одежды «голый торс», строились и бежали кросс три км. После, на плацу с нами работал молоденький нач. физо, старлей. Мы выстраивались в шахматном порядке и изучали гимнастические упражнения для общего разогрева организма. Дальше начиналось самое интересное: изучение связок и ударов специального курса рукопашного боя для солдат и сержантов ВДВ и армейской разведки.

Многие парни не понимают смысла ударов по предполагаемому противнику, который существует лишь в твоей фантазии. Но я знаю, что главное здесь – это работа воображения, ровное дыхание и координация движений. Каждый удар должен быть зафиксирован в твоём мозгу: смотри и впитывай малейший жест инструктора, повторяй прыжки, развороты и выпады. Не смейся над неловкостью товарища. Не хвастай, что ты великий мастер джиу-джитсу и твой брат мастер спорта по боксу. В десанте это не проходит, рукопашная схватка с реальным врагом безжалостна и бескомпромиссна. Две секунды и один из вас мертв, а второй или жив, или тяжело ранен. Конечно, вначале ничего не получается, сапоги скользят по обледенелому плацу, ты лупишь ногами воздух будто пьяный пингвин-желторотик. Поверь, парень, совсем скоро, твои движения станут увереннее, выброс колена резче, удар локтем и ребром ладони сокрушительнее.

Для начала необходимо было выучить, где находятся основные зоны поражения на теле условного противника, а затем, как правильно наносить удары по этим зонам или точкам. Кисти твоих рук должны стать настоящими боевыми блоками и сокрушающим оружием. И тогда, в рукопашной схватке с «Зеленым беретом» армии США у тебя появится шанс остаться в живых, пока твой друг не придет к тебе на помощь. Конечно, это мало вероятно, но то, что умение ставить блоки и наносить ответные удары пригодятся в схватке с «козлами», не вызвало у меня сомнений. Посмотрим.

После отработки приемов «РБ»³⁵, под руководством сержантов, мы отправляемся на «великий и ужасный гимнастический городок» с его замерзшими брусьями и перекладинами.

Кроме ежедневного часа утренней зарядки, в течение учебного дня был обязательно предусмотрен марш-бросок или кросс. Три раза в неделю – тренировка по рукопашному бою с оружием в составе взводов под руководством офицеров роты. Удары прикладом автомата в лицо, рожком в горло и солнечное сплетение. Уколы пристегнутым штыком в любые части тела противника, в зависимости от ситуации. В основном в лицо и ноги, там, где не может быть броневой защиты. Мы колем и орем «кь-я»! Каждый выпад доводим до абсолюта. Офицер не очень доволен и ставит взводу твердую тройку.

Упражнения на городке воздушно-десантной подготовки – отдельная, не менее интересная тема. И, конечно, любимое упражнение десантника – отжимание на кулачках в любое время суток, в любую погоду, от любых поверхностей. Я подсчитал количество отжиманий, сделанных мною за один день, вернее за сутки, получилось не слабо, около семисот, дальше я сбился со счета.

Ночью, когда дежурный офицер отлучался из казармы по делам службы или к жене и детям у нас начинались ночные маневры. План и сценарий целиком зависели от настроения сержантов в данный момент времени. Очень жалею, что никто из нас не мог оказать должного сопротивления «козлам», мы просто решили потерпеть еще немного, до весны. Да какое может быть сопротивление двадцатилетнему бугаю, облаченному рычагами власти. Ведь в уставе по-

³⁵ РБ – рукопашный бой. Комплекс упражнений для подготовки солдата, сержанта ВДВ, разведки и Морской пехоты.

русски написано, что солдат обязан беспрекословно выполнять все приказы и распоряжения непосредственного начальника своего «комода»³⁶ или «замка». Пока было можно, мы терпели, пытаюсь извлечь пользу даже из самых нелепых и унижительных занятий.

Обычно «Цибуля» и его друзья, сержанты из других взводов, долго шастали после отбоя; подмывались в умывальнике, брились, наглаживали воротнички на завтрашний день и громко ржали в курилке, хотя курили из них не многие.

Как-то раз, один «козел» из соседней роты пришел ночью в нашу казарму и объявил дружбанам, что его отпускают в отпуск. Отпуск это было что-то фантастическое и нереальное, особенно после 1980 года, когда офицеры положили на это «хрен» и солдат отпускали только по причинам болезни, смерти близких родственников или родов любимой жены. Что-то подобное произошло и в этот раз. Младший сержант Линьков отъезжал в отпуск и решил поделиться хорошей новостью с друзьями. Вид у него был совсем не богатырский, не то, что у нашего верзилы, тем не менее, его оставили в учебке инструктором – иногда, это происходило случайно: ломает солдатик ногу из-за неудачного прыжка с парашютной вышки, под выпуск, а в это время всех разбирают по частям и гарнизонам, а кому нужен хромой, вот так и остается дослуживать вояка в «инкубаторе» до дембеля. Зато в отпуск по всей форме, отличник боевой и политической.

Сержанты встретили Линькова с большим энтузиазмом, ведь пришел он не один, а с бутылочкой «Русской». В своей роте отмечать было опасно, а на нейтральной территории вроде бы спокойней.

Сержанты пили водку тихо, но нас разбудил их идиотский шепот, а потом общая команда.

– Третья рота подъем, учебная тревога! – слово взял старший сержант Гришка Кондратьев, «замок» первого взвода. Этого «Геракла» опасался даже наш «Цибуля». – Смирно, воины! Маленький праздничный концерт в честь нашего друга, отбывающего на Родину, в... в краткосрочный отпуск! Кто умеет петь? Ге-ге! Музыка щас будет! – он подошел к музыкальному городку, выдернул из пакетика пластинку Валерия Леонтьева, дунул на нее для большей наглядности и поставил под иглу.

Казарма наполнилась оглушительным криком: «Несет меня! Мой дельта-пла-ан!», видимо кто-то из дневальных протирал пыль на проигрывателе и задел уровень звука. Строй заспанных курсантов ответил гробовым молчанием.

– Я не понял, «слоны»! Опухли совсем! – закипел Кондратьев. – Упор лежа принять! Раз-внизу, два-вверху! Работаем, кто там шлангует, встали все на кулачки. Качаемся, пока кто-то не вспомнит, где у нас певец!

Исполнитель не находился. Мы добросовестно качались. Некоторые курсанты спали, руки работают, а мозг спит – такое можно увидеть только в ВДВ.

– Хорошо, недоноски, петь не хотим, будем ползать, и уворачиваться от противотанковых гранат! Кто жопу поднимет, получит гранатой по голове! – рассвирепел Кондрат.

– Гоша, не дай Бог принесет кого-нибудь из «шакалов»! Получим по репе! – вступился за курсантов его заместитель, младший сержант Цехмистро, пожалуй, один нормальный мужик из всей банды. Родился он где-то в деревне на юге России и носил маленький медный нательный крестик. В этот момент я узнал кто такие «шакалы».

– Не ссы, младшой, еще праздничная программа не закончена! – закричал в ответ Кондратьев.

Не обращая на своих курсантов никакого внимания, «Цибуля» сидел на койке и намазывался каким-то кремом для тела, то и дело играя раскаченными бицепсами. Лицо его не выражало никаких эмоций. Он думал о том, что действительно неплохо было бы уже соснуть. Его лощеное лицо с мелкими усиками, торчащими в разные стороны под крупным грушевидным

³⁶ «Комод» – командир отделения.

носом, напоминало лицо поросенка, случайно скрещенного с волком. Я мельком посматриваю на своего «замка» и думаю, что по внешнему виду он неплохой парень, смелый, не дурак, много знает, но строит из себя сволочь. Ведь Цехмистро тоже «Геркулес» и в морду может дать любому так, что не соберешься, но справедливый, своих курсантов не унижает. Наверное, что-то не дает покоя «Цибуле», может то, что его не направляют в Афганистан? А что он там забыл, может, хочет отомстить за убитого друга? А что, все может быть.

Мы ползем под кроватями по-пластунски. У меня получается хорошо, сапоги, имитирующие гранаты, пролетают «по другим адресам». Так вот зачем в армии все подписывается, чтобы солдаты могли сразу найти свою амуницию после ночных развлечений сержантов. После маневров начались танцы. Каждый взвод приглашает на белый танец курсантов другого взвода, изображая кавалеров. Приглашенные должны танцевать мягко, словно девицы из романа «Война и Мир», потом все меняются ролями. Танец, безусловно, белый, мы танцуем в белых зимних кальсонах и в таких же рубашках, в казарме прохладно – плюс десять. Сержанты ржут, довольные и почти счастливые.

Уже через пять минут в казарме все спят. Отпускник возвращается по свежему снежку в свою роту, чтобы с рассветом убыть из Литвы на Родину, в маленький городок в Ивановской области.

После зарядки и утреннего осмотра мы строимся напротив казармы в три шеренги. Наша казарма, как и весь городок батальона, это не просто комплекс безликих коробок послевоенной постройки. Двухэтажные здания из темно-красного кирпича с большими полукруглыми окнами были построены еще в начале девятнадцатого века специально для Российской царской армии. Говорят, в них квартировался то ли драгунский, то ли гусарский, лейб-гвардии кавалерийский полк. На первых этажах размещались конюшни, на вторых сами солдаты и офицеры. В правде не приходится сомневаться, ведь об этом нам рассказывал сам комбат. Я с гордостью смотрю на мрачные, метровые в толщину стены нашей казармы и понимаю, что мы являемся наследниками истории нашей Родины, и как в старину стоим на переднем крае обороны. «Эх, если бы я жил в то время, сделал бы все, чтобы стать гусарским офицером. А может, так оно все и было, и я не в первый раз здесь?»

Приходит наш командир взвода старший лейтенант Александр Анатольевич Семенов, которого мы еще пока плохо знаем. Невысокий молодой офицер спортивного телосложения, почти юноша. Лицо правильное, славянского типа, чисто выбритое, взгляд спокойный и уверенный, глаза серые, нос крупный. Цибулевский докладывает ему о наличии личного состава. Смешно звучит, но по уставу.

– Равняйся, смирно! Здравствуйте, курсанты-десантники! – поприветствовал нас взводный.

– Здравия желаем, товарищ гвардии старший лейтенант!

– Без гвардии пока! Когда будем служить в боевой части, тогда обязательно, а учебная часть ВДВ – не гвардейская. Как настроение, курсанты, больные есть? – после этих слов взводного «сержанта-замка» передергивает, словно уголовника на электрическом стуле. Он морщит лоб и строго исподлобья смотрит на нас, при этом почесывает свои кулаки. Жест понятен, в строю больных нет.

– Р-рота! На-ле... во-о! На завтрак строевым, шагом марш! – скомандовал Кондратьев ротой курсантов.

Мы чеканим шаг по мокрому асфальту. Ночью была оттепель, и прошел сильный дождь, принесшийся с Балтики.

– Песню запевай! – закричал старший сержант.

Мы дружно выкрикиваем слова песни, которую раньше из нас никто не слышал. От ее слов веет духом приключений и свободы.

«В Каунасе городе, на Немане реке! Га!»

*Живут ребята смелые, они из ВДВ!
Тельняшка неба синего и голубой берет,
Смелее и надежнее ребят на свете нет!
А нам, пара-шю-тистам!
Привольно под небом чистым!
Легки ребята на подъем!
Задирам мы совет даем!
Шутить не сле-ду-ет с огне-ем!»*

Порой мне кажется, что мы новобранцы парашютного полка «Иностранного французского легиона». Что там впереди никто из нас не знает, но нам уже сейчас, «зеленым» салагам, не совершившим ни одного учебно-боевого прыжка с парашютом, светит звезда удачи военных побед. От строевой песни настроение выравнивается, легкие расправляются, дыхание становится ровным и сильным. Мне нравится маршировать в строю таких же пацанов, как и я, мечтавших о десантном тельнике и берете ВДВ всю свою сознательную жизнь.

Случайных людей здесь нет. Ты должен быть отъявленным романтиком и смелым авантюристом, но продумывающим каждый свой поступок. Ведь впереди – шаг в небо, который нужно сделать осознано и смело. От него зависит дальнейшая служба и возможно, судьба. Не в смысле приземлишься мягко или вдребезги, нет, совсем в другом, философском смысле; примет ли тебя небо и поднимет ли над серой реальностью и скукой, или напротив, даст понять, что ты ничтожество, рожденное лишь для одной цели – ползать и пресмыкаться под более сильным.

Мы дружно, в колонну по одному, заходим в столовую, снимаем шапки, встаем по десять человек за каждым столом. По команде сержантов можно садиться и приступать к завтраку. К нашему удивлению, на завтрак, дежурный по столу – один из курсантов – разливал по тарелкам красный борщ. Кто-то из курсантов за соседним столом неосторожно выказывает недовольство, что в бачке с борщом нет ни единого кусочка мяса или хотя бы косточки.

– Жрать охота, едим одни овощи, как ослы. Гоняют как львов, а мяса не дают! Хлеба мало! Повар и хлеборез все мясо съели? Или кто-нибудь другие? Ка-злы!

В столовке воцарилась гробовая тишина. Намек более чем прозрачен и, объяснять, кто такие «другие», нет необходимости. Сержанты прекратили есть и встали. Я понял, что сейчас что-то произойдет, но проникся истинным уважением к тому солдатику... Было ясно, что сержанты этого базара просто так не оставят. «В противном случае не мы, а они в следующую ночь будут жарить нам картошку», – подумал я и улыбнулся своим смелым мечтам...

Цибулевский поправил ремень, вытер усики и заорал, словно освежеванный боров. Крик был направлен в комнату повара «деда»³⁷.

– Эй, на камбузе, рысью сюда!

– Ну, *шо?* – донесся из комнатки голосок повара.

– *Хто* мясо у «слонов» схавал, не знаешь? – смеясь, крикнул Цибулевский.

– *Ча* надо, Ванятка? Кому тут мало мяса? – явился жирный повар, совсем не похожий на десанта.

– «Слоны» голодают, бунтуют, не ровен час, затопчут нас! Бегом за мясом! – прикрикнул «Цибуля».

– Мяса нет. Прапора съели, еще вчера. Осталось только на костях, – начал оправдываться повар.

³⁷ «Деды» – они же «дедушки» – солдаты и сержанты ОКСВА, прослужившие в Афганистане более одного года и имеющие опыт участия в боевых действиях. Почетное неуставное солдатское звание.

– Неси, то, что «куски»³⁸ не доели, резче давай! Жирный котяра! Ха-ха! – заржал наш «замок». А мы узнали, что «кусок» – это и есть прапорщик Советской Армии.

– *Щас* будет мяско! – повар зло засмеялся и убежал, тряся своими ляжками.

Сержанты дружно ржут в предвкушении представления. Через минуту повар появляется с большим баком, наполненным, видимо, припрятанным мясом. Он носится с важным видом между столами и раскладывает содержимое своего десятилитрового бака по столам. Вот и в наш бачок, с остатками борща, плюхается огромная кость. И через мгновение, мы видим перед собой нижнюю челюсть то ли коровы, то ли лошади, с ровным рядом желтых зубов. Один курсант выскакивает из-за стола и выбегает на улицу, зажимая свой рот. Сержанты и повара держатся за животы от хохота. Завтрак закончен, время вышло. «Цибуля» ворчит себе под нос, что хавать сытно будем ночью, и чтоб наелись надолго. Нам жаль, что концерт прошел без зрителей – офицеров, а то этим сволочам было бы несдобровать. Но кто доложит взводному или ротному? Взять на себя роль стукача – желающих нет. Мы наивные дети и не могли предположить, что вся эта ситуация была спровоцирована, а правильной сказать спланирована командованием дивизии как неотъемлемая часть подготовки солдата войск специального назначения.

Через полчаса мы вновь стоим в строю. Командиры взводов настойчиво и строго спрашивают еще раз: «Все ли из нас здоровы, нет ли потертостей и мозолей на ногах». Пять, шесть курсантов выходят из строя. Остальные по учебной тревоге бегут в роту. Мы получаем оружие, каски, противогазы и отправляемся в лес. В батальоне марш-бросок на десять километров, с полной выкладкой.

Бежать в зимнем бушлате под холодным дождем и мокрым ветром, мерзкое занятие. Тропа намокла, превратилась в пластилиновую массу. Офицер, все тот же лейтенант по физподготовке, сигналами показывает нам, что можно бежать по асфальтированной дороге, идущей рядом. Сержанты подгоняют курсантов и матерят сырую литовскую погоду за ее непредсказуемость. Многие пацаны раскисли и переходят на шаг, каски съехали на нос и здорово мешают бегу. Честно, наши пехотные каски образца 1943–1947 годов – просто беда. Тяжелые, неустойчивые на «черепе» солдата, серьезно уменьшающие скорость подразделения при скрытной смене позиции или кроссе, они давно устарели. Хороши они, пожалуй, только в глубоком окопе, когда ты свернулся калачиком и с замиранием сердца ждешь окончания артналета фашисткой гаубичной батареи. В современном бою они бессильны против пуль и осколков, и только счастливый случай, и молитва спасет от усталого осколка, падающего на голову бедного новобранца.

Сержанты, бегущие без касок, продолжают ругаться и пинками заставляют бежать, теряющих волю салаг. Офицеры бегут молча впереди, иногда поглядывая на свои часы. Через час, больше половины батальона растянулось по старой дороге на полкилометра, по которой навстречу нам проехала лишь телега с хмурым крестьянином, запряженная старенькой лошадейкой. Здесь, в Литве, на нас смотрят неохотно, словно мы прозрачные и нереальные. Будто нас вовсе не существует.

Эти десять километров уже похожи на бесконечность. У меня начинается приступ нервного смеха, я не чувствую своих ватных ног. Ничего, это всего лишь новая нагрузка, незнакомая мышцам. Это вам не в хоккейной спортшколе бегать по зеленой роще в кедах. Бег с оружием, это полная выкладка. Позже, многие из нас, солдат, поймут, что полная выкладка это нечто другое, а сейчас это лишь учебная имитация.

– Батальон, не в ногу марш! – скомандовал комбат, появившийся откуда-то из параллельного мира. – Мы почти у цели, десантники. Поправить обмундирование на ходу, восстановить дыхание. Легко бегом, марш!

³⁸ «Кусок» – оскорбительное обозначение прапорщика. Обычно, так обзывали прапорщиков, замеченных в торговле продуктами или вещами с воинских складов.

Мы снова бежим, ветер, и дождь ненадолго стихают. Мне легко бежать, наверное, открылось второе дыхание. Мой укороченный АКС³⁹ и так легкий, теперь напоминает пушинку. Хороший автомат – и на грудь его повесить, и за спину забросить, но годится он только для ближнего боя. Когда я первый раз взял его в руки, подумал, что это космический бластер, стреляющий пучками лазерных лучей. Но «деды» назвали укороченный вариант просто «недоносок *акаэса*», обидно, конечно, но автомат начинает «мазать» при удалении мишени на двести метров. Ну что же, у каждого свои недостатки.

«Цибуля», бегущий рядом, удивлен моей настырности, но сохраняет мрачный вид и злобное выражение лица. Я не смотрю на сержанта, бегу вперед, только вперед. «Пускай ждет, – думаю я, – он не дожидается, чтобы я перешел на шаг или вовсе остановился. Он ведь совсем ничего не знает обо мне. Возможно, он думает, если «слон» привез из дома томик Пушкина, то нет сомнения, что он ботаник, слабак и ничтожество. Однако, бывает все наоборот, и Пушкин не был маменькиным сыночком. Да, этот «супермен» и предположить не может, что многие его десантные приколы, я узнал еще в школе, в седьмом классе».

Мне иногда кажется, что все в моей жизни, начиная лет с пяти, закручивается вокруг этой ситуации: этого строя мокрых солдат, бегущих под проливным дождем в прибалтийских дюнах, этих казарм, пропитанных потом лошадей и всадников, давно ушедших в небеса, этого лязга оружия, похожего на звон доспехов воинов средневековья. В этом есть какой-то смысл, тайный для многих, но не для тех, кто сейчас в этом, промокшем до нитки железном потоке, направляется навстречу со своими судьбами. «Еще посмотрим, сержант, посмотрим, кто на что способен!»

Всем мучениям приходит конец, и наш первый марш-бросок прекратил свое существование на опушке соснового леса у неизвестной тихой речушки. Мы попадали на сырой и теплый прибалтийский песок. Командир батальона, седой и здоровый полковник, построил всех своих солдат и офицеров, поздравил с первым полевым выходом и первым броском на пятнадцать км. Молодые солдаты переглянулись и расплылись в улыбке. Пятнадцать – это уже неплохо. Подъехала полевая кухня, мы набили наши пустые «барабаны» гречневой кашей с тушенкой и улеглись отдыхать, пользуясь всеобщим затишьем и благоденствием.

Яркое солнце блеснуло над нами, наполнив нас надеждой на лучшее. Через полчаса, или чуть более, мы двинулись в обратный путь. Шли мы бодро и весело, не считая небольшого променада, устроенного сержантами первой роты для своих «слонов». Несколько солдат стали отставать и сбивать строй. Тогда сержанты приказали всем своим одеть противогазы и перейти на шаг. Дурной пример заразителен. «Делай как мы!» – крикнули сержанты. Через минуту весь батальон преодолевал участок «зараженной местности». Это действие внесло незабываемую изюминку в наш поход.

Перед ржавыми железными воротами запасного въезда в батальон, когда многие из нас едва волочили ноги, с неба засыпал снег похожий на крупу. «Козлы» гаркнули: «Противогазы долой!» Я поднял свою «железную зеленую голову» к небесам и стал хватать открытым ртом эту чистейшую манну небесную. Снежинки таяли во рту, в моих открытых глазах, смывая соленый пот со лба и висков и унося усталость в былую пропасть. Хороший знак. Какой прохладный и сладкий снег...

Не прошло и нескольких дней, как мы все, включая сержантов и офицеров, сделали доброе дело. Сдали по четыреста граммов своей родной крови. Наверное, нашим раненым товарищам... Впрочем, я ошибся, «удав» сказал, что наша молодая кровь будет направлена нуждающимся детям Литовской ССР. Весь прибалтийский округ два – три раза в год сдавал свою кровь для граждан этих республик. Оказалось, что в Советской армии не только учат стрелять

³⁹ АКС – автомат Калашникова складывающийся, со стальной рамкой – прикладом. Калибр 5,45 мм.

и уничтожать противника, но и сдавать кровь. После сдачи крови каждому курсанту вписали в военный билет его личную группу крови и резус фактор. У меня первая положительная.

Врач сказал.

– У тебя, юноша, очень хорошая и универсальная кровь. Хоть завтра на войну. Такой крови много должно быть!

– Это хорошая новость, доктор? – удивленно спросил я.

– Ну, не знаю! Раньше в десант вообще только с этой группой и резусом брать старались...

«Вот ведь, ворона, каркает на весь колхоз, – размышлял я, – я пока не планировал на войну. Неплохо бы поехать в ГДР или Молдавию, там виноград. Если честно, хочу на Кубу, страсть как хочу. Эх, там наши морпехи. Десантура сидит в горах, выполняет интернациональный долг. Серьезные у меня все-таки войска. Это тебе брат не на палубе пузо греть, акул на удочку ловить, и кубиночкам грудь волосатую показывать. Наш десант самый сильный и боевой в мире. Одна дивизия способна за три часа блокировать такую страну как Германия или Чехия, а за пять, всю Европу. И держать трое суток, пока не высадятся другие войска для подмоги. Нас семь гвардейских дивизий, не считая учебных. А еще есть секретные батальоны спецназа ВДВ. Да, это сила, не то, что дивизия и три бригады морпехов».

В обед нам дали больше мяса, чем в обычные дни и по плитке горького летного шоколада для восстановления сил. После обеда комбат приказал писать письма домой и отдыхать. Кто хотел, мог завалиться спать. Я разделся, залез под одеяло и улетел в страну снов...

Глава III. Рота переносников. Кабул. Апрель, 1985 год

Кубрик второй роты отдельного гвардейского парашютно-десантного батальона связи 103-ей Витебской – Кабульской дивизии представляет собой небольшую казарму, именуемую в Афганистане модулем и рассчитанную на тридцать – сорок бойцов. Здесь квартируется рядовой и сержантский состав срочной службы. Койки располагаются в два яруса. По левую руку четыре больших окна, с врезанными в них кондиционерами советского производства. В торце кубрика – к стене, почти под потолком, прибиты деревянные полки зеленого цвета, на которых покоятся индивидуальные солдатские котелки для приема пищи. Под ними, на полу, навалены разные железные штуки, оказавшиеся при рассмотрении кусками гусениц от БМП⁴⁰ и БМД. Некоторые участки гусениц в солдатском лексиконе – траки, приварены к стальным трубам и, превращены таким образом в штанги для занятий тяжелой атлетикой. В остальном, все точь в точь, как в любой армейской казарме – скамейки, тумбочки в два этажа в проходах между кроватями.

В глубине кубрика, как раз слева от железного городка, на кроватях отдыхают несколько темных от загара солдат. Тренированные тела лишены и намек на жир. Жилистые и накаченные торсы с наколками на плечах: «Афган не изведен», «1983–1985», «103–ВДД», «Кабул». Слова впаяны в красноречивый и знакомый каждому десантнику рисунок – раскрытый парашют на фоне горных вершин. Внутри купола – наш спаситель и основной вид транспорта, воздушный корабль Ил–76Д. Кроме этой наколки у многих на левой части груди или почти под мышкой выбита группа крови и патрон от автомата калибра 5,45.

При нашем появлении «мулаты» оживились и приподнялись с армейских коек. Железные сетки под матрацами весело скрипнули.

– Откуда прибыли, бойцы? – спросил хриплым голосом один из старых солдат.

Да, именно старых. Я сразу заметил, что это – не злые «черпаки»⁴¹, отслужившие год, и не оборзевшие «деды», и даже не дембеля, озверевшие от тоски по женскому телу, на которых уже вышел приказ об увольнении в запас. Это были старые солдаты – те, что уже всеми своими мыслями далеко от этого темного угла в темном фанерном ящике на краю пыльного аэродрома чужой каменной страны. Это настоящие «Русские Рэмбо», познавшие все о войне и, начинающие свою жизнь с чистого листа. Им осталось сделать последний рывок, взлететь и вырваться из горного плена и приземлиться дома живыми и невредимыми. Они на подсознательном уровне молятся всем своим Ангелам, а с нами разговаривают лишь их оболочки.

– Из Прибалтики, из Гайжюнайской дивизии, – дружелюбно ответили мы.

– Поточнее, ребятня?

– Каунасский учебный батальон связи.

– О, редкие птицы в нашей роте! Что, плохо в штабных радиостанциях шарите, раз в переносники записались?

– А что значит, переносники?

– Ха, ну это как горные бараны! Нет, скорее навьюченные ишаки. Радиостанции на себе по горам таскать будете! На спине!

– Ни хрена себе, – удивились мы дружно.

– Вот так, братцы! Каунасцы обычно в первую и третью роту идут, а тут... на тебе.

– Значит, мы лишние оказались? – прошептали мы с Витьком.

⁴⁰ БМП – Боевая машина пехоты. Проявила себя отлично во время войны в Афганистане.

⁴¹ «Черпаки» – солдаты ВДВ, отслужившие в Афганистане полгода или больше. Еще через полгода они становились «дедами».

– Ладно, только носы не вешайте. Вы не лишние, а видимо, самые здоровые. Вы, ребята, попали в самую настоящую десантурскую роту. У нас иногда даже награждают. После разведки, мы, нет теперь уже вы, самые боевые будете. На вертолетах налетаетесь, на проческу с разведкой сходите. А первая и третья роты в машинах штабных сидят, на телефонной трубке висят, никаких приключений. В колоннах под охраной разъезжают, связисты, в общем. И от разведчиков иногда *дюлей* огребают... – засмеялись «мулаты».

– А вы уже отслужили? Самолет ждете? – поинтересовались мы.

– Ха, ну да, неделю назад должны были улететь, может завтра. Мы тут уже вечность! Больше срока, почти два года.

– А вас наградили? Медали есть?

– Да на кой ляд нам эти медали! Домой летим, живые, без ранений!

– Да? Вот как...

Мы с уважением слушали старых солдат.

– Ждем «За отвагу», – продолжали они. – Были у нас заварушки. У нас ведь полгода назад летеху снайпер шлепнул под Джелалабадом, прямо в голову. Мы его тащили пять часов до брони. От «духовской» погони ушли. Представили нас к «звездам», потом сказали, что дадут «За отвагу», вот ждем... Взводному «Красную звезду», посмертно кинули. Жалко его, простой парень был, добрый. *Бача*⁴² в него шмальнул, а, впрочем, может и наемник, ведь вычислил, что офицер. Мы тогда все чумазые были и уставшие. Радиостанцию тащили поочередно. Вычислил, с-сука? – расплылись по очереди древние дембеля. – Постой, только сейчас дошло, что у взводного прическа была покурчавее, а мы на лысо были выбриты, так не жарко, да и круто, так спецназ ходит. Лейтенант как панаму снял под орешником, так сразу, фу-у-як, из «бура»⁴³. Ведь он в «бронике»⁴⁴ всегда ходил на боевые – дисциплина, порядок, не курил даже, все путем. И вот, в голову. Точно, наймит – наемник, падла!

Расстроженные, мы стали заправлять свои постели чистым бельем. «Прадеды» разделись догола, обернулись по пояс вафельными полотенцами и пошли на улицу. Видимо в душ. В кубрике стало тихо. Жутко тихо.

Как черт из табакерки появился прапорщик Николай Гаврюшов и нагло стал обшаривать наши личные вещи. Он вытряхнул содержимое наших вещевых мешков на незастеленную кровать и длинными пальцами стал перебирать нехитрую солдатскую суму.

– Все содержимое сдать в каптерку! Ясно, бойцы? – заорал прапор нам в уши.

– А личные вещи, блокнот, фотки из учебки, можно оставить?

– Я что, не по-русски выражаюсь? Из личных вещей только зубная щетка и мыло! А не сдадите, все окажется в «очке»!

После этих слов он схватил мой бушлат, из рукавов которого на солдатский матрац вывалились две бутылки «Русской водки». Прапор удивленно и злобно уставился на нас с Витьком. Я с безмятежной улыбкой пионера из кружка «Юных натуралистов» уставился на старшину. Сколько злорадства и превосходства было в глазах этого парня, считавшего себя офицером и крайне необходимым элементом в этом городке. Ему бы на таможне работать, чистить багаж незадачливых туристов в поисках контрабанды. Прапорщика можно было поздравить, в бушлате прибывшего в Афганистан салаги он нашел настоящую контрабанду в виде двух пузырей водки.

Это была не просто водка, это были «золотые самородки». Он был счастлив, водка не прошла. «Теперь этот недоносок у меня на крючке и будет мне рабом до самого последнего

⁴² *Бача* – молодой местный житель Афганистана, мальчик, юноша, ребенок.

⁴³ *Бур* – трофейная Английская винтовка конца 19 века. Находилась на вооружении Афганских кочевников. Душманы использовали ее в качестве снайперской винтовки, так как ее пули пробивают практически любые Советские бронежилеты (кроме тяжелых – оборонительных).

⁴⁴ «*Брошк*» – (разговорн.) то же, что и бронежилет, в уменьшительной форме.

дня службы», – думал прапорщик. Глаза его горели в полумраке как очи Мефистофеля. Витек усмехнулся и отвернулся, чтобы не заржать. Старшина схватил меня за ворот парадки и принялся трясти так, что рубашка вылезла из брюк, а галстук разорвался и упал на пол. За уходящий день я так устал, что от этой тряски стал просто засыпать. Мои парадные ботинки свалились с моих ступней, я ощутил невесомость и свободный полет. Через мгновение я лежал на полу, абсолютно ничего не ощущая, в моей голове не было никаких эмоций и мыслей. Рядом безвольно упал мой друг. Зрелище, конечно, отвратительное: два молодых десантника валяются на линолеуме в полусознательном состоянии, сверху стоит здоровый загорелый мужик в майке-тельняшке и рвет глотку.

Прапор продолжал на нас орать, добиваясь правды, откуда водка и для кого, но бить, пока не осмеливался. Я потихоньку отлежался, прочувствовал ситуацию и «проснулся»... «Если ударит, – думаю, – отвечу кулаком по морде. Один зуб, но выбью, а там пусть хоть запинывает. Мне уже все равно»...

Ферганская учебка, 7 часов утра, 26 апреля 1985 год

– Одуванчиков, подойди, дело есть! – позвал меня командир взвода Семенов.

– Я! По вашему приказанию прибыл, товарищ гвардии старший лейтенант!

– Ну, я же просил, пока мы еще не гвардия.

– Как же не гвардия, сегодня вылетаем в Афганистан, считай уже... – улыбнулся я.

– Ладно, гвардеец, принеси-ка свой бушлат, первое боевое задание тебе.

Я вернулся с новым бушлатом, выданным мне перед самым отлетом в Фергану. Семенов достал из своей спортивной сумки две пол-литра водки и протянул мне.

– Знаешь, солдат, что это?

– Как не знать, водяра, но я не пью! Тем более в самолете укачало, пока не тянет, даже по чуть-чуть. Спасибо, товарищ старший лей...

– К-ха! Я не про то, ты что надумал, – перебил меня взводный, – неужели тебе командир выпить предложит? Ну, ты даешь!

– Виноват, не так понял задачу.

– Это, брат, не просто водка, это прописка в офицерский кубрик. Понял? Традиция такая – каждый новенький офицер привозит с собой из Союза два пузыря. А эти... – таможенники про это знают, и шмонают нашего брата по полной, лишь бы водку отнять. Вся надежда на тебя, сможешь? – офицер был по-отечески добр.

– Есть! – бодро ответил я.

– Молодец, возьми бутылки и зашей их в рукава бушлата. Получится пронести через таможеню, отлично, а нет, так и не обижусь. Действуй!

Я сделал все как велел командир, благополучно прошел таможенный контроль и сел в самолет. В самолете Семенов подмигнул мне и шепотом сказал.

– Прилетим в Кабул, заберу, спасибо тебе, солдат!

Кабул, кубрик второй роты

Наш командир, по обыкновению, появился неожиданно и стал свидетелем театральной сцены. В качестве Отелло выступал разъяренный прапорщик, в качестве его несчастной «жены» – мы с Витьком.

– В чем дело, старшина? Мы не успели еще разместиться, а здесь... Что тут происходит, почему новобранцы лежат на полу? – строго, но предельно мягко спросил мой взводный.

– Упали, блин! – начал оправдываться прапорщик Гаврюшов. – На ногах не держатся, дохлаки! Живые трупы, а не десантники! Наберут всякий сброд, тьфу, как телки, сразу ложатся.

– Вот так, сами взяли и легли? Ни с того, ни с сего? Что-то раньше я за ними этого не замечал? – строго спросил Семенов.

– Ну да, а в чем де-де-ло, лей-те-тенант? – заикаясь, спросил прапорщик. – Ты вообще кто? Новенький что ли, прилетел? Голубь мира?

– Командир третьего взвода гвардии старший лейтенант Семенов! Александр Семенов! Да только что прилетел...

– А! Ха, командир взвода – это хорошо! Держи краба, – прапорщик протянул Семенову свою мощную ладонь и сдвинул его кисть со всей дури. Взводный не ожидал такого подвоха и чуть не заорал от боли, но, пересилив ее, смог сжать руку прапора в ответ.

– А я старшина всей этой банды, – продолжил Гаврюшов, – и между прочим, уже полтора года в Афгане! Поэтому, не собираюсь отчитываться гм... перед вновь прибывшим офицером, почему са-са-лаги валяются на полу. Обор-зе-зе-ли в доску, во-во-дку ж-ж-рать собирались. Вот так, ле-лей-тенант! – старшина пытался говорить быстрее, но его заикание все равно про-скакивало почти в каждом слове.

– Вы уверены, товарищ прапорщик? – Семенов решил не отступать. Он медленно сжал свои ладони в кулаки.

– Ладно, пойду, доложу майору Сазонову об этих чмырях и спущу это все в «очко»! Будь здоров! – прапорщик схватил бутылки с водкой и направился прочь из кубрика.

Семенов остановил его окриком.

– Стоять, старшина роты! Оставьте бутылки! Я сам доложу ротному, если сочту нужным...

– Что, это почему еще? Не понял тебя? – у прапора шея налилась кровью, и кулаки сжались от нетерпения драки.

Взводный, напротив, сохранял завидную выдержку.

– Мы с тобой еще не пили за службу и дружбу, чтобы тыкать друг другу, прапорщик! Неужели не знаете обычаи? – немного мягче обратился к старшине Семенов.

– Я не пью, старлей! Спортом занимаюсь и боксом!

– Представьте, я тоже, но и традиции соблюдаю! Солдат к водке отношения не имеет.

– А-а, вот оно что, твое до-до-бро значит, «слоны» везли. Хорошо раз твое, но ротному все равно доложу! А тебе впредь советую, командуй своим взводом, а в мои дела по роте не лезь! Пока офицеры с медичками спят или в ка-ка-рты играют, я во второй роте начальник и отвечаю за порядок и дисциплину! Я этим солдатам и папа, и мама, и Господь Бог! Это, надеюсь, понятно? И никто порядка, установленного мной, не изменит – ни ты, ни ротный, ни комбат! – прокричал на одном дыхании прапорщик.

– Замечу вам, что порядок установлен воинскими уставами, а не прапорщиками с манией величия! – строго сказал Семенов. – Рядовые, встать, – обратился он к нам, не взглянув в нашу сторону, – приводите себя в порядок. Мы быстро встали.

– Ну да, посмотрим, старший лейте-на-на-нт! – нагло продолжал прапорщик. – Это в Союзе так, а здесь ограниченный контингент, здесь все по-другому! Здесь иногда трассера над головой летают, и «лимонки» из «очка» выпрыгивают! Долго мы ждали взводного, прилетел, ха! Прошлого убили, осторожней будь, старлей! – старшина разжал кулаки и выпрыгнул из кубрика, словно ошпаренная обезьяна.

Бутылки с водкой остались прыгать на матрасе. Семенов взял их и молча вышел из кубрика. Мне показалось, что он произнес: «Вот ведь мерзавец!»

Мы отряхнули наши парадки от пыли и стали перебирать вещи, соображая, что бы куда зашкерить, чтобы не нашел старшина. Из душа вернулись «старики», скинули полотенца и обнажили жилистые, загорелые торсы.

– Что молодежь, приуныли? – обратился к нам один, с седым клоком волос на правом виске.

– Да-а, Гаврюшов наехал, сказал все вещи ему сегодня сдать.

– А, подшакалик! А что у вас есть парни? – спросил один дембель.

– Да ничего, собственно, и нет, фотографии из дома и учебки, книжка, купленная в Каунасе, блокнот и тетрадки для писем.

– Конечно, это все «сифилис» для него, если найдет, все в помойку отправит. Лучше сдать. Может и сохранится, хотя вряд ли. Я смотрю у вас береты новые и значки «парашютист»? Может, поменяемся, мы вам свои, конечно не новые уже. Вам все равно, что прапорюге сдавать, а нам на дембель – поновее. А он новые береты все равно по своему разумению употребит. Кстати, парни, свои береты «старикам» подарить – хорошая примета, домой точно живыми вернетесь! Ну как, по рукам, братцы?

– Конечно, мужики, мы вам с удовольствием подарим свои, вам же домой, – мы переглянулись с Витьком и отдали «старикам» наши новенькие береты и значки парашютистов. Обрато мы получили два довольно стареньких берета и два значка «Парашютист СССР» с едва отколотой позолотой на куполе парашюта и царапинами.

Удивительно, но мне понравился и берет, и значок – эти вещи здесь жили не один год, пусть будут нам талисманами и оберегами. Пусть «старики» берут все, лишь бы не досталось старшине. Но им больше ничего и не было нужно, они молча прошли вглубь кубрика и завалились спать. Утром их кровати оказались пусты, в пять часов «стариков» подняли и бегом отправили в аэропорт. Легкого взлета вам, ребята, и мягкой посадки дома!

После вечерней поверки на плацу батальона, где наша рота стояла всего в составе шести бойцов, мы ринулись в умывальник, он же душ, где каждый вечер солдаты стирали свои носки и мыли ноги с мылом. Процедура помывки ног проходила просто, суешь ногу под ледяную струю, бьющую из артезианской скважины, и намыливаешь ее, потом другую ногу. Вода была чудовищно холодной и кристально чистой.

Спали мы как убитые, но ночью меня разбудил шум артиллерийской канонады. Я встал, быстро оделся, приготовился к боевой тревоге и вышел из кубрика.

Дневальный, сидевший в обнимку с автоматом на табуретке рядом с тумбочкой, уставился на меня сонными и удивленными глазами.

– Ты, что боец, писать захотел? – спросил он безучастно.

– Хочу оружие получить, стреляют. Тревога будет? – озабочено ответил я.

– А-а, ха, новенький! Это наш артполк по горам лупит, беспокоящий огонь называется. Хотя, сегодня лупят, надо признать – не по-детски! Гм, странно... спать иди, усек, «бача»?

Я поплелся в кубрик, но тут же вспомнил, что необходимо сходить в туалет и пошел из казармы на улицу. Дневальный вновь окрикнул меня.

– Эй, ты хоть пароль знаешь? А то тебя часовые пристрелят, и поссать не успеешь!

– Не, не знаю пароля. А что за пароль? – удивился я своей глупости.

– Слушай, пароль на сегодня девять. Тебя окрикнул часовой: «Стой!» Ты должен непременно остановиться. Если тупой и будешь дальше топтать, он положит тебя мордой лица в пыль, а она, поверь мне, страшно невкусная. Потом крикнет цифру, например, пять! А ты ему ответишь! Ну что ты ему ответишь, а, догадался?

– Отвечу четыре, – улыбнулся я.

– Соображаешь, только не ори громко, а то все услышат, и «духи» тоже, – усмехнулся дневальный.

– Да! А «духи» – это душманы? – спросил я, пытаясь переварить новую и неприятную для меня информацию.

– Ха, ну ясно, что они. Ну, иди, боевой «слон»...

Ночь стояла теплая и звездная. Огромное количество созвездий висело над моей головой. Боже, как красиво. Пушки и гаубицы остервенело, били, где-то за дальними горными перевалами. Потом вдруг затихли. Все наполнилось тишиной и миром. Я шел медленно, ожидая окрика часового. Угрюмый часовой вяло окрикнул меня и, услышав пароль, пропустил к большому металлическому ящику с надписью: «Морторгфлот СССР», который являлся настоящим десантным галюном нашего батальона. За этим сооружением тянулась бесконечная траншея, вдоль которой ходили часовые. За траншеей – деревянные столбы с колючей прово-

локой на высоту солдатского роста, а дальше все, чужая земля. Часовой повернулся в сторону казарм, спрятал сигарету в ладони, чтобы не было видно огонька в темноте, и нервно, глубоко затаился. За часовым раскинулась темная мгла. Ничего не видно, горы спят. Или это только кажется. Я заговорил с часовым, хотя знал, по уставу караульной службы, что этого делать нельзя, но вид у него был очень жалкий.

– Как дела, браток? Вроде тихо и ночь теплая? Хорошо. Курорт.

– Какой я тебе браток? – огрызнулся часовой. – Ты еще «душара», молодой значит, а я уже «черпак», полгода здесь, и до Афгана полгода в Фергане мучился. Нашел, бляха, курорт!

– Да ладно, не злись, тебя как зовут? Меня – Санек.

– Слушай, юморист, я Афанасий. А ты лучше иди, спи, если «пахан» увидит, что я на посту базарю, еще впаяет мне пять нарядов⁴⁵ вне очереди, сволочь! Я и так уже живу здесь...

– Я понял, ухожу. А кто он, «пахан» этот?

– Блин, ну ты салага, кто-кто, прапор-старшина! Эй, постой молодой, курить есть?

– Нет, я не курю, вредно.

– Ничего, скоро закуришь, я тоже думал, что не курю. *Ча* за ночь, стрелять охота! Давай, *буру*...

Часовой отвернулся и пошел вдоль колючей проволоки. Вдалеке я заметил еще одного часового, стоящего у края траншеи. Тихо, даже сверчки не поют. Кабул уснул.

Совершенно секретно. Штаб ГРУ в АФГ. В главное управление внешней разведки в Москве.

В ночь с 26 на 27 апреля, в 21.00, настоящего 1985, во время вечернего намаза, группа Советских военнопленных тюрьмы Бадабер, в Пакистане, подняли вооруженное восстание. В подавлении восстания участвуют подразделения спецназа Пакистанской армии и 11-армейский корпус в.с. Пакистана. По непроверенным данным подавлением восстания командует Бурхануддин Раббани. К утру 27-го, по-прежнему слышится стрельба и бомбежка крепости. По боевой тревоге подняты специальные подразделения 40-армии, вблизи пакистанской границы. Ждем указаний, готовы к любым военным действиям... Считаем необходимым предпринять меры для освобождения наших солдат и офицеров силами отрядов специального назначения... Тюрьюму уничтожит к чертовой матери, бомбовым ударом ТЧК

Ответа из Москвы не последовало.

⁴⁵ «Наряд» – дежурство по роте. Ночью дневальные из наряда выполняли функции часовых охранявших городок. То есть каждый солдат в Афганистане испытывал двойную или тройную физическую и моральную нагрузку. Людей не хватало. Почти треть личного состава 40-ой Армии постоянно находилась на излечении в госпиталях.

Глава IV. Учебный батальон ВДВ. Каунас. Начало зимы, 1984 год

Почему некоторые солдаты становятся инструкторами в учебном батальоне. Осмелюсь предположить, потому, что умеют держать слово и делать то, что обещали. Редкое качество, встречающееся исключительно у честных людей. Здесь необходимо сделать поправку. Обещания бывают разные. Об этом я раньше не задумывался. Мне казалось, что обещания всегда могут быть только добрыми. Например, обещает отец взять сына на рыбалку и делает это, ну а если не вышло, не беда, нужно просто подождать следующих выходных. Отец обязательно выполнит обещание.

В учебке я узнал, что обещания бывают еще и злые. Сержант дает такое обещание своим курсантам, о котором они его и не просят и скрупулезно выполняет его. Да, я не смог бы стать сержантом в учебке. Ведь если я рассержусь на своих солдат днем и пообещаю, что ночью они у меня будут хавать как свиньи, я едва ли сдержу свое обещание и просто прощу их. Наши «козлы» были заточены иначе. Не знаю, воспитала ли их так вся предыдущая жизнь, или их таланты проявились только в армии, но делали они это блестяще.

После ужина сержант Цибулевский построил нас около хлебоборезки и приказал каждому курсанту получить по булке серого армейского хлеба. Хлебоборез только развел руками.

– Где ж я столько хлеба возьму? Вы что там, в поход собрались? Уже пятый сержант приходит. Не дам двадцать буханок, только пять есть.

Мы почуяли, куда клонит сержант, и облегченно вздохнули. «Цибуля» посмотрел на хлебобореза страшным взглядом и пообещал разобраться с ним позже. Тот в недоумении закрылся в своей хлебоборезке.

Наш взвод шагает в казарму с пятью кирпичиками хлеба. Мы торжествуем, кормление голодных «слонов» откладывается.

Я упомянул выше, что настоящий инструктор учебки – это человек, жестко следующий ненаписанным правилам, пришедшим в Советскую Армию, вероятно, из зоны, из той поры, когда тысячам уголовников был дан шанс искупить свою вину перед народом в штрафных батальонах на фронтах Великой Отечественной. Эта была стратегическая ошибка государственной машины. Тогда и начался полураспад здорового армейского организма. На смену жизни по воинским уставам и законам постепенно, в солдатские казармы приходила «житуха по понятиям». В десанте тюремный образ воспитания почти не приживался, учитывая действительно высокие моральные устои офицерского корпуса, но в сержантской среде процветал садизм и унижение солдат часто в виде экспериментов под управлением «лучших» младших командиров. Конечно, о проблеме было известно и в Генеральном штабе, и в Главном Политическом Управлении СА, но пока решили все спустить вниз, что называется в народ. Как всегда, вся нагрузка легла на плечи командиров и замполитов.

Мы не понимали нашего «замка», похвалил бы лучше за неплохой, а самое главное, первый наш марш-бросок и спокойно лег бы спать и нам бы дал отдохнуть. Действия его были лишены всякой логики нормального человека. А вот логика самоубийцы, ищущего приключения на свою накаченную задницу, ему явно соответствовала.

После вечерней проверки, которую к нашему удовольствию провел Александр Семенов в присутствии «удава», мы дружно бросились в наши постели и вырубались на счет «два».

Сквозь сон я слышал, как старший лейтенант прошел по расположению взвода, кому-то из курсантов поправил одеяло и дал указания сержантам долго не шастать и ложиться спать.

– Мне нужен отдохнувший взвод. И вам тоже, отбой! Ух, смотрите у меня!

Полдвенадцатого ночи, «Цибуля» приступает к выполнению своих обещаний. Мы быстро построились и к своему огорчению увидели, что не все взвода подняты по «учебной тревоге». Он все-таки достал где-то еще десяток буханок хлеба и раздал каждому второму из нас. В общем, получилось просто – буханка на двух человек. После этого «Цибуля» взял слово.

– Взвод! Сегодня утром вы меня расстроили, и мне пришлось покупать себе молоко для успокоения нервов. Я, ваш командир, не могу себе простить, что вы не доедаете. Или, может быть, кто-то конкретно хочет есть. Что молчите? А, все хотят?

– Я не хочу есть, я спать хочу, – смело ответил один из курсантов.

– О, похвально курсант Гончаров, а что же вы не кричали так в столовке, когда все «слоны» просили мяса?

– Я лично не просил. Ни мяса, ни хлеба, – продолжил тот же курсант.

– Гм, слишком много «я»! Товарищ курсант, вы в армии, а не на гражданке. Там будешь «якать»! Упал на кулачки! Остальные тоже упали! Качаемся! Еще, еще, веселее... Встать! Короче, взвод, это – залет, ваш залет перед всем сержантским коллективом батальона. Мне стыдно, что именно в моем взводе нашлись желудки! И что меня особенно обижает так это то, что вы обвинили в вашем голоде сержантов! Короче, будете хавать хлеб. У вас пятнадцать буханок, пока взвод все не съест, отбоя не будет. Начали, увижу, что кто-то хитрожопит и прячет недожеванный мякиш, будет тренироваться еще и завтра.

Мы распределили хлеб по-братски и стали медленно жевать сыроватую и пресную мякоть. Сержант ходит рядом, заглядывая каждому в рот и желая приятного аппетита. Артист! Зря мы уступили и не поддержали курсанта Гончарова, каждый молчал и спасал свою шкуру. Ведь не было никакой гарантии, что самый смелый в следующую минуту не попятится назад. Наплевать на все, сейчас съедим этот хлеб и спать!

Хлеб оказался настолько бесконечным и невкусным, что и через полчаса осталось еще половина. Внизу послышался шорох, «Цибуля» приказал всем прыгнуть в постели и замереть. В роту поднялся дежурный по батальону гвардии майор Капицын. Он был начальником штаба батальона и в наряды ходил редко. Если бы он поймал «Цибулю» на неуставнухе, все, считай разжалование и свиная карьера и это самые мягкие наказания. Майор прошел по казарме и, убедившись, что все в порядке и даже сержанты храпят, удалился. Надо отдать должное «Цибуле», конспиратор он неплохой, раз смог притвориться спящим всего за три секунды. Мы тоже не последние лохи, пока сержант вытягивал сквозь свои свинячьи усы храп, нам удалось спрятать остатки непрожеванного хлебного мякиша в подушку, под матрац и в коврики для ног. Цибулевский решил не рисковать и более нас не поднимал. Ночь вошла в свою силу и казарма десантников погрузилась в сон. Утром, после зарядки, мы благополучно вытряхнули наши коврики вместе с колбасками хлеба в свежий снег.

В этот же день произошло событие, заставившее краснеть нашего взводного Семенова и ротного командира Падалко, а «Цибуля» получил свою порцию взысканий. Ведь все тайное становится явным.

В радио классе мы настойчиво изучаем «азбуку Морзе», не переставая долбить телеграфным ключом как заправские диверсанты-радисты. Наш командир взвода Семенов отлично знает телеграфное дело и требует того же от каждого из нас. Один курсант все же заснул во время передачи шифра и передает непонятно что. Заметив это, командир вскипел и ударил по столу ребром ладони, но попал аккуратно по ключу и разбил его вдребезги. Бедный курсант подскочил от неожиданности. А «Цибуля», ничего не подозревая, продолжал дремать на задней парте, словно кот на печи.

– Твою Машу! – закричал взводный. – Сержант, ко мне! – обратился он к Цибулевскому. – Ты что, а! Почему курсанты спят во время передачи цифр?

– Блин, не знаю, – оправдался сонный «замок».

– Зато я знаю! Снова не давал спать взводу? – яростно закричал Семенов.

– Никак нет, – сержант подтянул ремень и сделал вид, что напуган.

– *Никак* нет, *никак* нет, – передразнил его офицер, – я же вижу, почти все курсанты кемарят, словно мухи! Шутить со мной вздумал, сержант? В рядовые захотел?

– Никак нет! – окончательно проснулся сержант.

– Сейчас на перемене все на улицу, кислородом дышать, кросс два км! Только не гони! Темп средний. Ты впереди.

– Есть, товарищ старший лейтенант, – сержант нагло улыбнулся; кросс был его коньком. – Пробежимся и подышим! И покачаемся на кулачках, ха!

Мы побежали. На улице благодать, легкий снежок, дышится легко. С наступлением зимы я стал замечать, что бегать стал увереннее и быстрее, исчезла вялость в ногах, появилось хорошее второе дыхание, включающееся почти сразу. Все дело, наверное, в весе, он стал немного меньше. А жирок, накопленный на маминых пирожках, рассосался. Офицеры сразу нам сказали, что кроссовая подготовка это основа физической подготовки десантника, все остальные дисциплины подтягиваются позже. Бежать не можешь, считай труп, легкая добыча для пули снайпера. Ноги и дышалка! Воля и выносливость! Бежим, дышим, просто летим как жеребята, впервые набравшие скорость и сумевшие догнать взрослых коней.

На втором часе морзянки все шло в штатном режиме, но вдруг в класс влетел дневальный нашей роты.

– Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант!

– Валяй. Что случилось, тревога что ли? – спросил капитан Семенов.

– Хуже! Проверяющий полковник из Гайжюная и комбат! В нашей роте! – запыхавшись, отчеканил дневальный.

– Ясно, а что от меня-то нужно? – недоумевающе спросил взводный.

– Там еще ротный, он срочно требует вас! В общем, шмон идет в расположении третьей роты!

– Ротный злой? – взводный нахмурил брови и строго зыркнул на Цибулевского.

– Нет, но расстроенный, слегка, – ответил, отдышавшись, дневальный.

– Ну, смотри, у меня, «Цибулевич»! – грозно рявкнул Семенов на сержанта и выбежал из учебного класса. Эта кличка «Цибулевич», означала всегда то, что взводный в ярости.

Цибулевский покраснел, поправил ремень, что-то пробурчал себе под нос и стал ходить туда-сюда по классу. Потом пнул дверь и вышел из класса на улицу. Мы воспользовались передышкой и, будто выключились. Такие сидящие роботы или зомби с открытыми глазами и мыслями, где-то далеко от этого военного городка.

Уже через три минуты Семенов был в расположении третьей роты.

– А, вот и командир третьего взвода нашей роты, – комбат с издевкой обратился к молодому офицеру и посмотрел на ручные часы.

– По вашему приказанию прибыл! – доложил Семенов сразу всем офицерам.

– А что, хороший командир? – спросил полковник из Гайжюная. – Пойдемте, я кое-что вам покажу. У ваших курсантов мусор, вот, полюбуйтесь! Хлебный мякиш под матрацем, у трех сразу. Бывает, конечно, что кто-то один не понимает требований устава, берет хлеб в казарму и ночью ест. Но здесь? Сами посмотрите, они у вас голодные что ли?

– Нет, питание нормальное, даже не пойму, зачем курсанты берут хлеб? – Семенов сжал челюсти.

– Гм, я вам подскажу, тут может быть совсем другое, не догадываетесь? – продолжил проверяющий полковник.

– Понял, неуставные взаимоотношения, – предположил Семенов.

– Да, похоже именно на это. В десантных войсках, такого позора быть не должно. Тем более в нашей учебной дивизии. Вам ясно, старший лейтенант? Хорошо. Многим из ваших курсантов через несколько месяцев предстоит выполнять свой долг в Афганистане, а это очень

ответственно. Будущие младшие командиры должны четко понимать, что дедовщина недопустима в условиях боевых действий! – закончил полковник, глубоко задумался, почесал высокий голый лоб и улыбнулся. – Ладно...

– Разрешите идти принимать меры? – громко отчеканил Семенов.

– Чем сейчас заняты ваши курсанты? – мягко спросил полковник.

– Провожу занятия с взводом! Правила радиообмена, телеграфный ключ, прием, передача...

– Хорошо, продолжайте занятия. А я хотел бы посетить столовую, посмотреть, что на обед у батальона, – улыбнувшись, сказал полковник, и посмотрел на рядом стоящего майора.

– Есть! – старший лейтенант отдал честь, развернулся и направился к выходу.

Майор Падалко проводил Семенова уставшим и укоряющим взглядом. Промах, залет.

После обеда сержанты нашего взвода стояли у «удава» в канцелярии, а мы наводили в тумбочках и кроватях генеральную уборку и вытрясали свои пыльные одеяла на спортгородке. Цибулевский ходил мрачный два дня, потом выдохнул и забыл.

Началась парашютно-десантная подготовка батальона с ежедневными тренировками на десантном городке.

Прошел месяц, как мы приняли «Военную Присягу», и наша служба вошла в полную силу. И все же, мы еще не были настоящими десантниками, впереди у нас были зимние прыжки с парашютом. Прыжок с армейского самолета с оружием в составе настоящего боевого подразделения, что это для молодого человека? Экзамен на зрелость и мужественность или шикарное приключение. Ни то и не другое, это доверие получить символ доблести и отваги от богатырей «Русичей», меч истинного воина. Обретение смысла существования мужчины в эпоху ожидания войны. А еще это шанс не погибнуть в третьей мировой, словно баран в жертвенном костре, а уничтожить одного или нескольких врагов, осмелившихся поднять ядерный меч на твою Родину. В общем, «батя»⁴⁶ – генерал Василий Маргелов все учел. Да, мы смертники, но не простые, а падающие на голову врага с неба и стремительно вступающие в бой. Смелые, наглые, отважные, но иногда нежные и ранимые. Мы лучшие солдаты – «Воздушно-десантная гвардия СССР» и должны доказывать это каждый день.

В нашем батальоне не оказалось ангара для укладки парашютов, поэтому все происходит прямо на плацу. Комбат вышел на крыльцо своего двухэтажного барака на краю Каунаса, где жил со своей семьей еще до Афганистана и продолжает жить по сей день в ожидании новой квартиры. Первый сухой и солнечный день с начала декабря, солнце бушует в высоких облаках. Натуральная Швейцария.

Комбат вернулся в свою квартиру, набрал по телефону дежурного офицера батальона и отдал приказ.

– Капитан, слушайте! Сегодня, прямо сейчас, все роты на укладку! Парашюты готовим, через две недели надо прыгать, «кровь из носа»!

– Есть, товарищ гвардии полковник! Доведу до командиров рот! – отчеканил капитан.

– Сразу после завтрака пусть начинает первая, через два с половиной часа вторая и дальше! Чтобы до десяти вечера все купола уложили! Все другое отменить! Все занятия только по укладке парашютов.

– Есть, выполняю! – через минуту дежурный обзвонил всех офицеров и передал приказ.

Офицерская служба в ВДВ во многом строится на личной инициативе самих офицеров. В голове командира сосредоточено многое: полевая выучка, безопасность при стрельбах и тренировках по рукопашному бою с оружием. Полноценное питание курсантов, борьба с неуставными, но это ерунда, знакомая почти каждому общевойсковому командиру. У десантного «бати» все только начинается. Нужно обучить каждого солдата теории и практике совер-

⁴⁶ «Ба́тя» – (солдатский сленг) – командир батальона в 40-й Армии.

шения прыжка с парашютом с любого самолета или вертолета, в любых метеоусловиях и любых широтах земного шара. Уложить правильно вместе с рядовым его «купол». Малейшая небрежность или ошибка и солдат погибнет. А где гарантия, что кто-то не струсит в самолете и не упрется рогами, как телок в дверях. В этом случае выброска парашютистов из самолета прекращается, но, если труса все же выпнули из салона, он может разбиться или потерять сознание в воздухе. Всего и не перечить. А ведь с батальоном или ротой нужно прыгать самому. Как это не смешно, но кости с возрастом скрипят и побаливают. Нужно снова прыгать, доказывать себе и всем в пятисотый раз, что ты все тот же супермен, а не развалина с богатым боевым опытом. Стареющий офицер десантник остро чувствует постепенное прощание с небом. Оно неминуемо и часто катастрофически внезапно. Поэтому, каждый сопротивляется до последнего, как раненый и свободный сокол, падающий в штопор. Да, это особые люди, офицеры, повенчанные с небом и влюбленные в него до смерти! Им снится небо. Даже в Афганистане, среди вонючей пыли, пропитанной запахом баранов и верблюдов, им снится зеленая трава на площадке приземления, а в голубом высоком небе россыпь белых куполов – его гвардейцев.

Я так и не увижу зеленую траву под сапогами, мы будем прыгать зимой в глубокий и мокрый прибалтийский снег. Пока первая рота укладывает парашюты на плацу, мы бежим в учебный корпус. Семенов впереди, два курсанта несут сумки с парашютами. За два часа взводный хочет рассказать нам, что же за зверь такой «десантный людской парашют Д-5».

Мы столпились у столов, где командир разложил всю систему десантирования солдата ВДВ. У меня замерло сердце, все интересно и фантастично, словно перед нами амуниция космонавта-инопланетянина. Командир удивленно посмотрел на нас и спросил.

– Вы что первый раз видите купол, воины?

– Я уже видел и прыгал два раза! – ответил один курсант.

– Не понял? Остальные, почему молчат? – удивился взводный.

– Мы не прыгали, вот и молчим, – гаркнул взвод.

– А, жулики! В ваших анкетах я читал совсем другое. Ладно, все ясно, будем учиться с нуля. И прыгнем все. Не слышу, десантура, бодрого ответа!

– Так точно, товарищ командир, прыгнем все! – ответили мы хором.

После обеда наш взвод рванул на склад хранения людских парашютов. Здесь требуется уточнить, что склад именовался именно так, ведь в случае объявления боевой тревоги солдаты и офицеры должны непременно прибыть к складу людских парашютов, а не парашютов для десантирования автомобильной и гусеничной техники.

Нас встречает добродушный гвардии старший прапорщик Валерий Закидухин. Он вездесущий, когда речь идет о десантировании и отвечает за все шелковое и железное, что относится к нашей небесной подготовке, в том числе и за парашютную вышку и «крокодил»⁴⁷. Он всегда улыбается в огромные черные усы и рассказывает разные небылицы и истории из своей службы. На его парадном кителе блистает знак парашютиста инструктора с цифрой «1000». Вот он – фанатик неба, влюбленный в него как в счастье и преданный ему, как своей матери. Он немного прихрамывает и ходит медленно. Мы не знаем, что у него с ногой, кто говорит, что это еще с Чехословакии, но, скорее всего, с Афгана, где он был инструктором по прыжкам у афганских спецов «Коммандос».

Наш «Семен» доложил Закидухину о прибытии взвода для получения парашютов. Так положено, ведь здесь вотчина и царство старого прапорщика. Мы вошли внутрь. Склад парашютов – не просто вещевой склад. Это дом, где живут хранители солдатских и офицерских жизней. На деревянных стеллажах в четыре этажа стоят большие сумки цвета хаки. Каждая

⁴⁷ «Крокодил» – штурмовой вертолет Ми-24. Бронированный и стремительный вертолет, основной «летающий танк», прикрывающий Советские военные и гуманитарные колонны с воздуха. В Афганистане мог служить для доставки в тыл бандформирований небольших (не более пяти человек) разведывательных групп из отряда КГБ, «Коммандос» или ГРУ.

сумка опечатана, тщательно закрыта. Усатый прапорщик ходит с большой амбарной книгой между стеллажами, прикидывая, откуда бы нам выдать парашюты. Взводный ходит за ним.

– Начнем, может быть, товарищ гвардии старший... – поторопил Семенов прапорщика.

– Сейчас, лейтенант, не гони коня, старый он уже. А, вот отсюда берите, здесь хорошие парашютики, всего-то восьмилеточки, новые, можно сказать, – улыбаясь, сказал прапорщик.

– Ничего себе, новые, – потер нос Семенов.

– Конечно, новые. Вон там, в угловых стеллажах старички лежат, по тринадцать годков отпрыгали. *Ничо*, нормальные, еще не подводили, – уверенно ответил Закидухин и поставил отметки в своем журнале.

Цибулевский командует и двое курсантов по лесенке забираются на верхние стеллажи и аккуратно спускают сумки с парашютами. Мы строимся на тропинке перед складом, у каждого из нас за плечами сумки со спящими в них куполами. Усатый прапор важно закрывает склад и вешает на него огромный амбарный замок – символ нашей свободной и гордой страны. Граница на замке, склад парашютов на замке, враг не пройдет. Потом он с важным видом разминает старый кусок пластилина в больших ладонях, шлепком прибивает его к деревянной табличке и, пропустив в нем две веревочки, ставит свою алюминиевую печать.

– Ну, вот и ладушки, ребятишки, – обратился к нам «Дед Мороз» десантного батальона, – сейчас каждый распишется за полученные парашюты в моей волшебной книге. Теперь вы в ответе за свои два парашюта: основной и запасной. И как вы их будете беречь, и укладывать перед прыжком, так и они будут оберегать вашу жизнь и-и плавноенько опускаться на землю ваши тела.

– Разрешите спросить! А что если обнаружится какая-нибудь неисправность или отрыв стропы? – спросил один из нас.

– Ничего страшного, после приземления доложите командиру, заменим парашют на исправный, а этот заштопаем, как носки или спишем в запас. Еще вопросы есть? – засмеялся старший прапорщик.

– А вы честно прыгали тысячу раз? – полюбопытствовал кто-то из курсантов.

– Конечно, честно! Честнее не бывает, уже тысяча двадцать семь! У нас в батальоне есть один капитан, у него больше тысячи трехсот!

– Страшно прыгать в первый раз?

– Нет, братцы, для настоящего мужчины не страшно, а слабаку и трусу само собой, очень страшно. Такому везде страшно, даже в сортире! На красавице-девчужке лежа – страшно, – заржал прапорщик.

Мы дружно рассмеялись. Хороший все-таки мужик, гвардейский старший прапорщик Закидухин. Настоящий десантурский «прадед» с ним я бы стал прыгать и в Афган бы пошел, не раздумывая.

Наш взвод торопится на плац, я обернулся, чтобы еще раз посмотреть на усатого прапорщика. Он, прихрамывая, шагал от своего склада, потом остановился, поднял голову и стал смотреть в холодное серое небо.

Глава V. Афган. Конец апреля, 1985 год

В шесть тридцать утра дневальный закричал подъем. Мы выспались прекрасно, быстро встали и, не надевая зимние тельняшки, которыми нас снабдили при отлете из Каунаса, в парадных брюках пошли на улицу вслед за «черпаками», на зарядку. За полгода нахождения в учебке, я научился определять по внешнему виду и по поведению, кто передо мной. На этот раз тоже не ошибся. Впереди шли солдаты, отслужившие год в армии. Они «черпаки». Загорелые, сильные, но молчаливые; сутулые, еще не отвыкшие от подзатыльников и пинков своих «дедов», но взрослеющие и борзеющие на глазах – «молодые львы». Они изредка поглядывают на нас. «Койоты», изголодавшиеся по теплой крови, но пока не знающие как одолеть и сожрать свою первую жертву. Вернее, подчинить и унижить. Мы смотрим на них в упор, давая понять, что мы не из робких и сможем врезать кулаком или ногой, если будет необходимо. Мы с Витьком стоим в строю белые или почти «зеленые», выдавая тем самым, что мы – вновь прибывшие салаги, приехавшие из Литвы. «Черпаки» зубоскалят и хохмят в наш адрес, но заговорить не решаются, держимся мы строго.

Приходит старшина Гаврюшов и отправляет «черпаков» на зарядку самостоятельно или в составе «полтинника», а нам приказывает следовать за ним обратно в расположение роты. Я смотрю на пружинящую походку прапорщика, его загорелый затылок и шею, и ставлю его в разряд «рейнджеров ВДВ». Если мысленно разделить всех солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров десантуры на разные типы или сорта по принципу готовности к бою, наглости и отваги, что в принципе одно и то же, вырисовываются четыре основных вида десантников.

Первый – самый спокойный и уравновешенный вид десантников те, которые предпочитают служить спокойно и ровно, строя свои дни строго по уставам и наставлениям. Такие люди все взвешивают и анализируют, много читают. Выполняют лишь те обязанности, которые на них возложены. Не рвут задницу перед начальством и не стремятся на войну, в назначенный срок капитанами или майорами уходят в запас. К таким относятся примерно половина всех десантников нашего батальона в Каунасе и, наверное, в любой части ВДВ. Я называю их уставник – правильный или просто, хороший десантник, такие становятся командирами рот или комбатами, но дальше карьерная лестница для них закрыта.

Второй вид – парашютист-отличник или романтик и гуманист. К таким относится мой командир взвода, гвардии старший лейтенант Семенов. После школы он мечтал стать офицером десантником, но понимая, что физическая подготовка в Рязанском Командном Десантном училище может его просто сломать раньше времени, как сломала немало юношей, он решил добиться своей цели другим способом. Он поступил в Рязанское высшее командное училище связи, где на базе одной из рот был десантный взвод. Его он закончил отлично и попал в элитные части засекреченной связи ВДВ. Взводный спокойный, взвешенный командир, но ему всегда хотелось, чтобы его курсанты были чуть лучше других. Чтобы и он сам был на виду начальства как перспективный офицер. Но при этом он никогда не хотел рисковать ни своей жизнью, ни жизнями своих солдат, для достижения каких-то призрачных побед или карьеры. Отличный офицер будущего, в голове которого были и есть тысячи идей как воевать с помощью машин и роботов, не теряя ни одного солдата. Хотя о какой войне я думаю, мой командир к войне не имеет никакого отношения. Он – мальчик с гитарой и карандашом в руках, Советский пионер Сашка Семенов из кружка радиолюбителей и парашютист из ДОСААФ. Романтика и юношеский максимализм закинули его, в конце концов, на реальную войну.

Мы на войне – это факт, а не мираж. Но это война только для тех, кто сейчас на ней или, кто уже не на ней, другим же далеко плюнуть на нас и на эту страну, где мы сейчас рискуем всем и своей жизнью. В Союзе все по-старому, дискотеки в парках, водка после смены на заводах,

счастливого пионерское детство и никакой войны. Так зачем мы здесь, по чьей воле? Если сейчас наша служба под секретом, значит, наша жизнь в принципе ничего не стоит? Войны-то нет?

Третий вид десантников – авантюристы, они же «рэксы» ВДВ. В эту группу входят самые смелые и безбашенные десантники, почувствовавшие свою неуязвимость после первых боевых выходов, уцелевшие в рукопашной с «духами». «Рэксы» это только солдаты и сержанты срочной службы, они на пути к профессионализму, но слишком гонят лошадей, чтобы выдержать долго этот бешеный темп. «Рэксы» живут и служат в разведке и ротах «курков»⁴⁸. Они идут в бой с АКС на шее и им уже на все наплевать. Многие из них гибнут в жестоких столкновениях с басмачами. Все они герои, ставшие «человеками войны». Кто из них выживет, пополнит криминальные группировки на гражданке или продолжит воевать до конца в спецназе ГРУ.

Четвертый и последний вид десантников – «рейнджеры ВДВ». Это самый малочисленный и, можно сказать, красно-книжный вид Советских десантников, в их рядах только прапорщики и офицеры. Я бы их назвал еще «последние из Могикан» – воины, которые вышли из «рэксов» и поставили на алтарь войны все: свою жизнь, судьбу родных и близких. В общем, эти люди – настоящие профессионалы, командиры батальонов, полков и реже – дивизий. Постепенно они начинают привыкать к убитым и раненым товарищам, им светит их звезда, путеводная звезда полководца и маршала. Вернувшись с войны и навоевавшись за два года досыта, как им кажется, не могут отыскать себя. Их просто нет! Все их нутро и мозги остались там, в страшных и прекрасных горах среди погибших друзей и врагов. Они понимают, что жить больше не могут без всей этой обстановки на лезвии мусульманского клинка. Через полгода они вновь летят сюда, в самое пекло, в пасть «Панджшерскому льву»⁴⁹ и снова горят в вертушке, получая невиданное удовольствие от безжалостного боя и жареного мяса. «Рейнджеры», являясь абсолютными героями войны, с другой стороны, опасны для своих солдат. Что на войне страшнее всего солдату: пуля снайпера, мина, шальной осколок, засада? Нет, страшнее всего простому солдату услышать от своих товарищей и командира – трус! Именно «рейнджеры» и «рэксы» кричат молодым солдатам это страшное слово и гонят их на верную гибель. Они хотят, чтобы все были как они и смеются над слабостью простых солдат, которые просто по своей природе не предназначены для войны. Типичные слова «рейнджера»: «Дураки и трусы погибнут первыми!» – произнесены из уст прапора, красноречивое подтверждение моей версии. Часто они кончают плохо. После того как их генетическая программа выполнена и все победы, и ордена в кармане, «рейнджеру» не остается ничего другого, как пустить себе пулю в голову из наградного «ТТ» или, выпив лишнего, умереть от разрыва печени. Бог давно покинул их душу с тех пор как «рейнджер» перерезал глотку своему врагу, поднявшему руки вверх с мольбой о пощаде. Он не поверил этому человеку, а без веры стал сам медленно разлагаться. Конечно, эта градация приблизительна и спорна, но она не раз поможет мне в принятии решения, кто передо мной...

Командующий ВДВ Василий Филиппович Маргелов, вопреки предположениям многих, не являлся «рейнджером», он – «батя», комдив, настоящий романтик и гуманист, «Отец десантной гвардии».

– Ходите как институтки, – оборвал мои размышления уже знакомым рычанием старшина Гаврюшов, – в парадных тужельках! Смотреть противно! За мной, получать ХБ⁵⁰ туркестанку.

Видно было, что голос он менял специально, чтобы казаться страшнее своим солдатам. Я смотрю на его ромбовидную спину, красно-бурую от загара шею и думаю, куда бы ему стукнуть саперной лопаткой, чтобы вырубить с одного удара. Лучше всего по основанию черепа, как

⁴⁸ «Курки» – Советские солдаты автоматчики и пулеметчики. Самые воюющие и гибнущие в боях с душманами.

⁴⁹ «Панджшерский лев» – прозвище афганского полевого командира, Ахмад Шах Масуда.

⁵⁰ ХБ – солдатское хлопчатобумажное летнее обмундирование.

учил «Цибуля». Сержант бы справился с этим прапором? Едва ли, ведь он молодой «кабанчик», а этому горному козлу не меньше двадцати шести, он старше Семенова. Вот если представить, что старший сержант Кондратьев и сержант Цибулевский против старшины. Нет, все равно не справятся, он очень быстрый и злой, по-настоящему опытный вояка. Сколько ему осталось трубить здесь? А, полгода, он ведь хвастал, что рулит в роте уже полтора! Вообще прапор не простак, хитрый лис! Он же со своими физическими данными может спокойно идти в разведроту или «полтинник» командиром взвода «курков-автоматчиков», горы штурмовать. Не хочет, значит, в глубине своей задницы он боится, понимает, что могут пристрелить душманы или даже скорее свои, за борзость. Хитрый, смелый, но очень осторожный старшина Гаврюшов. «Красный койот» – вот какая кличка ему подходит как нельзя лучше. А ударить сзади я бы не смог, я не до такой степени обмороженный подлец. Может еще все переменится, и он к нам размякнет?

Вслед за старшиной мы зашли в наш кубрик. Он осмотрел пустующую казарму, по-хозяйски шмыгнул носом и сказал, обращаясь к нам.

– Быстро воины собрали все свои шмотки и ко мне в каптерку, буду вас переодевать в новую форму! Продовольственные и вещевые аттестаты, при вас?

– Так, точно, есть две бумажки, – ответил я уверенно.

– Все принимаю по списку, живо за мной!

Мы зашли в каптерку – небольшую темную комнатку с обилием стеллажей, ящиков и всяких сумок, и коробок. В центре комнаты висит черная кожаная боксерская груша, гордость и «подруга» хозяина солдатской каптерки – старшины и прапорщика второй роты.

Витек вывалил свои пожитки на пол и отдал прапорщику аттестаты. Продуктовый аттестат тот сразу убрал в какую-то тетрадку, а вещевого стал тщательно изучать и громко читать.

– Так, боец Кинжибалов! Снимай штаны, все в кучу бросай! Ремень кожаный десантный, есть. Парадка одна, есть. Тельняшка десантная – зимняя фуфайка солдатская, две есть. Фуражка солдатская с голубым околышем, есть. Ботинки парадные, рубашка, галстук, вещевого мешок, все есть. *Тэкс*, берет ВДВ, новый, один? Где *бэ-бе-рет*? — прапорщик вопросительно уставился на солдата.

– Так вот же, товарищ гвардии прапорщик, – наивно ответил Витек.

– *Бляха*, это не новый *бэрэт*, это какой-то ношенный *кондом*! – выругался прапорщик.

– Берет нормальный, зачем же оскорблять его, – осторожно возразил Виктор.

– Молчать! Все понятно, просрали свои береты! «Старикам» отдали, чмошники? В первый же вечер отсосали у «стариков», трусливые недоноски! – прапорщик поднял огромные лапы к потолку и обхватил ими свою стриженую голову.

– Никому мы не отдали, не у кого не сосали, в таких беретах приехали и у меня такой же! Какая разница, есть берет и есть, – грубо буркнул я.

– Ну, вы борзые, «слоны»! А ты рот закрой, контрабандист хренов, и до тебя очередь дойдет! – прорычал сквозь зубы старшина и стал багровым, как индеец племени «Гуронов» из книги Фенимора Купера.

– Вы почему матом, я что, много вам должен? – возмутился я.

– Все, утырки, за то, что подменили свои береты, по пять нарядов на службу! Вне очереди! Уже сегодня! А на дембель в фуражках и галстуках у меня полетите, я вам устрою сыны батальона! Чтобы служба медом не казалась!

Прапорщик разозлился по-настоящему и разочаровал меня. Я понял, что с таким, ненормальным человеком договориться будет невозможно. Ему нужно лишь слепое и безвольное подчинение, но этого от меня он не дожидается. Старшина выдал нам новое ХБ на два размера больше и ботинки – десантные полусапожки на размер больше. После долгих препирательств с командиром нашего взвода, ботинки он все же нам поменял.

Все это было для меня не важно, главное мой командир вновь командует взводом, и я его солдат. Такого почти не бывает, это равносильно попаданию двух снарядов подряд в одну и ту же траншею.

Наскоро подшив форму, мы с Витьком стали готовиться в наряд по роте. Спектакль, разыгранный старшиной, не имел никакого для нас значения, ведь кроме нас идти в наряд по роте было некому. Вся рота находилась на боевых, кроме тех «черпаков», которые оставались в кубрике и не вылезали из этих же нарядов. Днем все спали, два, три часа, тщательно готовились, а ночью дневальные по роте превращались в часовых боевого охранения со всей вытекающей из этого ответственностью.

Я с гордостью получил от взводного свой первый «афганский» автомат.

– Автомат АКС–74, за номером 596517 получил в исправном состоянии! – закричал я как полоумный в ухо взводному.

Семенов крепко пожал мою руку, и всмотрелся в мои глаза как тогда, в декабре в холодном «кукурузнике» за минуту до моего первого прыжка в небо. Мысленно я проговорил: «Все будет нормально, Александр Анатольевич, не сомневайтесь!»

Кроме нас с Витьком, в наряд заступили два солдата «черпака» и младший сержант Петров Петя, наш новый командир отделения, вернее, он уже месяц как «комод», а мы – его новые солдаты. Он «дед», через полгода полетит домой, а сейчас изо всех сил старается обрасти новой шкурой сержанта. Петров крепкий, широкоплечий парень. Сильные руки простираются почти до колен, ноги напротив, немного коротки. Я думаю, Петя до армии был оленеводом, и в ВДВ попал, скорее всего, случайно, а в Афган тем более. По паспорту не знаю, но по внешнему виду он сибиряк, перемешанный с индейцами Аляски. Петров говорит быстро и иногда было невозможно разобрать его слов. Взгляд у моего нового «комода» добрый, но эта душевная доброта спрятана так глубоко, что мне увидеть ее не судьба. Но все же, мой новый «комод» не сволочь и не интриган, просто прямой парень, успевший много что увидеть на войне и требующий к себе соответствующего отношения.

Он инструктирует меня и Витьку перед заступлением в боевое охранение «на колючку», говоря очень быстро, правда, вновь повторяясь, но уже в другой форме.

– Э-э, бойцы, как только приняли пост – стали часовыми! Не разговаривать, не стоять рядышком, как голубки! *Ясь-но?* Ваши триста метров! Ходим *туда-сюды!* Стоите с восьми вечера до полуночи, потом смена. Усвоили? Идете спать. В четыре утра снова на пост, до восьми утра и снова спать. С восьми утра часовой остается один, другой драит центральный проход модуля. Вопросы?

– Если нападение на пост, товарищ гвардии *мла-сержант?* Или залает караульная собака? – весело спросил Витек.

– Не знаем устав караульной *слож-бы*, солдаты? Собаки тут имеются, но только «духовские», лают они редко, больше воют. Часто шлеются вдоль «колючки» с той стороны. Смотрите внимательнее! Просто так и сразу не стреляйте, а то прославитесь паникерами.

– Знаем, просто местные условия? – уточнил Витек.

– А-а, пароль сегодня семь! Всех спрашивать пароль, если кто не знает, мордой в землю и вызывать дежурного по батальону! Телефон под грибком, связь каждые полчаса. Так, ну а если явное нападение со стороны Теплого стана⁵¹ – открываете огонь на поражение. В траншею прыгать в последнюю очередь, а то там вас и замочат! Гранатой! Понято?

– Так точно! – гаркнули мы.

– А-а, это важно! С четырех утра особенно не спать, смотреть в оба, час диверсантов! Знали?

⁵¹ *Теплый стан* – микрорайон Кабула, в основном это частный двухэтажный сектор и сады. Граничил с Кабульским аэропортом

– Нет, не знали! – хором ответили мы.

– Жить хотите, знайте! Пошли в оружейку получать оружие.

Мы встали около оружейной комнаты. Петя с серьезным лицом открыл «тюремную решетку», отключил сигнализацию и позвал нас.

– Э-э, заходите, выбирайте «броники» и каски. Гранатами пользоваться умеете? Будете брать?

– Не знаем, может одну взять, на двоих? – сказали мы нерешительно.

– Ха-ха! – наш «комод» рассмеялся во весь рот и чуть не упал на деревянный сундук с магазинами и подсумками. – Вы что там, в Прибалтике «лимонку» не научились бросать, вот анекдот, я *щас* со смеху помру на месте!

– Блин, конечно смешно, товарищ гвардии сержант. Гранаты бросали, но только учебные, у нас ведь не Афганская учебка. Вот вы где были, в Фергане небось?

– Конечно в Фергане! – продолжал скалиться Петр.

– Кто бы сомневался, товарищ командир. А вот вы прыгали в вашей Фергане с «горбатого», а?

– Нет, мы с «илов» не прыгали, только с «кукурузы».

– Т-хек, – ухмыльнулся я. – А мы прыгали, на скорости 400 км в час, во! А с Ан-2 десантники выпадают на скорости 120–180! – моя фраза произвела на Петю неизгладимое впечатление, и он даже позабыл, что мы совершенно не умеем обращаться с боевой «лимонкой».

Во время нашего разговора в оружейке появляется старшина Гаврюшов. Петров быстро встает и поправляет амуницию, видно по привычке, ставшей условным рефлексом еще со времен армейской юности.

– Ты что тут со «слонами» разговоры про любовь ведешь, а, Петя? – грозно спросил прапорщик. – Я не посмотрю, что ты младшим стал, живо в ефрейтора переведу! А гранаты им не давать, они «слоны», приехали к нам из Литвы, борзые, но ничего не у-ме-меют, – заблеял Гаврюшов. – Пока не научим – не давать! Все понял Петров?

– Есть, товарищ гвардии пр-пр-прапорщик! – заикнулся от неожиданности Петя.

– Да ладно, выдавай оружие дальше, быстрее давай! – сказал Прапор, резко повернулся к нам и зарычал. – А вы только попробуйте уснуть на посту, сгною в нарядах, зачмы-мы-рю, уроды! Буду проверять, всосали?

– Поняли, так точно! Только на счет гранат, мы же умеем бросать, правда, только учебные, – заметил Витек.

– Запомните, шмякодявки, здесь вы ничего не знаете и не умеете, мо-молчать и слушать! Все, ми-ми-гом на пост! – заикаясь от злости прокричал прапорщик, наклонился к нам и резко отставил руку к выходу из модуля. – Бегом!

Гаврюшов продолжал злиться на нас за старые береты. Теперь ведь он не сможет их продать. Он перешагнул высокий порог оружейки и быстрым шагом вышел на улицу. Мы получили свои автоматы, по четыре магазина или рожка с патронами, штык нож. Выбрали каски с целыми ляжками. Бронежилеты лежали сплошной пыльной кучей, и выбрать что-то почище оказалось сложно. Кроме того, они были все разные по весу: тяжелые, средние и совсем легкие, не тяжелее свитера. Хоть по внешнему виду абсолютно похожи. Петя порекомендовал взять самые тяжелые бронежилеты. Оказалось, что остальные полегчали по причине того, что бронелисты из них были вырезаны кем-то из наших и потеряны. Или, что всего вероятнее, проданы в Кабуле *баче*. Толку от таких «броников» в бою, как от обычного свитера – никакого. А *бача* – это мальчик или юноша афганец, с которым можно повернуть дельце или просто полезно поговорить. Короче, не враг, не душман, простой гражданин Кабула. Стрелять в него было нельзя, если стрелять, то только в душмана. Понятно, что любой *бача*, позже может стать душманом, поэтому лучше держаться от него подальше, тем более не принимать подарки. Мы для них чужие и даже враги.

– Петя, а старшина в натуре очень крутой, или так, страху нагоняет? – не смог сдержать я любопытства и напрямую спросил своего «комода» не по уставу.

Петров отреагировал нормально и тихо, почти шепотом, рассказал нам про гвардии прапорщика Гаврюшова.

– Прапор наш не всегда таким был, меня тогда еще здесь не было, а он уже полгода лазил по Афгану. Нет, он конечно и тогда борзый был, но не был таким нервным. Однажды, он пошел с нашими радистами, моими «дедами», в Чарикар. Просто, как всегда ходил начальником походной столовой, лафа! На обратном пути какой-то слепой «дух» врезал по его котлам из гранатомета, может быть подумал, что это наливник с бензином или солярой. Прапорщика контузило, водилу его тоже, а котлы с гречкой долго по ближайшим горам летали, радовали местных баранов жареной кашей! Ха! Представили старшину к медали «За Отвагу», водилу «За БЗ». После санбата прапор начал заикаться, когда понервничает. Полгода вообще из каптерки не вылезал, говорят, что хотел даже комиссоваться и улететь из Афгана. Ротный «папа» «Сазон» уговорил его остаться. Он остался и получил от ротного неограниченные полномочия по нашему воспитанию. И взводные в их дела не суются. Себе дороже. Ротному, правда, через месяц улетать, а старшине еще полгода ляжку тянуть.

– Петя, а что, Гаврюшова и вправду все в роте побаиваются и «деды», и сержанты? – не унимался я.

– Само собой, у него по карате пояс есть, по боксу КМС⁵², он вообще не совсем того, трахнутый на голову, еще со срочной! Теперь еще и контуженый.

– А «папе» ротному это зачем? – поинтересовался я.

– Дисциплина и порядок!

– Страх скорее? – усмехнулся Витек.

– Ладно, пошли на пост, пора, – опомнился младший сержант.

– Знаешь, Петя, а мне вот по-фигу, что у него разряд по боксу, – тихо пробурчал я. – У меня разряд по хоккею, клюшкой могу по носу дать не слабо.

– Смешной ты, Одуванчиков, и глупый. Гаврюшов еще кое-что может, на такое не решается никто из наших офицеров, – «комод» замолчал; мы вышли на улицу и направились на пост.

– Петр, ну досказывай, раз начал? – пристали мы по дороге с расспросами.

– Ладно, прапор по ночам уходит к своей женщине в инфекционный госпиталь. На другую сторону от аэродрома. Там тропа идет по неохраняемой зоне, могут «духи» засаду выставить или свои случайно пристрелят. Он берет с собой три гранаты «эфки», «макаров», свой охотничий нож и уходит почти каждую ночь.

– Псих! Ниндзя! Самоубийца, – зарычал Витек.

– Не знаю. Все. Пришли. Принять пост! Больше ни слова, смотрим внимательно за колючую проволоку. Пристегните штывки! О! Если подойдут *бачата*, не разговаривать, будут предлагать «чарлик», не брать, это будет серьезный залет, бойцы.

– Что это, «чарлик»? – спросил я.

– Эх, фу, лабусы вы, ничего не знаете. «Чарлик» или «чарлз», он же марихуана, травка, наркота.

– Поняли, сержант! Все будет о'кей! – отчеканил Витька.

Наш «комод» быстро ушел, на его лице играла скрытая улыбка. Ему нравилось обращение «сержант» и это «о'кей», наверное, из его безмятежной юности.

До полуночи все было спокойно, мы выкрикивали часть пароля, а приближающиеся солдаты и офицеры, послушно и четко отвечали нам. Когда на горы опустилась мгла пришла наша

⁵² КМС – кандидат в мастера спорта СССР.

смена. «Черпаки» были без касок и «броников». Петров сказал, чтобы мы отдали каски и «броники» новым часовым.

«Черпаки» Игорек Смирнов и Серега Мокрухин водрузили на себя все железо и скрылись в темноте.

– Молодые, не опаздывайте на смену, а то в ухо схлопочите! В общем, приходите пораньше, мы спать хотим, – услышали мы из мрака ночи.

Петя с автоматом на плече махнул нам, чтобы мы не отвечали и шли за ним в модуль.

В четыре утра мы вновь стояли на посту, как вдруг, справа, откуда-то с окраины Кабула запел мулла или кто там у них поет: «Алла-х, и-и Ак-ба-ар...» Звук разносился сильный, чистый и красивый. От него все зазвенело в ушах, и моя фантазия перенесла меня в восточную сказку о тысячи и одной ночи и прекрасной Шахерезаде. Дивное пение мужчины, судя по голосу, лет тридцати. И все же, в некоторых нотках чувствовался металл и твердость. Кто его знает, что именно поет этот соловей, о чем думает и мечтает. Нельзя расслабляться, мы здесь не дома, а в затянувшихся гостях. Витек подошел поближе, вид у него был заспанный и хмурый.

– Слышь, «Архимед», – обратился он ко мне. – Как поет ... мурашки по коже!

– Здорово поет, душевно, жаль, что мы ничего не понимаем. Хоть бы немного знать, а то торчим здесь как придурки на востоке! Хотя Афган – Центральная Азия, – ответил я.

– Ладно, расходимся, час диверсантов, помнишь? – сурово огрызнулся Витек.

Витек пошел налево, я направо. Вот он скрылся в утреннем тумане. Пение в мечети прекратилось, все замерло в безбрежной тишине. Какая непознанная страна, абсолютная загадка. Диверсанты, душманы, зачем, ведь я и другие пацаны просто охраняем своих друзей, таких же солдат. Не пойму. Я вглядываюсь в посадку молодой кукурузы, прямо за траншеей и колючей проволокой, все идеально тихо, ни шороха. Автомат мой дремлет на груди, полностью готовый к бою, но поставленный на предохранитель. Я отхожу чуть дальше от траншеи вглубь моего маршрута и ближе к пыльной дороге, отделяющей меня от казарм нашего батальона. Траншея расположена на возвышенности, а я спустился к дороге и оказался в низине. Теперь, со стороны вражеского наблюдателя, я виден хуже, я стал как бы маленький и почти неуязвимый. Я направился влево и уперся в наш ДОТ⁵³. Это такой бетонный кубик, обложенный сверху природными булыжниками по полсотни килограмм. Внутри места совсем не много, для двух солдат. Маленькое отверстие – бойница смотрит в огороды Теплого стана. Сейчас ДОТ пуст, для чего он стоит здесь, не знаю, наверное, на всякий случай. Я прошел еще шагов тридцать влево. Витек закурил и, пряча огонек в ладонях, уходит еще левее, там пост заканчивается и упирается в колючую проволоку – ограждения парка бронетехники отдельной разведроты и наш автомобильный парк. Там, наверное, свои часовые.

Я решил обследовать нашу траншею, которая тянется вдоль «колючки» от парка разведроты до последней нашей казармы и спрыгнул вниз. Внутри темно и сыро, высота земли мне по кадык, значит глубина не меньше метра и шестидесяти сантиметров. Глубоковато... я смогу стрелять только стоя, а другие солдаты, ниже меня, получается не смогут. Я иду дальше по траншее, здесь глубина меньше, удобно для стрельбы, но пора выбираться. Последнее оказалось не просто, в бронежилете выбираюсь только в конце правого фланга траншеи. В ста метрах замечаю незнакомого часового, какой-то он худощавый и совсем потерянный, курит, похож на волка из мультфильма «Ну, погоди!» Петя говорил, что справа с нами граничит саперный десантный батальон.

В шесть тридцать все оживилось, из-за далеких горных вершин вылезло большое ярко-серебряное солнце и осветило пригород Кабула, кукурузное поле и весь наш городок. В разных концах дивизии, горнисты протрубили подъем. Внутри городка все зашевелилось и наполни-

⁵³ ДОТ – долговременная оборонительная точка. Обычно бетонная коробка с маленьким окошечком для стрельбы из пулемета.

лось невидимой энергией. С Кабульского аэродрома взлетает Ил–76, за ним пара боевых вертолетов. Все наполняется гулом самолетных турбодвигателей и новым для нас шумом вертолетных винтов. Вертушка, словно масло разрезает воздух длинными лопастями и выпускает звук, сравнимый с мурлыканьем огромного кота, а потом добавляется свист. Я зачарован этим звуком.

Витек подошел ко мне.

– Саня, смотри, в дивизии подъем! Кажется, мы отстояли первую свою ночь в Афганистане и не уснули. Сколько нам осталось? А? Санек.

– Круто, мы живы, диверсанты нас не вырезали. До хрена брат, даже не думай сосчитать, – ответил я и посмотрел в глаза друга.

Справа, по дороге, к нам приближается огромная толпа бегущих солдат, человек сто, не меньше, здоровых парней в черных армейских трусах, с голым торсом. Дальше колонна уходит вглубь городка и растекается по своим спортгородкам.

– Ну, напылили. Натуральные «слоны», – засмеялись мы и снова разошлись, стоять «на колючке» еще почти два часа.

К полдевятого утра наконец-то пришли: новый караульный и Петя. Вот дают, опоздали на полчаса. Мы побежали на завтрак, а после завалились спать на час, больше «комод» не позволил. Какой это был час, он прошел словно миг, но спал я сладко и глубоко, полностью ушел в себя и улетел из этого места.

Петя растолкал меня резко.

– Вставай *бистрее*, Одуванчик! Рота пришла с боевых, давай скорее «на тумбочку»!

– Какая рота? С каких боевых? – не понял я спросонья.

– Резче «на тумбочку», бегом, боец!

Мы с Витьком одновременно вышли из кубрика, немного разбитые и уставшие.

Чтобы снять дрему я отпросился на умывальник, где разделся по пояс и окатился ледяной водой из шланга. Теперь совсем другое дело, можно бодро нести службу. Около умывальника остановились два *бэтэра*, с них спрыгивают наши солдаты, снимают сверху вещмешки, бронежилеты, ручные пулеметы ПКМ⁵⁴. Их лица в пыли, оружие тоже, движения некоторых неторопливы и пронизаны усталостью. Бронемашины, освобожденные от людей и разного необходимого на войне имущества, рывком с места устремляются в автопарк разведроты. Разведчики строятся у своей казармы: выкладывают перед собой оружие, снимают пропитанные пылью и потом «комбезы» без опознавательных знаков, расшнуровывают горные ботинки, снимают их и бросают рядом; стягивают тельняшки, похожие от пыли больше на морские, и бросают в одну кучу.

Перед строем ходит молодой офицер и с юмором командует ротой.

– Ну что, «девицы», застеснялись? Никто вас здесь не взглянет! И не оценит ваш загар, *сымаем* трусы и вперед в баню за мной! Парная давно ждет! – он лихо сбросил черные трусы и побежал в автопарк. Обнаженные парни со смехом и солдатским задором рванули за ним. Около оружия остались двое молодых разведчиков. Я тороплюсь в свою роту и перехожу на бег.

Около нашей казармы построились солдаты, они похожи как две капли воды на солдат разведроты – единственное отличие – среди разведчиков больше высоченных парней выше среднего роста, среди наших много невысоких, но крепко сколоченных солдат. Я пытаюсь всматриваться в их пыльные лица, заочно познакомиться. Они заметили меня и зыркают белками хитрых глаз, будто я какая-то диковинка. А ведь и вправду диковинка, молодое пополнение роты, «дедкам» развлечение.

⁵⁴ ПКМ – пулемет Калашникова Модернизированный. Практически в каждом взводе ВДВ, был один пулеметчик. Хотя по штатному расписанию он мог быть только радистом. Опыт ведения боевых действий требовал, чтобы каждый десантник, независимо от воинской специальности, умел вести стрельбу не только из любого автомата, но и пулемета ПКМ.

Обросший щетиной командир командует ротой из двадцати пяти солдат и сержантов, я предполагаю, что это и есть наш ротный «папа». Солдаты в строю проверяют оружие и делают контрольный выстрел в воздух. Все чисто, оружие без патрона в патроннике. Ротный громко кричит.

– Смирно! Гвардейцы, вторая рота, поздравляю с окончанием операции и прибытием в родной батальон! Спасибо за хорошую связь и что мало получал за вас зуботычин от комдива! Под мой дембель...

– Ура! – дружно отвечает командиру строй.

– Ну, кто прошарился, тот знает! Рота, сдать оружие и все боеприпасы! Я повторяю для особо одаренных, именно все – патроны и гранаты. Не дай бог найду у кого-нибудь патрон или еще что почище, десять суток ареста в яме. Радиостанции привести в божеский вид и сложить в комнату хранения. Через час идем в баню, сразу за разведкой. Старший сержант Калабухов, командуйте и распускайте роту.

Фамилию этого сержанта я запомнил сразу и навсегда. Мало того, что внешности он был приметной: высокий и белокурый атлант, его фамилия как нарочно была вписана в его жизнь из десантного блатного жаргона. «Калабаха» – это такой десантурский прием воспитания новобранцев – удар по шее, почти по основанию черепа ладонью, сложенной в виде «черепашки». В принципе это армейская забава, не более, но некоторые обмороженные дембеля бьют сильно и больно, не понимая, что могут оставить солдата инвалидом или даже убить.

Около строя появляется прапорщик Гаврюшов. Он важно поздоровался с ротным, потом отвел в сторону Калабухова и что-то с азартом и сарказмом стал ему рассказывать.

Я немного устал и с нетерпением ждал окончания наряда. Но после обеда произошло то, что повергло меня и Витька в шок. Пришел прапор и снял нас с наряда. Он объявил, чтобы мы сдавали оружие и штык ножи, и шли отдыхать и готовиться к заступлению в новый наряд – вечером.

– Вопросы есть, бойцы? Если нет, то бриться, мыться и отбой! В семнадцать *нуль* стоите на инструктаже для новых дневальных и караульных. Вперед, исполнять наряды! Ха, блин, залетчики! – прозвенел прапор, купаясь в своей неограниченной власти.

– А за что!? За, за, блин, какие залеты! Товар... прапорщик, – я задыхался от комка, подступившего к горлу, сотканного из ненависти и отвращения к этому человеку, и пропитанного обидой и безвыходностью ситуации.

Витек сильно сжал челюсти, пытаясь проглотить свой гнев. Наверное, от этой боли из его глаз едва не хлынули слезы.

– Я доложу командиру взво... вы не, не имеете права! – зарычал я, заикаясь.

– А хрен на воротник, не хочешь? Молчать! Я команду «смирно» не отменял! «Душара»! Вначале отстоите свои пять нарядов, а потом будешь докладывать хоть в Организацию Объединенных Наций и Папе Римскому.

Старшина хладнокровно удалился в свою каптерку, шаркая белыми меховыми домашними тапочками. Петя принял у нас оружие и посоветовал не лезть в бутылку с прапором. Ближе к вечеру встала непривычная для нас жара, мы отправились на умывальник, чтобы как следует помыться перед новой бессонной ночью.

Я обливаюсь артезианской ледяной водой и думаю, правильно ли я поступил, что проявил твердость характера и полетел в Афганистан. По сути, все мои действия и желания в последние три года, это упрямство и неподчинение воле родителей. Тогда становится ясно, я наказан за непослушание и своеволие. Но с другой стороны, что мне оставалось, отказаться от мечты попасть в десант? Если бы сейчас вновь стоять перед майором ВВС, из нашего военкомата, который пытался меня отвести в сторону от Афгана и вообще от ВДВ, слушать его точку зрения о том, что я лезу в пекло, и что я полный кретин, ничего бы не изменилось. Что мне было

делать в Московском военном округе, подметать аэродромы или сидеть за пультом пусковой установки ракеты ПВО, тоска смертная.

Значит, мне остается делать выводы и терпеть, пока ситуация сама не развернется в благоприятную ко мне сторону. Кто же тогда этот человек, появившийся в моей судьбе в облике старшины десантной роты. Может он злой ангел, искушающий меня сделать какой-нибудь непоправимый поступок? Да, это опасно и глупо. Самое главное в любых ситуациях – соблюдать хладнокровие и тупое спокойствие. Конечно, я не собираюсь перед ним ползать, но держаться нужно в рамках устава. Не сладко, конечно, все начинается, но я ведь был готов к этому. Внутри своего воображения я представлял картинки и похуже, ведь сразу было понятно, что мы летим сюда не на экскурсию по Средней Азии. Прапорщик нарушает все мыслимые нормы устава и ведет себя, как распоясавшийся пахан, нет, как оборзевшая «шестерка»! Под кем? Под ротным! Значит, командиру выгодно такое положение вещей, и он не будет разбираться и заступаться! Гм, а кто у нас контролирует роты, ясно кто, замполит батальона, а выше уже комбат. Очень хорошо, посмотрим еще, кто кого! Все в норме, все очень хорошо! И мне по-прежнему нравится в ВДВ! Я люблю свою дивизию и свою роту.

Витек весь вечер молчит. Он зол и не хочет говорить.

В боевое охранение мы заступили в полночь. Тихо, ветерок бежит по верхушкам кукурузы, луна освещает наш пост и, наверное, нас. Мой друг спрыгнул в траншею, облокотился спиной и затылком о край окопа и рассматривает звездное небо.

– «Архимед»! Папироса есть? – закричал Витек из траншеи.

– Не понял, ты уже в «деда» превращаешься, папиросу тебе! Знаешь, что солдату заменяет папиросу? Ха, и сигарету тоже!

– Ясно, ни хрена у тебя нет, «слон».

Витек наезжает на меня, видно совсем тоскливо парню.

– Такой же, как и ты! Боевой «слон»! Афганский вариант! Ха-ха! – обиделся я.

– Слушай, Одуванчиков, может его просто пристрелить короткой очередью? Вот он придет нас проверять, а мы его и положим! Пароль, мол, не знал, пусть потом разбираются!

– Разберутся, ага, лет по пятнадцать тюрьмы, на брата! Если честно, я подумал, все это фигня, даже интересно! Нам с тобой еще с «дедами» знакомиться. Может хорошо, что мы несколько ночей в наряде будем, – улыбнулся я.

– Ха, это не мы, это они с нами знакомиться будут, Санек. Вазелин приготовил, ха-ха? Ладно, я пошел, что с тобой говорить – курить у тебя нет! Эй, а ты тапочки его видел? – спросил Виктор и задумался.

– Видел, конечно, а что? Стырить решил, ха? – засмеялся я от души.

– Устроился как дома, сучара! Бабу себе завел! Я ему покажу тапочки. Я ушел, – крикнул мне Витек. – Не спи, «слон», – прокричал он, уходя далеко влево по траншее.

– Есть, «рейнджер»! – в шутку крикнул я и пошел в противоположную сторону.

Я наслаждаюсь полным одиночеством и тишиной. Что-то стало тревожно, и я зашел в ДОТ. Из бойницы тридцать на двадцать сантиметров мне отлично виден кишлак с черными окошками. Меня совсем не видно. Мыслей нет, голова работает только на слух и зрение. Легкое чувство опасности становится привычным и даже приятным. Теплый стан спит, ни звука, ни шороха. Издали домишки – мазанки кажутся сахарными кубиками, сложенными друг на друга. Между домами начинаются узкие улочки. За глиняными заборами видны тени садов. Интересно, а если пойдет ливень и будет лить неделю, дома поплывут? Да, бедно живут афганцы, если все пойдет нормально, наши непременно помогут им построить новые дома, а может и новые города. Вот, Ташкент – красавец, а был таким же Теплым станом.

Эта ночь улетела в прошлое, началась третья. Дежурным по батальону заступил наш командир взвода, гвардии старший лейтенант Семенов. В полночь мы с Витьком снова на посту и меняем «дедов». Часовые скидывают с себя «пустые» «броники» и собираются уходить с

поста, но мы пришли в своих, не подрезанных, тяжелых бронежилетах. «Деды» недовольно сплевывают в пыль, поднимают свои «свитера» и, закинув их на плечи, уходят быстрым шагом в казарму.

– «Архимед», ты самый умный, что ли? – закричал на меня Витек. – Я взял по твоему совету целый «броник»! «Деда» разозлил, надо было не выделяться, а брать у них. Теперь стой полночи в тяжелом! *Ча*, обстрел ждешь? Слышал, что они говорили, толку от этого «броника» мало! Только от осколка или ножа. От снайпера не спасет, и от «калаша» тоже. Еще получим за это, дюлей!

– Слышь, ты что, решил подстроиться под «дедов»? Скоро «бронники» им подносить будешь! А, я понял, ты на них походить хочешь! Ну что ж, далеко пойдешь, Витя...

Я расстроенный ухожу на свой край поста. Витек, похоже, решил стелиться под «дедов», тьфу, урод... Ну, вот теперь и мы врозь. Виктор чувствует себя неуверенно в быстро меняющейся обстановке и ищет твердое плечо среди «черпаков» или «дедов». Я, напротив, не собираюсь ни под кого подстраиваться. Просто буду выполнять приказы и распоряжения командиров. Если «деды» по-доброму о чем-нибудь попросят, сделаю, а если попытаются унижить, получают отказ. Ха, но, если бить будут, одному или двум точно наваляю.

Среди ночи к посту со стороны казарм движется мужской силуэт, похоже, это офицер. Идет, чуть пригнувшись, старается ступать бесшумно.

– Стой! Кто идет! – заорал я и поправил автомат в удобное положение для стрельбы.

– Идет дежурный по части! – негромко отозвался человек и остановился. По голосу я узнал своего командира взвода.

– Три? – я запросил пароль.

– Семь, – тихо ответил офицер и подошел к нам.

– Не понял! Одуванчиков, Кинжибалов, вы что, третью ночь подряд в карауле?

– Так точно, третью ночь подряд! Дневальные по роте! Днем полы драим, ночью здесь торчим, в боевом охранении, уже привыкаем, жить здесь будем, товарищ гвардии старший лейтенант! – отчеканил я с издевкой.

– Все тихо? Спать не хочется? Смотрите, гвардейцы, не спать! «Духи» подойдут, вырежут вас и половину дивизии. За такое, вышка, по законам военной обстановки. А самое главное позор и презрение за смерть товарищей! А мы с вами где? – строго спросил Семенов.

– В Афгане, на войне! – пробурчал Витек.

– Да, в зоне боевых действий! «Бронники» на вас хоть настоящие, или дембельские? – офицер на ощупь проверил наши бронежилеты. – Ладно, норма.

Через пару минут он, довольный, уходит. Во мне затаилась слабая надежда, что в следующую ночь мы будем спать в казарме. Семенов справедливый и упертый, он все поставит на свои места. Тихо и спокойно, без шума и пыли. Вот такой он, мой командир взвода.

Витек где-то достал папиросы «Беломорканал» и закурил, спрятавшись в траншее. Я подошел поближе и в шутку попросил покурить. Виктор зло послал меня, обвиняя в том, что я прогибаюсь перед взводным и слишком много болтаю. Я не стал с ним спорить, у него своя голова на плечах и надо признать, умная.

Мне кажется, что Витек решил скорешиться с «дедами» и стать среди них своим. Интересно как это возможно? «Шестеркой» он, конечно, не станет, хотя это может произойти незаметно даже для него. А может среди «дедов» или «черпаков» есть парни с Алтая, его земляки? Ну и что, это еще не значит, что с ним они будут разговаривать на равных. Самое обидное, что он решил укорениться один, я по боку. Ладно, все как всегда, с друзьями по жизни всегда напряженка. Мне всегда думалось, что друзья появляются в жизни до юности, вернее в детстве, когда еще нет активного противоборства и соперничества, а просто игры и шалости, как у котят. Главное, сохранить этих друзей, а может всего одного...

Я бодро шагаю по краю траншеи, осматриваюсь по кругу. Вдруг где-то далеко слева заговорил наш ПКМ, посылая змейки трассеров в горы. Световые ракеты осветили небо над предгорьями. Загремели спаренные крупнокалиберные пулеметы «Шилки». Через пять минут все стихло. Я поправил свой АКС, чтобы было удобно вести огонь прямо с груди, потом вытащил из ножен штык-нож и прицепил его на ствол автомата, на всякий случай. Но через пару минут, ночь вновь уснула, застрекотали тысячи невидимых цикад и сверчков.

Азиатская летняя ночь, что может быть прекрасней. Я отстегнул рожок от автомата, чтобы убедиться, что он полон патронов. Зачем я это сделал, трудно сказать, сейчас работали только руки и глаза. К моему удивлению рожок был наполовину пуст и насчитывал чуть более десяти патронов. Я быстро сунул его в свободный карман подсумка и достал второй, тоже не полный, в нем было всего несколько патронов. Третий и четвертый рожки оказались богаче, но также не полные. Похоже «деды» принесли с боевых все, что осталось, ну и дела, не зря я хоть штык «присобачил». От этого открытия мне стало смешно, я зашел за стальной туалет и начал смеяться словно обкуренный. Витек прибежал и стал интересоваться, кого я увидел «за колючкой». Я посоветовал ему проверить рожки к его автомату. В его трех рожках оказалось всего-то двадцать патронов, а в четвертом один трассирующий. Мой друг сильно удивился, а потом принялся хохотать как подорванный, ночь прошла незаметно.

На следующий день, к вечеру, нас меняет наряд «черпаков», похоже наши мучения заканчиваются. Старшина инструктирует новый наряд и с неприкрытой злобой посматривает на нас волчьими глазками. Нет необходимости быть экстрасенсом, чтобы прочитать в них: «У меня в запасе еще много нарядов и пыток для вас, чмошные ублюдки!»

Середина этого же дня. Пять часов до сдачи нашего наряда.

– Старшина, зайди ко мне на доклад, – командир второй парашютно-десантной роты радистов-переносников, гвардии майор Сазонов, позвал прапорщика Гаврюшова. – Что у тебя там Коля по службе личного состава, проблем нет? – спросил майор.

Прапорщик снимает меховые тапочки и проходит в «каюту» ротного командира.

– Эге, никак нет, все по плану командир, службу несут, нормально вроде...

– У-у, нормально говоришь? Дверь прикрой за собой, – рявкнул Сазонов. – В «брониках» пустых стоят часовые? Опять – двадцать пять! Не ровен час, гранату «душок» метнет, двухсотых нам подарит! Прикажешь под трибунал по твоей милости идти? Али как?

– Это кто? Эти что ли, молокососы доложили, вновь прибывшие уроды? – ехидно спросил Гаврюшов, пододвинув ногой табурет и усевшись поудобней.

– Да нет, старшина, как раз эти «уроды», как ты выразился, стоят в полноценных «брониках»! Хорошо стоят, не спят, посторонних на пост не допускают. В траншее «харю не мочат», как «деды». Неплохое пополнение, только вот двое их всего, помочь им надо. Завтра пойду к комдиву, просить еще бойцов. А ты их сразу в охранение! Хрен его знает, что у тебя за методы? – выразил недовольно майор.

– Конечно, поможем. Не умеют – научим, не могут – заставим, – буркнул Гаврюшов.

– Слушай, Николай! Тебе сколько годков стукнуло? – майор налил себе стопку водки, отрезал кусок черного хлеба и положил на него ломоть с салом.

– Командир, ну ты же в курсе, двадцать шесть будет в мае, а что?

– Да так, я вот подумал, когда ты такой сволочью стал? – командир залпом влил водку в рот.

– Не понял! Зачем так говоришь, командир? – смутился прапорщик.

– А то! Мне, знаешь сколько? Сорок три будет осенью! Через неполный месяц улечу в Союз и попытаюсь забыть все это, но знаю, что не смогу. Хоть на третий срок оставайся. Буду вспоминать свою роту, моих солдат и сержантов. Вот этих пацанов, салаг восемнадцатилетних, которые вытаскивали меня из сбитой вертушки. Если бы не они, эти «уроды», как ты их называешь, где бы я сейчас был? Ясно где, на воинском кладбище, в родном Новосибирске.

– Так точно, командир, – сказал прапорщик, вставая.

– Вот скажи, прапор, как мне их отблагодарить? Написать требование о награждении? Написал уже и не раз. Пришла одна медаль «За отвагу» – Мишке Калабухову, а остальных комсомол награждал разными значками. Разным дерьмом, которое на китель даже *цепляют в паху!* Ты понимаешь, Коля? Значками награждают за мужество в бою и спасение командира роты! Чмошники говоришь, пожалуй, но не мы их с тобой зачмырили, а те, бляха, которые заварили всю эту кашу. Ты где сам, срочную служил?

– На флоте. На тихом, в смысле, океане... – тихо ответил старшина.

– О, карась значит! Я знаю, какая там у вас дедовщина тупая и жестокая. Здесь – это не там! Здесь ВДВ, старшина – «Войска дяди Васи». Чтобы сюда попасть, эти мальчишки бились и дрались, ввали, что имеют много прыжков, лезли в десант, чтобы выполнить долг перед своей страной, перед этим нищим народом! Самое горькое и святое, что они во все это верят! Верят, как юродивый верит в Бога! Это тебе не плотвой плавать! Врубается?

– Ну, да, – ответил прапорщик.

– Бляха, я сам вернусь домой, наверное, увольняться буду из армии. Как «батю» Маргелова с десанта пнули, так все ВДВ пошло под откос...

– Может не так мрачно? – Гаврюшов немного повеселел и принялся ходить и легко боксировать по «груше», висевшей в каюте ротного.

– Гм, чувствую, дальше будет хуже. Нас загнали в горы, торчим тут уже пятый год, прыжков нет, офицеры жрут водку, деградируют, солдат бьют! Нас используют как общевойсковой полк. Неужели за пять лет трудно было подготовить горно-стрелковую дивизию? Десантуру надо выводить. Мы должны прыгать, а не сидеть в ущельях. Кому это доказывать? Им там, все по *херу!* Уничтожают десант, суки. Я четыре года не прыгал и уже забыл, как там, в небе! Хуже того, я не знаю, зачем будут прыгать молодые солдаты, если здесь в горах им подыхать. А подыхать будут, скоро, пачками. Офицеры в Союзе прочухали, что здесь задница, опытных уже и нет, а молодые лететь в Афган не желают. «Духи» готовятся по полной, их уже больше чем нас! Слышал, американцы начали поставки ПЗРК «Стингер»⁵⁵?

– Да, прошел слухок, но мне по краю, я в этих штуках не разбираюсь командир. – хмуро сказал старшина и начал лупить «грушу».

– Так вот, когда начнут нас в небе сбивать, считай конец, в Союзе столько оцинкованной стали нет, только гробы будем отправлять, а не воевать! Что молчишь?

– А что тут говорить, я всего лишь прапорщик. Моя задача службу проверять и молодых гонять, ха, как котов помойных, – он сильно ударил по «груше», так, что она чуть не слетела со стального крюка.

– Вот я к тому и говорю, что не гонять солдата надо, а служить ему помогать. Вот сколько ты получаешь чеков⁵⁶? – Сазонов вопросительно посмотрел на Гаврюшова и продолжил. – Чего насупился, может, ударить меня хочешь, как мою «грушу»? Ну, давай, рискни здоровьем! Я не понимаю твоих разрядов по японским единоборствам, запиная так, что смело пойдешь в санбат за второй контузией, если дойдешь! Ха-ха! Сколько?

– Двести пятьдесят афганских чеков. Нет, двести семьдесят, – довольно доложил прапорщик.

– Вот, не слабо, а в Союзе каждый месяц на твой счет еще столько же, или больше? Круто, старшина, за такие деньги парашютисты «Иностранного легиона», кровь мешками проливают в джунглях! Сам бы ты стал тут рисковать своей шкурой за восемь чеков, как рядовой? Наши

⁵⁵ ПЗРК «Стингер» – американская переносная зенитная ракетная установка земля-воздух нового поколения. Начало применения душманами против Советских вертолетов и самолетов в конце 1985 года. Душманы рассчитывали при помощи этой ракеты переломить Советское господство в небе над Афганистаном, посеять страх среди русских вертолетчиков и летчиков.

⁵⁶ Чеки – один чек – рубль Внешпосылторга СССР. В них выдавалась зарплата всем военнослужащим 40-й Армии. У рядовых и сержантов их практически не было. Срочники рисковали своей жизнью за интернациональную идею.

еще ничего, хоть сытые! А мы в колонне, на броне ехали домой с мотострелками, это ужас, солдаты – дистрофики, зашуганные, грязные, переболели всем, чем можно, голодные. Точно, как коты помойные. Мы им все свои сухие пайки отдали, а они жрать их стали. Сразу на броне!

– Ну, да, знаю, судьба видать у каждого своя, – старшина снял перчатки и повесил их себе на плечо.

– Какая судьба, Николай? Воруют суки у солдат, продают кашу и тушенку «духам». Бардак! Я бы таких прапорцов и офицериков к стенке, по закону военной обстановки! Да, вот такой я, что вылупился? – Сазонов выпил очередную рюмку и закусил соленым огурцом. – Будешь? «Семеновская»!

– Нет, не пью я, благодарствую... – прапорщик не понял про «Семеновскую» и тупо уставился на полупустую бутылку.

– Тяжело с тобой, Коля, что-то говорить мне сегодня. Кстати, почему в тапках по казарме неуставных ходишь? Задемпбелел что ли без командира, пример «дедам» показываешь? По ночам продолжаешь шастать в госпиталь тифозный, вот на хрена, скажи? – майор, не глядя на старшину, продолжал подливать себе водку.

– Ладно, ко-ко-мандир, у меня т-там серьезно, ревную ее! На-на-верно женюсь по-по-сле Афгана, – волнуясь, начал заикаться прапорщик.

– Нет, брат, ты ночью в модуле должен быть! Если «духи» часовых снимут, зайдут в казарму, мне саблей по горлу хлясь, и голову в тумбочку положат. Солдат вырежут, розочки афганские из них сделают. О, картина, как там одесситы говорят – маслом. Ты приходишь утром, а тут все вырезанные, а особисты ходят и тебя поджидают! Бляха, тогда ты сам тут же застрелись, это лучше, чем под пытками в особом отделе. А что, думаешь, пожалеют тебя? Не пожалеют, в расход такую сволочь! Вначале все зубы тебе выбьют железным прикладом. Лично встану без башки, и расстреляю тебя. Представляешь, встает «папа» без головы и тебя из пулемета, как врага народа, в расход! Ха! – майор громко заржал, взял со стола пачку сигарет «More», вытащил одну и закурил.

– Я все п-п-понял командир, буду ночью в ка-ка-зарме, – закачал головой прапор в знак полного согласия.

– Само собой, это приказ! Обстановка вокруг Кабула накаляется. Я больше знаю, но тебе достаточно и этого. Коля, а может, давай я тебя в командировку отправлю в разведывательную роту! На верблюдов с душманами поохотишься, на джипе погоняешь? Ты же мечтаешь о джипе? Может, даже бороду отрастишь, тебе пойдет! В разведке дивизии как раз подстрелили взводного, вернее он на пехотную мину наступил, уже комиссовали. Лежит себе без пятки, газетки читает в Ташкентском госпитале. Обидно, говорят на нашу «лягушку»...

– Смешно, вернее горько, – пискляво ответил старший прапорщик.

– Орден получишь, Николай, настоящий, может посмертно... Ну как, я похлопочу? Потом в военное училище – офицером будешь, если конечно не пристрелят, ха.

– Не знаю. Да какой я офицер... Устал я командир...

– Ладно, шучу. Кстати, запрос от Министерства Обороны, о повышении денежного довольствия солдатам и сержантам, проходящим срочную службу в Афганистане, отклонили. В Политбюро завернули, денег сказали, у страны *нет*! Какого рожна тогда продолжать здесь воевать, если денег нет! Какого... – выругался майор и стукнул ладонью по столу. Бутылка качнулась и чуть не упала на пол. Гаврюшов ловко подхватил ее и поставил на прежнее место.

– Не могу зна-зна-знать, – заикаясь, сказал прапорщик, вытянулся и замер.

– Не могу з-з-знать, – сказал майор, передразнивая, – что-то ты сильно заикаться стал. Что там, в роте с «брониками», почему половина без броне-листов? Куда делись? Пересчитать, мне доложить, новые получить! Старые зашить! Еще один «броник» «ощипают», я самого тебя ощипаю! Мыши в казарме завелись! Я думал к моему возвращению, кошака добудешь. Приехал, хотел посмотреть, блин, опять нет кошки. Чтобы завтра же добыл кошку, у девок в

штабе спроси. Да, и последнее, молодых жалеть, в караул и охранение пока не ставить. На днях побегим с ними на стрельбище, постреляем, гранаты кинем. После этого можно. И смотри, помягче с ними, а то не ровен час, выпустят в задницу тебе весь рожок. Прикинь, старшина, со смещенным центром, ха-ха! У тебя дембель не за горами, не надо драконить личный состав, это тебе не караси. Убери водку, с глаз долой! – командира разморило.

– Есть, ком-ко-мандир! Еще кое-что пр-пр-оизошло в роте. Молодой, то есть ря-ря-довой Одув-ванчиков в-в-водку привез! Сученок алка-ка-навт!

– Ну, я в курсе, водка нового взводного Сашки Семенова, лично мне вез. Вот я ее сейчас и употребил. Мы сегодня хотим отметить прибытие нового офицера. Хочешь, заходи, если употреблять начал? Еще что-нибудь, старшина? – заржал ротный «папа».

– Никак нет! – прапорщик наклонился, чтобы не снести головой дверной косяк и быстро вышел из кубрика ротного.

Посреди центрального прохода казармы, одиноко лежит его тапочек. Он поднял его с пола и стал нервно осматривать все пространство вокруг: «Где же второй тапок, кто посмел спрятать? Вот гады, совсем страх потеряли! У-у, точно в «очко» спустили хороший овечий тапок. Эх, найду, покалечу! Неужели молодые?»

– Дневальный, кто здесь ходил, пока я у «папы» на ковре был? – закричал прапор на всю казарму.

– Е-мое, товарищ старшина! Вся рота пошла мыться, загорать, на турниках болтаться! – бодро крикнул дневальный. – «Папа» сегодня приказал отдыхать до обеда, вот все и пошли! А после обеда чистить оружие будем, жопа какое грязное, с боевых привезли! Видно в песчаную бурю угодили... – довольный «черпак» поправил ремень и тупо уставился в старшину.

– Что, солдат, я *щас* тебе устрою жопу! Философ, языком чешешь! Служба медом показалась? Мой тапочек прозевал! – Гаврюшов пошел в атаку на дневального, тот упал и перевернул ведро с водой, стоявшее сзади тумбочки. – Тьфу, идиот! Два наряда вне очереди!

Прапорщик резко удалился в каптерку, потом выскочил из нее уже в армейских уставных тапках, из твердого, как пластик кождама, и выбежал на улицу. Быстрым шагом он шел в сторону умывальника и спортгородка, осматривая все попадающее под его орлиный взгляд. В его правой руке безвольно лежал белый и мягкий овечий тапочек.

Вторая рота занималась спортом на гимнастическом городке в полном составе. Это всего несколько старых перекладин, брусья и наклонные доски для прокачивания брюшного пресса. Тут же солдаты принимают солнечные ванны и сушат постиранное обмундирование. От занятий на перекладине никто не отлынивает. «Деды» крутят солнышко и выполняют выход силой на количество раз и спор.

– Калабухов, ко мне, – позвал своего заместителя старшина. – У нас ЧП! Сыны...

– Что стряслось? – улыбнулся старший сержант.

– Слушай, ты должен был увидеть! Пока я был у ротного в *кубре*, кто-то спецом упер мой тапок, или запнул куда-то, или спустил в «очко» на посту. Я думаю, кто-то из молодых, ваша братва не посмела бы.

– Наверняка, товарищ старшина, но я ничего не видел, может, еще найдется? – улыбнулся Миша и запрыгнул на брусья.

– Нет, чувствую, все, тапок сделал ноги, а так хотел я их себе на память оставить! Теперь один тапок, плохая примета. Ногу потеряю или «клешню»?

– Так этот оставьте, может пригодится? Ха! – неудачно пошутил сержант и спрыгнул с гимнастического снаряда

– Ты что, сержант, шутки такие не уместны! Врежу сейчас по роже! – прапорщик выругался, плюнул в песок и пошел прочь.

В казарме он заставил дневальных обыскать кубрик на предмет обнаружения тапочка, но получасовые поиски не дали результата. Через час прапорщик стоял около батальонного

гальюна и всматривался в кукурузное поле. Я стоял свой крайний час в дневном охранении и наблюдал, как прапор ходит вдоль колючей проволоки и что-то ищет. Вот он наклонился, поднял из пыли небольшой камешек, размером с гранату и положил его в свой меховой тапочек, потом сильно размахнулся и послал странный груз подальше в кукурузное поле. После отряхнул руки от пыли, засунул их в карманы и, как ни в чем не бывало, отправился в сторону модулей нашего батальона связи.

Я удивился странному поведению старшины, и сказать честно, оно меня развеселило. Взял и выкинул свой тапок аборигенам, а где же второй? Может ротный сделал из второго игольницу? Ха, ну и дурдом. Сменяюсь с наряда, расскажу Витьку об этом, поржем. Виктор сам приходил ко мне час назад и бросал булыжники в кукурузу, говорит, что скоро будем гранаты бросать, нужна тренировка. Это у нас тут всегда так весело будет? Мне начинает это нравится...

После ужина мы наконец-то стали полноценными жителями нашего кубрика. «Деды» и «черпаки» у нас геройские. Все расхватили траки от бронетехники и качают мускулы рук и спины. Петя надрывается со штангой, Миша Калабухов крутит самопальные нунчаки. Я нашел средний трак, Витек отыскал побольше, мы прокачиваем мускулы на наших тощих руках, не отстаем от старших товарищей.

– Петро, поздравляем. Тебэ от лабусов прислали настоящих боевых «слонов»! Не успели смениться с охранения и сдать оружие, уже мучают траки! – пошутил младший сержант из первого взвода Иван Невдах.

– Да, ребята шустрые! Спорт видно любят! – с улыбкой подтвердил наш командир отделения.

– Радуйся, Петя, только смотри, как бы такие «рэксы», тебя не начали самого завтра качать! – «деды» дружно и зло заржали.

Мы поняли, что нужно закругляться и готовиться к завтрашнему дню. Беззаботная игра мускулами, это пока занятие не для нас, так можно и по шее «калабаху» схлопотать.

– Рядовой Одуванчиков, срочно зайти к старшине! – просигналил дневальный.

Я накинул майку-тельняшку и постучался в каптерку старшины Гаврюшова.

– Разрешите, товарищ прапорщик!

– Заходи! Только впрядь, называть меня по правилам – гвардии прапорщик, ясно? – прапор был в мыле, он избивал ногами и руками тяжелую кожаную «грушу», висевшую в центре его комнаты.

– Так, точно! Понял!

– Рассказывай, что там с бронежилетами у вас? Залетчики...

– Ни как нет, с бронежилетами проблем нет! – я приготовился к психологической атаке.

– Как нет, за что мне ротный тогда сегодня *жопу* рвал цельный час? – прапорщик с разбегу врезал голый пяткой по «груше».

– Не могу знать, – ответил я улыбаясь. Хитрит старшина, что же он хочет узнать?

– Запомни, рядовой, у тебя и этого, еще два наряда, позже отстоите! Так... Ты сегодня стоял на посту с полудня до четырех дня?

– Я! Ясное дело...

– Меня видел? – жестко спросил старшина.

– Так точно, видел...

– Что я делал, помнишь? – старшина подошел ближе и начал снимать со своих кулаков перчатки. От него сильно воняло потом.

– Конечно помню. Искали камень, потом нашли, сунули его в тапок и выбросили «за колючку»! Камень вместе с тапочком, только зачем? – мне стало совсем не смешно.

– Ничего себе, наблюдательный «карасик». Хорошо... а до меня, кто-нибудь приходил и бросал что-либо «за колючку»? А? Не лги, хуже будет салабон, – прорычал Гаврюшов и почесал свой кончик носа.

– Нет, конечно, точно нет! – ответил я уверенно.

«Куда клонит, – подумал я, – не буду говорить, что Витек приходил и бросал камни. Точно нельзя это говорить...»

– Ну, лады, узнаю, что соврал, крындец тебе! Салажонок! Свободен пока... – старшина поднес к моему носу свой жилистый кулак. Я рассмотрел его в мельчайших подробностях и деталях. Если бы знал этот потный дядька, сколько я уже видел таких бравых кулаков за свою биографию. Лучше бы пятаку показал в полете, я хотя бы блок поставил.

– Товарищ гвардии прапорщик, в следующий раз, пожалуйста, называйте меня тоже как положено – гвардии рядовой, – четко отрапортовал я.

– Гм, это... Кинжибекова ко мне, резче... – рявкнул старшина и продолжил молотить «грушу» ребрами ладоней.

– Кинжибалов фамилия у него, – поправил я прапорщика.

– Вали *отседова*! Пока не заставил «грушу» держать! Сходите на боевые, тогда и посмотрю, как вас называть, а пока, чтобы как мыши у меня! Ни писка...

Я выбежал из каптерки и бросился искать Витька. Его нигде не было. Я побежал на умывальник. Виктор беззаботно чистил зубы и спал на ходу. Я с ходу объяснил ему, что был у «Гориллы».

– Слушай, Витек, прапорщик устроил допрос про «броники», будто мы их испортили. Но главное, он добивался от меня информации, кто приходил днем на пост и бросал какие-нибудь предметы «за колючку». Не знаю, что происходит, но что ты был у меня и что-то бросал я не проговорился! Имей это ввиду.

– Ты точно не сказал? – не поверил проснувшийся Витек и уставился на меня каким-то туповатым и боязливым взглядом.

– А ты меня уже и в стукачи готов записать? Достал ты меня, не веришь, вставай перед ним на колени и сдавай меня и себя! Гад ты, Витек. Мне *наспать*, что ты там делал! Не видел я тебя «на колючке», не видел.

– Ладно, Одуванчик, я пошел к прапору, – Витька набросил на плечи тельняшку и ушел в темноту.

Вернулся он только через час, когда рота «отбилась». Он подошел ко мне, похлопал дружески по плечу и пожелал спокойной ночи.

– Спишь, Шурка? Спокойной ночи тебе...

– Ты что, Витька, такой угрюмый, он что бил тебя?

– Да так, малеха по прессу прошелся, – тихонько прошептал расстроенный Виктор, – не умеет он бить. Мой отец сразу бы его убил.

– Пойдем, удавим его, Витек, – предложил я и приподнялся с койки.

– Спи, ему кто-то все же сказал, что я шлялся «по колючке» и камни в поле кидал. Стукачи в роте есть, это ясно!

– А ты как думал, брат, ясное дело есть, даже не стукачи, а прикормленные осведомители. Спокойной ночи, сдохли, ха, – я отвернулся от Витьки и мгновенно уснул.

Глава VI. Шаг в небо. Каунас. Декабрь, 1984 год

Командир батальона проводил с офицерами оперативное совещание.

– Товарищи офицеры! Ну, что, все идет по плану, «летуны» дают добро на небо! Сейчас думаем и живем, спим и видим только прыжки. Все должны прыгнуть. А не как прошлый курс – двое из трехсот курсантов не прыгнули. Правда, один не прыгнул, отказался значит, второй по болезни не подошел. Парни, личная просьба, ну давайте, поработаем так, чтобы все наши орлята прыгнули! Смогем, а? Гвардейцы! Все свободны, а товарищи лейтенанты и вы, товарищ старший лейтенант, останьтесь!

– Есть, – ответили дружно младшие офицеры.

В канцелярии остались три взводных командира, два совсем еще «зеленых» лейтенанта и старший лейтенант Александр Семенов.

– Вот какое дело, офицеры ВДВ, – медленно начал комбат, – гм... все офицеры должны пройти, так скажем, боевую стажировку! Это требование командующего и честь наших войск. Вы знаете, что из нашего батальона сейчас в Республике Афганистан служат два командира взвода. Я и ротный третьей роты отвоевали уже...

Комбат заметил, что лейтенанты уставились в пол и стали входить в некоторое подобие мозгового штурма. «Совсем еще «зеленые», – задумался гвардейский полковник, – первый год в десантуре, после Рязанского училища связи посылать таких страшно. Черт с ним, доложу в штабе, что офицеров смогу выделить только к следующей осени. Похоже, струхнули летехи малость. А Семенов напротив, держится молодцом, виду не показывает, но напряжение по рукам и желвакам пошло, меня не обманешь. Этот, похоже, созрел – орел».

– Так вот, товарищи, – после недолгой паузы продолжил комбат, – надо готовиться, возможно, не сейчас, но через полгода точно нужно лететь. В командировку. В Демократическую республику Афганистан! Строить социализм для братского народа. Все, лейтенанты свободны, старший лейтенант, а вас попрошу задержаться, – жестко закончил командир батальона.

– Есть, товарищ гвардии полковник, – ответили молодые офицеры и спешно вышли.

Семенов остался в кабинете. Он смотрит в окно на мягкий снег, падающий словно пух и замедляющий течение времени. Он давно был готов к этому разговору с комбатом и ждал его, как неминуемо ждут весну в марте или гильотину те, кто не смог свергнуть своего короля. Старший лейтенант был офицером десантных войск и даже больше. Он получил все секретные допуски для работы на всевозможных радиостанциях засекреченной связи. Он был невысок, коренаст и упрям с детства и ждал своего назначения, как новую ступень в своей романтической карьере. Он был настоящий профессионал, диверсант шифровального ключа, радиочастот и диапазонов, тумблеров и антенн. Почему был, он и есть.

– Присаживайся, Саша, как известно в ногах правды нет. Как дома дела? Супруга, дочурка – здоровы? – мягко спросил комбат.

– Все нормально, спасибо.

– Чаю сейчас выпьем и поговорим, отказа не услышу, и так редко с тобой видимся. Не засиделся еще во взводных?

– Пока нет, но...

– Знаю, знаю, с твоей-то головой, надо бы и роту принимать, – сказал комбат и поставил на стол китайский сервиз. – Знаешь, откуда фарфор?

– Догадался, с Афгана.

– Да, из Кабула. Чай невероятно вкусный из него. Не знаю, почему так? Наверное, потому, что офицеры подарили мне под дембель. Там есть такая улица, в Кабуле – «Зеленый ряд», купцы со всей Азии торгуют. Чего там только нет, товары со всего мира, красиво, мирно. Район

весь в зелени, в смысле богатой растительности. Торгуют за «афошки»⁵⁷, чеки и наши червонцы. Тебе обязательно понравится. Эх, хорошо там, я бы жить остался, если бы не война. Слушай, а на Панджшере какие красоты. Ладно, все увидишь сам. А домой я его не понесу, здесь люблю почаевничать, – сказал комбат и заварил свежий индийский чай. – Знаешь, не могу я отвыкнуть от Афгана. Вроде бы, отслужил там не сказать, что совсем легко, но побожески. И ведь тянет назад, что за чертовщина? Горы, пыль, нищета, мрак! Раненые, убитые. Снилось там вот эта природа, снежок наш. Я даже рапорт написал и обратно чуть не полетел. Жена дома такой вой подняла, не вернешься ты, кричит, и на пол падает. Порвал я рапорт и знаешь, правильно. Синдром это, нужно уметь переключаться на мирную жизнь.

Полковник разлил крепкий чай по чашкам и продолжил свой тяжелый монолог.

– В общем, нужно тебе лететь, сам понимаешь в ВДВ и без Афгана нам никак нельзя. Карьера, брат, офицерская, не выбросишь. Служить будешь в Кабуле, в нашем батальоне связи в 103-ей Витебской дивизии, в апреле нужно вылетать, а то должность ротного займут. Куда потом, в Кандагар? – поразмыслил полковник. – Ну его... нам ни к чему, там спецназ работает. Сашок не дай бог, работа для киллеров – «зверобоев», караваны бить. После Афгана примешь учебную роту, а дальше может в радиоразведку или в штаб ВДВ начальником узла спецсвязи, я порекомендую! Смотри сам, но без службы «за речкой» могут квартиру и не дать.

– Я готов, командир, вылететь весной, выпущу свой взвод и могу лететь.

– Отлично, смотри, если есть подходящие орлы, можешь взять с каждой роты. Нужно по десять связистов в Афган. Выбери ребят пошустрее, посмелее и покрепче. Потом вместе покумекаем, кто из них подходит. Вот еще, ты видел, я этих желторотиков отправил, рано им еще... сосунки, в училище поступили после школы. Твое мнение?

– Правильно, слишком «зеленые», «пожелтеть» должны, – пошутил Семенов. – Едва женились, жинки у них беременные. Если их сейчас перед Афганом поставить, они могут с армии вообще свалить. Ну, а если отважатся и полетят, то шансов вернуться у них маловато. Да и прыжков у них совсем ничего, по двадцать... рано им, командир.

– А у тебя, сколько прыжков с парашютом, восемьдесят есть? – поинтересовался комбат.

– Нет, шестьдесят пять, из них с Ил-76 – пятнашка, из вертушки – девять.

– Короче, Александр Анатольевич, если к вылету в Афган у тебя будет сто прыжков, не важно, с каких кораблей, то денежный оклад там, «за речкой», будет приличнее и намного. Лишние ведь не будут? Еще чаю?

Командир батальона остался доволен настроем молодого офицера.

– Чай очень вкусный! Разрешите идти, готовить взвод к прыжкам, – сказал Семенов, встал, козырнул и вышел из кабинета.

Цибулевский ходит хмурый. Никто из курсантов не знаком с укладкой парашюта, а значит, работы сержанту прибавилось и на «дискотеки» по ночам, времени нет. Наш взвод на плацу растянул полотнища для укладки парашютов. Мы разбились по двое. Хозяин парашюта – укладывающий, располагается у нижней кромки купола. Помогающий – лучше, если это будет друг, сидит на одном колене в вершине купола. Купол похож на огромный белый цветок, а у каждого лепестка стропа. Укладываем аккуратно и бережно, начинаем с четырнадцатой стропы, на нее кладем пятнадцатую стропу...

Кроме сержантов и командиров взводов, на плацу офицеры воздушно-десантной службы, они внимательно и зорко следят за нашими действиями, подсказывают и проверяют этапы укладки парашюта. Их пальцы рук распухли от постоянного нахождения на морозном воздухе. Лица красные от ветра. Сейчас я начинаю понимать, почему в десанте не увидишь офицера с

⁵⁷ *Афошки, афоши, афгаши* – модификации названий денег в Афганистане. Существует версия, что деньги для Афганистана печатали в Ленинграде по заказу Коммунистического Афганского руководства.

сигаретой. Эта привычка и рефлекс выработанная за долгие годы службы. Как же курить, если вокруг шелковые купола, вспыхивающие от любой искры.

Самым сложным и пока непонятным для нас стал пятый этап. Монтаж страхующего прибора принудительного раскрытия парашюта и монтаж двух-конусного замка. Эту сложную операцию выполняют сержанты под присмотром офицеров воздушно-десантной службы. После укладки основных парашютов, мы начинаем укладывать запасные купола. Темнеет, другие роты уже поужинали. Мы не уйдем с плаца, пока каждый десантник не будет стоять в строю в полностью подготовленной подвесной системе с парашютами за спиной и на брюхе. В двадцать три часа все было готово, мы расписались в паспортах парашютов, уложили их в сумки и опечатали. Теперь в холодном складе, на полочке, спит частичка каждого из нас – личный парашютик, вернее два.

Парашюты уложены и ждут нас. Через две, может три недели, наша рота прыгнет с самолета Ан-2, в народе просто – «кукурузника».

Началась прибалтийская зима. Морской ветер с Рижского Залива несет пургу и мокрый снег. На десантном городке ежедневные тренировки. «Цибуля» зверствует и тренирует нас до остервенения. Молодец, правильно делает. Нам нравится выпрыгивать из «крокодила», и катиться в подвесной системе по стальным желобкам. Мой земляк Костя Дунаев ржет и кричит, что «крокодил» создан для развлечения десантников, а не для выработки смелости. «Крокодил» – огромный стальной тренажер, целый Ил-76, только без крыльев. Такой есть не в каждой десантной части, и мы гордимся нашим поржавевшим «кайманчиком». Мы выпрыгиваем из него бесконечное количество раз и мне кажется, что мы уже прыгнули с настоящего небесного корабля.

В десятке метров от «крокодила», стоит на вечной стоянке железный макет «кукурузника». Он не менее важен для нас. Мы должны правильно расположиться в салоне, согласно весу каждого солдата, тяжеловесы выпрыгивают первые.

Цибулевский в роли сирены и выпускающего.

– Мо-мо! – прокричал он, изображая сирену. – Приготовиться к прыжку!

Мы встали в стойку парашютистов, и вдруг сержант объявил.

– Пролетаем над Антарктидой! Самолет попал в снежную бурю, скорость ветра сто метров в секунду! – выкрикнул он, схватил каждого из нас по очереди и начал трясти, пытаясь сбить с ног.

Мы падаем почти все, куча из солдат и парашютных ранцев.

– Встать, живо приготовиться к прыжку! Боевой задачи никто не отменял! Первый пошел! Второй готов? Пошел! – закричал он, выгаликивая нас из ржавого тренажера на опилки.

Мы встаем и по очереди ныряем в дверь, расположенную с правого борта. Нужно оттолкнуться левой ногой, так чтобы отделиться от корабля на два метра. В противном случае неминуема встреча лица десантника с клепками обшивки борта самолета.

– *Взвоо-д, смир-на!* – прокричал сержант.

На десантном городке появляется командир роты.

– Вольно, продолжать тренировку!

Ротный гвардии майор Падалко внимательно следит за тем, как мы отрабатываем приземление. Но ему важно другое, он сканирует наши чувства, наш настрой на первый прыжок. По взгляду солдата все видно, старого командира не проведешь.

«Удав» делает легкий взмах рукой, и Цибулевский строит взвод в две шеренги. Будучи всегда молчаливым, на этот раз он решил с нами поговорить.

– Орлы! Прыгать все готовы? Только честно, по-мужски.

– Так точно, товарищ гвардии майор! – отрапортовали мы дружно.

– Ну, браво, браво! А кто мне скажет, что главное для десантника перед самым прыжком, вот прямо после команды «приготовиться»?

– Встать и крепко стоять на ногах! Быть готовым выпрыгнуть по команде выпускающего! – доложил курсант Саня Вялых.

В строю раздался легкий смешок.

– В принципе, все это важно, ты хотел сказать, стоять уверенно, чтобы коленки не дрожали, да? Ну ладно, стоять, конечно, надо уверенно и спокойно, не перенапрягая ноги и все туловище, – объяснил нам Падалко. – Нужно чувствовать летящий самолет и амортизировать ступнями ног. Гм... конечно в валенках это не очень удобно, но если есть внутреннее спокойствие, то все в порядке. Но, я хотел услышать, что же самое главное?

– Нужно помолиться и перекреститься, – тихо ответил курсант из второй шеренги.

– Еще мысли есть? – ротный сурово посмотрел на строй.

– Самое главное, перед прыжком проверить визуально, зацеплен ли карабин вытяжного парашюта за трос-удлиннитель у впереди стоящего товарища и если нет, и срочно предупредить его об этом! И выпускающего также...

– Фамилия и имя, курсант? – спросил довольным тоном майор.

– Дунаев Константин!

– Ну что, молодец курсант. Ответ отличный. Прыгали на гражданке?

– Успел, три раза, товарищ гвардии майор! – отрапортовал курсант Дунаев.

– Все, все, сержант, – обратился ротный к Цибулевскому, – давайте, ведите на обед взвод. После обеда в классы, получить учебники сержантов и учить, разбирать действия парашютиста в самолете и дальше. Вольно, – ротный отошел в сторону и подозвал к себе сержанта.

– Иди сюда, Цибулевский, что ты «еж-твою», со своей Антарктикой совсем задолбал пацанов. Теорию давай. Ясно? Сегодня хватит их держать на морозе, не дай бог перед прыжками кто-нибудь простынет. Ефрейтором на дембель пойдешь! Ферштейн?

После обеда мы занимаемся теорией, но с поправкой на мировоззрение сержанта. Мы качаемся на кулачках в проходах между рядами учебных радиостанций, и на выдохе выкрикиваем как заклинание: «501, 502, 503, Кольцо! Купол! Есть купол. 501, 502, 503...»

– Ладно, салаги, это все хрен с капустой! Я вам расскажу, как надо делать, чтобы не потерять вытяжное кольцо основного парашюта! Встать, – раскошегарился Цибулевский, – встряхнули клешни и сели за парты. Читаем самую интересную книгу в мире – «Учебник сержанта ВДВ». Внимательно читаем на обложке в правом верхнем углу: «Для служебного пользования, экз. №...» У каждого – свой экземпляр. Это значит, что книжка секретная, из учебного класса выносить строго запрещено! Нас с вами интересует часть вторая. Нашли страницу двадцать пять, и все внимательно читаем! Бляха, читаем, а не спим! – рявкнул на нас Цибулевский. – Все прочитали?

– Так точно, товарищ сержант, – дружно проворчали мы.

На занятиях громко орать и кричать строго запрещается. Ведь мы радисты-диверсанты и должны учиться сохранять режим тишины и секретности. Так нас учит командир взвода и сержант. В случае нарушения получаешь воздушно-десантную «калабаху» от сержанта.

– А вы знаете, что здесь было во время оккупации Литвы фашистами? Ха, не знаете, а я думаю, здесь была школа радистов «Абвера»! – понесло «Цибулю».

– Серьезно, товарищ сержант? – крикнул кто-то смелый.

– А как вы думали, салаги, просто так, что ли мы тут? Слышал я, тут по всей округе склады с немецким оружием и формой... Так вот, что там, в учебнике написано про выдергивание кольца? Гончаров первый, читай.

– Есть! По команде «пошел!» парашютисты, не задерживаясь, энергично, отделяются от самолета. После отделения нужно сгруппироваться и начать отсчет времени: «501, 502, 503...». Отсчитав положенное время, резко выдернуть кольцо и тут же прижать руку к груди, ближе к запасному парашюту. После провала и динамического удара откроется купол. Быстро осматриваем купол и стропы, и заправляем кольцо под резинку запаски! После, необходимо осмот-

реться вокруг, нет ли опасного сближения с другими парашютами и если нет, то готовиться к приземлению в заданном квадрате! – прокричал Гончаров.

– Не ори! Иди сюда, нагибайся на «калабаху», – шутливо сказал Цибулевский. – Про квадрат там ничего не было!

Курсант получил заслуженный подзатыльник и сел на место.

– А теперь маленький эксперимент, взвод. К доске выйдут братья Гончаровы и Дунаев – отличник блин. Закрыли глаза, курсанты, типа прыгаете ночью или в условиях плохой видимости и тому подобное. Принять стойку парашютиста, приготовились! Первый пошел, второй пошел, третий пошел! Делаем дальше как учили.

Курсанты быстро считают, прыгая на месте и, почти одновременно, рвут воображаемое кольцо парашюта.

– О-о! Стоп, открыли глаза, смирно! Все трое трупы! – неожиданно закричал сержант. – Кто, что понял? Молчите, слушайте «страшного» сержанта Цибулевского и мотайте на ус! Эти трое считали быстро и с разной скоростью, поэтому парашюты открыли раньше, влетели в купола друг друга и, конечно загасили их и разбились! Страшно? Чтобы такого не было, считаем очень спокойно и медленно. И после этого делаем спокойный выдох и дергаем колечко! Дальше по книжке. Вокруг мат приближающихся парашютистов, купола «целуются». После этого многие горе-десантники теряются и выпускают кольцо из рук! Оно улетает в снег, на память лабусам. На площадке приземления наш дорогой прапорщик Закидухин, бегаёт и матерится, половина колец потеряна. Откуда он каждый раз их только берет? – закончил Цибулевский и выдохнул.

– Что же делать, товарищ сержант? – спросил Костя.

– А ничего не делать. Чтобы в небе избежать схождения, надо просто хладнокровно считать и... и ждать, когда прибор сам откроет купол. Во, но это дело для смельчаков, зато купол выходит ровно через три минуты! Тьфу, на... секунды! Короче, если считали медленно, а он не открылся, считаем во второй раз, и если снова купол не вышел, дергаем себя за яйца! Ха-ха, за кольцо конечно, – засмеялся «Цибуля». – Но такого еще не было, чтобы прибор, не работал. И не забывайте, что за успешный прыжок – премия в размере трех рублей, но за потерю кольца – штраф шесть рублей! Хоть оно стоит дороже. Короче, кто кольцо проморгает – чмо, а не десантник. Занятие закончено. Вопросы есть, пехотинцы? Я не ошибся, пока не увижу на ваших грудных клетках значки «парашютист СССР», вы для меня пехота, значит пустое место. Вопросы есть?

– Есть, товарищ серж...

– Ну, живее, «слон», – перебил солдата Цибулевский, а то жрать опоздаем.

– За прыжок успешный три рубля премия, а за не успешный, ноль?

– Почему же ноль, так же три рубля! Ха-ха, только посмертно, на звездочку! Выходим строиться на обед! Взвод! Смирно! С песней шагом марш! Весело, запевай! – звонко командовал сержант.

Мне все нравится в ВДВ. Мы горланом нашу песню и, несмотря на сегодняшний мороз, воротнички наши разглажены под третью пуговицу сверху и под горлышком сверкает треугольник десантного тельника. Нужно прыгнуть, все остальное в прошлом и будущем, то есть этого всего не существует. Только прыжок! Я жду тебя, мой первый учебно-боевой прыжок!

Лишь недавно учились мы в классе десятом,

И часы проверяли по школьным звонкам!

А теперь привыкайте ребята к десантным,

Продуваемым всеми ветрами войскам!

А теперь привыкаем ребята к десантным!

Мы теперь привыкаем ребята к десантным!

Продуваемым всеми ветрами – войскам...

Ночью мы закрепляем усвоенный материал. Качаем мышцы брюшного пресса, уже «на автомате» качаемся на кулачках, отрабатываем элементы прыжка с парашютом, пока с табуреток. Иногда стоим на «гератском мостике»⁵⁸ или сидим на «электрическом стульчике»⁵⁹. Ничего, скоро прыгнем, получим десантные береты, значок парашютиста и, оборзеем, наверное.

Звучит долгожданная команда из уст нашего воспитателя «Цибульки».

– Отбой, в ВДВ! Упали в койки и не шевелись! Напра-во! Спокойной ночи, товарищи курсанты.

– Спокойной ночи, товарищ сержант! – громко ответил ввод. – День прошел, да и хрен с ним. Дембель стал на день короче, дембелям спокойной ночи! Пусть приснится дом у речки, баба голая на печке, самогона полный таз и Устинова приказ! Х-р, х-р...

На утреннем осмотре к нам подошел прапорщик Грибанов – старшина нашей роты и вручил почтовые квитанции на получение посылок.

– Так, посылочки пришли дорогие мои «ланцепупы». Мамочки заботятся о своих мальчиках. Одуванчиков, братья Гончаровы, Дунаев, Пушкарев, Иванов, Агафонцев, Бутаков, Соколов... Всего десять посылок. Сегодня надобно получить.

– Товарищ гвардии прапорщик, давайте прямо сейчас пойдем и получим! – вставил смело курсант Соколов.

Строй громко загоготал.

– Прямо сейчас рота идет на завтрак, далее на прыжок с парашютной вышки, – улыбаясь, продолжил Грибанов. – А вот потом, если разрешит командир роты, мы с вами и отправимся на почту. Но содержание посылок я буду лично проверять. Припоминаю пару случаев, когда в посылках находились вещи, которые были просто опасны. К примеру, когда я служил в молдавской «пьяной дивизии», одному солдатику дагестанцу брат прислал настоящий *кинжал*! Зачем он ему понадобился трудно сказать, может в караул хотел с ним ходить? Скорее всего, к смуглянке молдаванке в самоход! В виноградники, ха! А подарок изъял особый отдел и конечно, с концами. Так что, родне скажите, мол, ценные вещи присылать запрещено, тем более холодное оружие! Сало, колбасы, консервы, все в помойку.

Прапорщик Грибанов остался в моей памяти, как настоящий «кусок», в лучшем значении этого слова. Человек от природы мягкий и неконфликтный, он ходил все время в рубашке с галстуком, брюках и парадных ботиночках. Всем своим образом подчеркивающий принадлежность к доблестным прапорщикам – завхозам. Он имел огромный рост, не меньше метра девяноста сантиметров и увесистые кулаки. Рассказывали, что в юности он был чемпионом десантной дивизии по боксу. Предложили остаться на сверхсрочную, он остался и закончил учебный центр прапорщиков. Несколько лет был командиром взвода, начальником радиостанции «Чайка». Недавно наш старшина женился и стал путать нас, курсантов, со своими карапузами. Наверное, поэтому все мы для него стали «ланцепупами». Странное слово, связанное с Литвой, ее жителями – лабусами и чьими-то пупками. Может быть, это, отдыхающие на прибалтийских курортах дети?

Служба нашего старшины вошла в спокойное русло, ограниченное в основном выдачей солдатам мыльных принадлежностей и чистого нательного и постельного белья. Мы были благодарны ему за это, ведь самое страшное, что он мог сделать каждому из нас – взять за ухо и отправить мыть руки с мылом. «Козлы» его побаивались, мягким он был с курсантами, считая

⁵⁸ «Гератский мостик» – элемент неуставных взаимоотношений между сержантами и курсантами учебного подразделения. Солдат становился руками на переднюю душку кровати, а ногами на заднюю. Гольми пятками упирался в заднюю душку. Продолжал так стоять, пока не начиналась дрожь по всему телу. Стойка могла продолжаться – 3, 5, 10 минут.

⁵⁹ «Электрический стульчик» – физическое упражнение, элемент неуставных взаимоотношений. Солдаты по приказу сержанта садились полу-присядя, вдоль стены, спина опиралась на стену. Так солдаты продолжали сидеть до тех пор, пока не начиналась дрожь в ногах.

нас детьми, сержантов он гонял, прекрасно понимая их нравы и видя в них «лисов». Мы прозвали его просто и ласково «Му-му».

Афганистан не волновал прапорщика Грибанова, и он туда не просился, считая войну делом романтиков и политиков. Какая может быть война для молодого отца двух младенцев, сорокалетнего завхоза, ждущего увольнения в запас и имеющего каждую ночь молоденькую красавицу жену, коренную каунасочку.

Времени до прыжка оставалось совсем мало, неделя. Сегодня будем прыгать с парашютной вышки. Прыжок с нее обязателен, кто не прыгнет, не допускается к прыжку из самолета. Командир взвода остается внизу, на страховке. Сержант поднимается на самый верх и ждет курсантов. Мы по двое выходим на трамплин. Ветер раскачивает двадцати пяти метровую вышку так, что, кажется, она сложится и развалится.

Сержант прицепляет на первого десантника подвесную систему и командует.

– Приготовиться! Готов?

Солдат принимает стойку парашютиста и бойко отвечает.

– Готов!

– Первый! *По-шел!*

Курсант энергично отталкивается от платформы и группируется. Купол, раскрытый над ним, обеспечивает плавный спуск.

Я забрался на самый верх, реально страшно, вернее не страшно, но почему-то ноги стали слабыми и неуверенными. Мокрый снег летит в глаза, делая очертания горизонта неразличимыми. Сколько под тобой метров не определено и, в сущности, не важно.

Сержант зацепил на мне подвесную систему, подергал за карабины и заорал в ухо.

– Готов?

Я подтверждаю готовность кивком головы, слышу команду «пошел!», бегу и плавно отрываюсь от края трамплина. В последний миг чувствую сапог сержанта в моих напрягшихся ягодицах.

Приземлился я отлично и, задрав голову в небо, смотрю на летящий вверх купол. Здорово, теперь меня этим не проймешь, быстрее бы в настоящее небо!

Ближе к вечеру, курсанты счастливчики под командой прапорщика Грибанова отправляются в город за посылками. Возвращаемся мы перед самым ужином, складываем посылки в каптерку старшины и бежим к столовой догонять строй.

После ужина нас по одному приглашают в каптерку, я оказываюсь первый.

– Курсант Одуванчиков! *Заходы, дарагой!* – весело пошутил прапорщик.

– Товарищ гвардии прапорщик, курсант Одуванчиков по вашему приказанию прибыл! – отчеканил я.

– Я вижу, что прибыл. Давай посмотрим, что у тебя в посылке, – сказал старшина, поставил коробку на стол и вскрыл ее при помощи штык-ножа. – Угу, письмо от родителей, держи курсант. Так, коробка конфет «Белочка», еще одна «Три медведя», еще «Ассорти». Книжка – не положено, оставляем до весны. Банка варенья, понюхаем, чпок! – со своеобразным звуком прапорщик открыл банку. – А, малина, ладно, разрешаю завтра в столовой за ужином. Конфеты карамель, конверты, подшива⁶⁰, две пачки... нет, три пачки печенья, все парень забирай и позови курсанта Соколова, – сказал Грибанов, пододвигая мне посылку.

– Товарищ прапорщик, это вам от чистого сердца, – я протянул старшине коробку шоколадных конфет «Ассорти».

– Уу-мм! Даже не знаю, ну спасибо, побалую своих домашних «ланцепупов». Слушай, а если не жалко, можно я другую коробочку возьму? – старшина сладко посмотрел на «Белочку».

– Разумеется, берите, эти очень вкусные, с орешками.

⁶⁰ Подшива – чистый белый подворотничок. Средство гигиены солдат и офицеров.

– Спасибо, спасибо, ну, позови следующего, – улыбнулся старшина, убирая коробку конфет к себе на полку.

В этот момент в каптерку постучался и сразу вошел наш командир взвода.

– А, Александр Анатольевич, проходи, погрейся, – поприветствовал Грибанов Семенова.

– Гм, товарищ стар-лейтенант, это вам, – четко сказал я, протягивая коробку «Трех медведей» своему командиру.

– К-хм... не нужно, это не обязательно вовсе, – засомневался взводный.

– Товарищ командир, это от души, прошу вас принять.

– Уф, ну спасибо, Одуванчиков.

– Разрешите идти товарищи, товарищ стар-лейтенант...

– Спасибо, конечно идите, – расплылся в доброй улыбке Семенов.

Когда я подошел к своей кровати, чтобы выложить содержимое посылки в тумбочку, ко мне подвалили сержанты во главе с «дорогим замком» Цибулевским.

– Одуванчик, не хочешь угостить непосредственных начальников? – нагло и в тоже время заискивающе спросил он.

– Разумеется, выбирайте, – сказал я, показывая, что «можете брать, что хотите». Мне уже было все равно.

– Вот, коробочку «Ассорти» и пару пачек печенья, спасибо! Отдыхай и готовься к завтрашнему дню, сынок...

Сержанты взяли то, что нужно и ушли по направлению к остальным обладателям посылок. Я молча проглотил незаметную и непрошеную слезу, и принялся читать письмо из дома.

Самое главное, что дома все в порядке. Мама пишет, что все здоровы, отец рисует свои любимые картины и стоит с ними в сквере, на «Площади 1905 года». Иногда по мелочи удается продать некоторые из них, правда хватает только на хлеб. Сестренка хорошо учится в школе и занимается танцами во «Дворце молодежи». Кошка Мурка все та же, вновь ждет котят. Зима стоит необычайно суровая и какая-то угрюмая. Мама жалеет, что не смогла приехать ко мне на присягу, но весной, когда меня направят в линейную войсковую часть, они все ко мне приедут. Обязательно! Отец жмет мне руку, но настоятельно просит, чтобы я не показывал излишнего геройства и не лез *«вперед батьки у некло»*. Среди простого народа только и разговоров, что все про Афганистан. Много солдат привозят убитых в цинковых ящиках с маленьким окошечком, а то и без него.

Я дочитал письмо до конца и убрал его в конверт. Мне почему-то показалось, что и в часть, после учебки, они ко мне не приедут. Ведь она может быть не в Союзе. А где же тогда?

Курсанту Соколову, родители прислали сало, мед, различные маринады и соленья. Так что осталась у него одна только литровая банка меда, которую, мы решили, есть всем взводом помаленьку на ночь и, растянуть, таким образом, на недельку. Этим же вечером нам удалось попробовать по маленькой ложечке, мед оказался удивительно вкусным.

На следующее утро, прямо с подъема, Соколова увезли в гарнизонный госпиталь с распухшим лицом и заплывшими глазами. Парень всю ночь, под одеялом, на ощупь, ел мед, засовывая свою пятерню в банку и, облизывая лапу на манер медведя, спящего в берлоге. Кроме меда он пожирал шоколадные конфеты, а фантики засовывал под матрац. Наша сладкая неделя, не успев начаться, тут же и завершилась. Прапорщик и сержанты взвода получили выговоры за недосмотр.

– Ро-та! Подъем! – прокричал сбор дневальный. – Учебная тревога! Получить «РД», валенки и зимние комбинезоны, выбегаем строиться на завтрак!

Четыре часа утра. Началось... командиры взводов ставят учебно-боевую задачу на выезд на аэродром и совершение первого прыжка с самолета Ан-2 с оружием в составе нескольких парашютно-десантных батальонов. Сердце прыгает в груди и никак не может утомиться. Роты бегут на завтрак. Надо признать, ракушки по-флотски с большими кусками мяса и жира

удались на славу. На завтрак сам комбат и «удав». Приказ сержантам звучит жестко: «Курсантов не торопить, съесть все, обеда не будет точно, на площадке приземления будет не до приема пищи».

В 5:00, мы бежим на склад хранения уложенных парашютов. Прапорщик Закидухин читает списки десантников, мы подхватываем свои сумки с парашютами и грузим их в подъезжающие «Уралы». В пять сорок мы вновь в роте; на этот раз получаем свои АКС–У⁶¹ и специальные чехлы, в которые кутаем автоматы, словно младенцев. Приходит прапорщик Грибанов, в руках он несет большую тяжелую сумку. Каждый курсант под роспись получает фантастический нож-стропорез, похожий на маленькую «рыбу-пилу». Кстати, страшный дефицит в войсках.

Теперь у каждого из нас есть двадцать минут на галльон и полную готовность. В туалете очередь, как в ночном поезде перед прибытием в Сочи или Москву.

В 6:00 третья рота курсантов построилась напротив казармы. Ротный командир майор Падалко принимает доклад от взводных о наличии курсантов в строю. Один в госпитале. Да, видно перенервничал соколик перед прыжком и решил заесть тревогу медом. Роты движутся на построение батальона, на плац.

– Здравствуйте, курсанты-десантники! – пориветсвовал нас комбат.

– Здравия желаем товарищ гвардии полковник!

– Вольно! Солдаты, через несколько часов каждый из вас сдаст свой сложнейший экзамен перед десантными войсками! – строго сказал комбат. – Знаю, что половина курсантов, стоящих в строю уже прыгали с парашютом. Это хорошо, но это не делает ваш первый прыжок в войсках легче. Сегодня все равны, все максимально настроены на прыжок. Уверен, что в нашем строю нет трусов, а есть лишь настоящие десантники! Уволитесь в запас, все красивые женщины будут ваши! Советские десантники, лучшие в мире! Напоминаю о правильном выполнении прыжка и действиях в случае схождения куполов и приземлении на лес. Все еще раз прокрутите в своем мозгу. Желаю всем мягкой посадки! – договорил он, отошел от микрофона и незаметно перекрестился.

«Удав» скомандовал «по машинам!», и мы заняли свои места в «Уралах». Двинулись. Едем по хорошей дороге, видимо по центру Каунаса, тент закрыт, нас не видно. В кузове тепло и темно, ребята кемарят в зимнем обмундировании, как медвежата. Я тоже уснул, снов нет, размышлений о прыжке тоже.

Я и так думал о нем последние две ночи. Снится мне, как я выпрыгиваю из самолета в белое молоко зимнего неба. Купол мой мягко наполняется клеточками неба и раскрывается. Сон повторяется снова и снова как наваждение. Я уверен в своем парашюте, он раскроется, а дальше все зависит от меня и от судьбы. Свернули на грунтовую дорогу, машину раскачивает. Часов у курсантов нет. Примерно едем полтора часа, как вдруг наш «Урал» встал.

– К машинам! – дали команду офицеры.

Мы выпрыгиваем из машин и топаем по тропинкам среди сугробов к грузовикам с парашютами. Ничего не видно, снежная пурга и ветер, не холодно. Курсанты получают сумки с парашютами. Роты располагаются на расчищенных от снега площадках.

Сержанты командуют, мы достаем парашюты и начинаем надевать подвесные системы. За плечами, под ранцем с основным парашютом, рюкзак десантника и автомат. Я прячу нож-стропорез в специальный карман за пазуху, а карабинчиком со шнурком прикрепляю его к грудной лямке. Не дай Бог придется им воспользоваться резать стропы. Пусть просто спит в теплом кармане. Семенов зачитывает списки десантников по кораблям. Я с ним в одном самолете и прыгать буду прямо за взводным. Он первый, я второй! Мы продолжаем стоять в

⁶¹ АКС–У – автомат Калашникова складывающийся, укороченный. Калибром 5,45 мм. В Афганистане использовался в основном экипажами вертолетов для самообороны в случае подбития вертушки и окружения экипажа вертолета душманами.

полной боевой готовности, нас заметает снегом, самолеты не появляются. Командиры рот и комбат куда-то ушли, Семенов с нами, стоит также в подвесной системе. «Цибулька» стоит с закрытыми глазами, жмурится от ветра, его усы в снегу, и он похож на моржа, которому наплевать на северный полюс и любимую Антарктиду. Наконец, кто-то появляется из снежной пелены. Это офицеры парашютной службы. Они еще раз проверяют всю подвесную систему каждого десантника, включая офицеров и сержантов. Самолетов нет, снег и ветер усиливаются. Мы стоим в позе отдыхающего десантника: ноги в валенках чуть шире плеч, наклон вперед.

Откуда-то с правого фланга послышался голос комбата.

– Батальон, снимать парашюты! Уложить в сумки! Построение поротно!

– Все братцы, «Алес капут!». Сегодня, кажется, приземлились, не взлетая! Первый блин комом.

Курсанты отряхивают ранцы от снега, складывают их в сумки и хохмят.

– Твою медь! Задрали эти зимние прыжки, какой пес их придумал? Снегу по горло, на хрен надо... – тихо стали ругаться сержанты и со злостью впихивать парашюты обратно в сумки.

Семенов все слышит, но молча отходит, о чем-то размышляя.

Кажется, на сегодня все. Начальник десантной службы дивизии, он же ответственный за безопасность десантирования не дал добро на небо. Ветер и снег. Мы едем «домой». Жалко конечно, но в такую погоду прыгать будут, пожалуй, или дураки, или самоубийцы.

Вечером весь батальон отправляется в клуб на кино – сеанс. Интересно, что нам покажут, может «Бриллиантовую руку», или «Джентльмены удачи». Мы ржем в строю и не можем с собой ничего поделаться, стресс выходит. В клубе почти тепло, в шинелях просто рай.

Перед началом фильма на сцену поднялся незнакомый офицер гвардии майор ВДВ.

– Курсанты, я офицер из особого отдела. Немного разочарую вас, комедию сегодня вы не увидите, но фильмы, которые командование приняло решение вам продемонстрировать, не менее интересны. Они будут полезны для вашей подготовки. Кинолента для служебного пользования, так что не нужно рассказывать никому! Даже родственникам. Приятного просмотра и не спать, гвардия, – сказал майор, энергично сбежал в зал и расположился в первом ряду.

Наши офицеры расположились на задних рядах. Выключили свет, пошла пленка.

Голос диктора за кадром: «Фильм студии Министерства Обороны СССР для служебного просмотра. Советские ВДВ приступили к зимнему периоду обучения. Зима требует от каждого десантника особой выдержки и закалки. По легенде, одна из северных стран, участниц империалистического блока НАТО, совершила авианалет на территорию Ленинградской области и планирует бомбовый удар по столице СССР. По тревоге поднята 103-я дивизия ВДВ. Вы наблюдаете выброску парашютного-десантного полка и разведывательного батальона Витебской ВДД. Десантники под белыми куполами приземляются в глубокий снег, с помощью купола вытягивают себя на более удобную площадку. Собирают купол и направляются на пункты выдачи лыж. Для быстроты выполнения задачи в этом им помогают экипажи БМД. И вот уже десантники стремительно передвигаются в составе лыжных отрядов, и захватывают важные стратегические объекты в тылу вероятного противника, армии страны члена НАТО. Здесь никто не ожидал увидеть Советских Солдат в белых маскировочных халатах, в сотнях километрах от линии фронта. Действуя дерзко и решительно, разведывательно-диверсионные роты полка захватывают командный пункт военного аэродрома, уничтожают узел связи. Отдельная разведывательная рота берет под контроль и прослушивание подземный кабель спецсвязи. Офицеры разведки приступают к допросу старших офицеров противника. Саперная рота минирует самолеты, средства РЛС и ПВО. Через час на захваченный аэродром приземляются самолеты Ил–76 с десантно-штурмовыми батальонами на борту. Высаживаются основные ударные силы воздушно-десантной дивизии, включая самоходную артиллерию и минометы. Дивизия оборудует мощный опорный пункт-базу, а при получении приказа развивает

наступление на важные стратегические объекты противника. Боевая задача выполнена при минимальных потерях в личном составе. Солдаты принимают горячую пищу на полевой кухне. Вооруженные силы противника на большом театре военных действий парализованы и готовы прекратить агрессию против стран членов Варшавского Договора. Советские ВДВ способны выполнять любые боевые и учебные задачи, в любых климатических условиях от Африканских пустынь до снежных пустынь Антарктики. Еще раз посмотрим в подробностях действия парашютистов в составе лыжных отрядов в глубоком тылу противника по захвату военного аэродрома. Снятие часового при помощи штык-ножа, специальных средств и приклада автомата. Минирование и подрыв узлов связи противника. Овладение средствами ПВО».

Конец фильма.

– Встать! Батальон, выходи строиться на ужин, – скомандовал замполит батальона, седой, коротко подстриженный подполковник, похожий на профессора. – Ну как бойцы – кино понравилось? – спросил он, словно писатель Корней Чуковский.

– Так точно, товарищ гвардии подполковник! – хором ответили сразу все курсанты. – Классный фильм! Лучше, чем «Джентльмены удачи»!

– Теперь вам понятно, к чему мы должны с вами стремиться?

– Да, быть круче, чем солдаты из блока НАТО! Еще бы посмотреть, здорово работает наш десант!

– Точно, молодцы гвардейцы, политику Партии понимаете правильно. Еще посмотрим, обязательно, а пока приятного аппетита и бегом на просмотр программы «Время», – замполит козырнул строю курсантов и тихо отправился по своим делам.

Ночью я ворочаюсь в постели и все размышляю о фильме; снято все классно и реально, действия Советского десанта впечатляют. Как снег упали на голову врага. Наверняка это кино видели парашютисты из блока НАТО, явно снято для устрашения противника, ну и правильно, пусть боятся нашего брата...

Весь следующий день до обеда, мы болтаемся в подвесных системах на тренажерах – стапелях. Ветер справа, слева, в лицо. Опасность схождения, сильный ветер... Погода стоит хорошая, и взводный решает пропустить нас через парашютную вышку. Еще разок, для закрепления смелости и пренебрежения к страху высоты. На городок прибегает выписанный из госпиталя курсант Соколов. Все внимание – на залетчика, ведь в любой день, в любой час может прозвучать сигнал на десантирование. С вышки мы все прыгнули на ура, командир взвода и даже вечно ворчливый Цибулевский, остались довольны.

Тревога прозвучала через три дня, батальон спал чутко, все бойцы и офицеры жили как на иголках, ведь невыполненный прыжок стоит как кусок в горле, все сны и думы только о нем. Если так будет продолжаться, то мы, новобранцы, можем перегореть. Появится чуть ощутимая неуверенность в себе и, может быть, в своем парашюте.

В 8:00, мы стояли на взлетном поле в ожидании своих кораблей. Первая рота улетела и по слухам уже прыгнула. В самолеты грузится вторая рота. Наша третья стоит в полной готовности к акту «крещения» в небе. Майор парашютно-десантной службы дает добро, рота в полном составе готова к прыжкам. Ветер усиливается. «Удав» подтверждает, что рота будет прыгать по любому. «Слава яйцам», к нам подруливают наши корабли. Я иду вслед за взводным, он меньше меня на голову и легче, но командир должен прыгать первым в корабле. Наш борт №13, ну-и-ну! Что это за знак? В салоне нас встречает огромный прапорщик-выпускающий с идиотской улыбкой палача. Семенов заходит последний, выпускающий закрывает за ним дверь и кричит в кабину пилотам «Поехали!» Мы разгоняемся по взлетке, в иллюминаторах лишь белый шквал ветра и снега.

В салоне самолета командир взвода повернулся в мою сторону и крикнул, наверное, всем пацанам.

– Ну, как настроение?

– Отлично! – ответили мы в ответ и сделали красноречивый жест большим пальцем правой руки.

Кто-то хохмит и добавляет еще и вытянутый мизинец. «Зеленая» десантура смеется, пытаясь заглушить бешеное сердцебиение.

Прапор все также лыбится, *як* кот на сметану и бросает крылатую фразу.

– Ну что братцы – смертнички, летаем?

– И попрыгаем тоже, – добавил один нерастерявшийся курсант.

Прапорщик одобрительно кивнул нашему командиру, мол, смелые засранцы – новобранцы.

– Двести метров! – крикнул пилот в салон самолета.

– Зацепить карабины! – дал команду выпускающий.

Мы зацепляем карабины своих стабилизирующих парашютов за металлический трос, протянутый под потолком салона. Есть время уйти в себя и сосредоточиться. Говорить ни с кем не хочется, надо унять сердце и успокоить дыхание. Кажется, получилось, у-фу, у-фу.

– Все, восемьсот метров! – прокричал прапор.

Зажглась сирена «Приготовиться!», я резко встаю вслед за командиром, поднимаю сидение и принимаю стойку парашютиста. Прапор ржет и открывает дверь, ему кажется все до лампочки, как патологоанатому с тридцатилетним опытом работы. Холодный ветер врывается в салон, сильный и резкий не то, что на земле.

Выпускающий положил свою руку в черной кожаной перчатке на плечо взводному и прокричал ему в ухо.

– Готов, командир?

– Готов! – ответил офицер.

– Ну, тогда первый пошел!

Командир прыгает вперед и исчезает в белом шквале.

Я стою у открытой двери всего-то полсекунды и пытаюсь оценить бездну подомной. Не думал, что будет так... безнадежно страшно, безумная пустота и холодный, мертвый ветер. Какая уже разница, решение было принято еще десять лет назад. Слабым быть нельзя!

– Готов, герой?! – крикнул прапор мне в ухо.

– Да! Готов!

– Пошел! – рывкнул он, и легко и сильно подтолкнул меня вперед.

– Ма-а-а! Ма... – закричал я, сильно оттолкнулся, прыгнул и упал в серое небо.

Холодный бездонный океан. 501! Сгруппировался! Иду камнем, кольцо дергать рано! Не зря мы в тельняшках. 502! Я все-таки прыгнул, прыгнул, в небо, я десант. 503! Удивительно, страх улетучился, его нет! Ничего, динамического удара нет, тихо! Лечу вниз. Снова считаю: «501! Не буду дергать кольцо. 502–503!» За моей спиной все застрекотало и затрещало, будто огромная стрекоза уселась на мои плечи. Меня подбросило вверх и с приятным хлопком над моей головой открылся сказочно белый... мой белый купол! Я парю в небе, вокруг белые парашютики моих друзей! Ура, мое небо...

Приземлился я нормально, даже смог облететь лес, как заправский «рейнджер». Плюхнулся в глубокий снег, а потом вытащил себя с помощью вновь наполненного ветром купола. Снега по пояс, я снял подвесную систему и запаску, бережно свернул основной купол и уложил все в сумку для переноски парашютов. Потом нашел едва заметную тропу, дополз до нее на брюхе и двинулся на пункт сбора десантников. Ориентировался я по змейкам парашютистов идущих на холм, словно муравьи, и, по скоплению бронетехники и автомобилей. Удивительно преобразилась природа, стало тепло и безветренно, сквозь тучи лезет солнце. Я расстегнул свой бушлат и расправил воротник так, чтобы была видна тельняшка. Жарко. Идти очень тяжело, снег рыхлый и я проваливаюсь по колено. Ничего, до точки осталось не больше километра. Кажется, пахнет гречневой кашей, я проголодался.

Ко мне вплотную, подрулил БМД, с незнакомыми и борзыми десантниками на броне. Солдаты предлагают мне лезть на броню.

– Эй, перворазник! Бросай к нам сумку и давай руку!

– Не, ребята, благодарю! Я сам дойду! – отказался я, припоминая рассказы сержантов о том, как у молодых солдат вот такие ухаи забирают парашюты и мгновенно уезжают. А ведь у меня еще при себе стропорез, раритет для любого «деда», *отымут*, моргнуть не успеешь. А парашюты позже находят без строп и разных дорогих деталей, а солдат покрывает себя позором до самого дембеля.

– Не, в натуре, чижик, ты что? Залезай к нам и поехали! – закричал конопатый сержант в зеленом тулупе и шапке-ушанке набекрень. – Мы сверхсрочники, на прапоров учимся, чего боишься?

– Нет! Я сам! – уперся я и закинул сумку с парашютами за спину.

– Странные они какие-то сегодня. А, так это спецназовец, смотри у него автомат короткий, а может радист? Не, это точно спецназ, смотри, у него даже стропорез есть, вон шнурок из кармана торчит, – наперебой обсуждали меня солдаты. – Ладно, поехали к лесу, там кажется, кто-то снова висит! Ну, давай брат, с первым прыжком тебя! – дружелюбно крикнули они мне.

БМД рванула с места и поплыла по глубокому снегу, словно пушинка.

– Спасибо, братаны! Вам тоже не хворать! – захрипел я, стараясь быть солиднее.

Боевая машина десанта виртуозно и стремительно побежала в сторону соснового леса снимать с деревьев незадачливых парашютистов. Я бодро зашагал вперед, радуясь и светясь от счастья. Особенно меня радовало то, что я разобрался с управлением парашюта и не упал на сосну. Что толку от такого диверсанта: висит как елочная игрушка, подходи и бери в плен. Только зря учили олуха. Жалко такого, как мотылек в паутине трепыхается...

На пункте сбора собрались офицеры и наблюдают за снижающимися парашютистами в бинокли. Я доложил старшему лейтенанту Семенову, который уже пил чай с баранками, об успешном выполнении прыжка и отправился на обед в расположенную по близости походную кухню. Повар отвалил в мой котелок огромную порцию гречневой каши с тушенкой, выдал масло, налил в кружку сладкого горячего чая и предложил хлеба столько, сколько смогу съесть.

– Боец, смотри внимательнее! – улыбнулся повар.

– А что? – не понял его я.

– Стропу не проглоти!

– В каком смысле?

– Улыбка очень широкая, не ровен час, купол в рот залетит!

– Серьезно?

– Так говорят. С первым прыжком тебя!

– Спасибо, конечно! А у тебя сколько прыжков? – поинтересовался я и отпил немного чая.

– Ох-ты, шустрый какой! Между прочим, я старшина сверхсрочной службы, в десанте уже четыре года. И у меня уже целых сорок пять прыжков. Есть и ночные, а это братан, не днем прыгать. Как филин летишь, когда ноги ставить к приземлению не видно.

– Круто, и что все годы на кухне кашеварите товарищ старшина? Все четыре года?

– Конечно, а что плохого? Солдата кормить надо, десантник, он пожрать горазд.

– А домой когда собираешься?

– А *чо* я там делать буду! Здесь я уже привык и зарплата не хилая.

– А, где живешь? Вкусно, блин, готовишь, – все не унимался я.

– Спасибо, *ку-шай*, поправляйся, – улыбаясь, с акцентом сказал повар. – Живу я в Фергане, почти на границе с Афганистаном. Домой не хочу, я семью кормлю: отца, мать, сестер и маленького брата. Вот, написал рапорт в Афганистан, жду вызова из штаба, через месяц надеюсь, что полечу. Там знаешь, какая зарплата? Хорошая, брат, очень хорошая.

– Хрен с ней, с зарплатой. Не боишься, там ведь не санаторий, раз десантуру посылают?
– Честно? Боюсь, очень! Вообще не люблю войну, ненавижу! А ехать надо, служить, выполнять интернациональный долг. На свадьбу копить, на калым. Знаешь, какая у *мэнэ* невеста? У-у, мой персик, сок Ферганской долины. А если убьют, что ж, плохо будет всем, очень плохо. Плакать будут...

– Тебя не убьют, – тихо сказал я и приступил к поеданию каши.

– Почему знаешь?

– Кто тебя убивать станет? Ты и басмачам обед сварить, да такой, что все довольны будут!

– Э-э, зачем так говоришь? – слегка обиделся повар.

– Шучу я, хороший ты мужик, за что тебя убивать-то? У тебя и тубетейка, наверное, есть?

– Конечно, и не одна. Почему спросил? Масло еще хочешь? – улыбнулся повар.

– Нет, объелся, спасибо большое и ни пера, ни пуха тебе, в Афганистане!

Через полчаса собралась почти вся рота, кроме двух курсантов, приземлившись на лес. «Батя» и «папа» ротный объявили торжественное построение. Ротный вызывает каждого новоиспеченного десантника из строя, жмет руку, вручает «Берет ВДВ» и знак «Парашютист СССР». Я сжимаю свой значок в кулаке, он тяжелый и приятно покалывает ладонь острием звездочки на куполе. Голубые береты сверкают на наших стриженных затылках, над нами высокое синее небо. А в небе белые как снежинки купола. Прыгают офицеры дивизии. Скоро весна...

Старшие прапорщики Закидухин и Грибанов тоже здесь. Они прыгнули вместе с нами и их лица помолодели и зарумянились. Прыжок с парашютом, по их словам, отличная прививка от старости и хандры. Закидухин собирает у курсантов вытяжные парашютные кольца, все же три парня упустили свои кольца в снег. Теперь их можно найти только летом, если не опередит местная детвора. Грибанов собирает стропорезы, все в наличии, отлично. На желтых и добрых гражданских автобусах «Икарусах» мы едем домой.

После отбоя взвод поднял Цибулевский, чтобы лично поздравить нас с первым прыжком и предупредить.

– Десантники! Теперь у каждого из вас есть знак и берет! В батальоне были случаи воровства. Если узнаю, что у нас есть вор, придушу лично и дисбата не побоюсь! Но и того, кто потеряет свой берет или знак, тоже не пожалею! Чмошник получит дюлей, а потом будет рожать потерю! Ясно?

– Так точно, товарищ сержант! – гаркнул взвод.

– *Усе*, салаги, теперь я старший сержант! Поздравляйте командира! Завтра хочу молока и турбинок...

– *Тов-стар-сержант!* У нас ведь денег нет, – сказали братья Гончаровы.

– Есть, завтра зарплата за два месяца придет.

– О-о! Ура! – раздался радостный гул по всему строю.

– Смир-на! Так, кто прыгнул и не дергал за кольцо, как я учил? Есть хоть один?

– Я, курсант Одуванчиков! – зачем-то сказал я.

– Курсант Кинжибалов! – поддержал меня Витек.

– Гм, честно не ожидал, курсанты! Держи краба! – «замок» крепко пожал мою ладонь, неужели дружба?

Ро-та, отбой в ВДВ! И не шевелись...

Новый день принес нам новые старты. Началась специальная лыжная подготовка. Мы получили нулевые лыжи, березовые и широкие, почти как охотничьи. До обеда роты смоят свои лыжи. Через пару дней нам обещан пробный марш-бросок на лыжах на десять км. Цибулевский не обманул, за пару часов до ужина в роту явился старшина Грибанов с парашют-

ной сумкой наперевес. Опять что-то принес? Посреди центрального прохода поставили стол и накрыли его куском зеленого сукна. Прапорщик разложил на столе списки роты на денежное довольствие. Вызывает по одному. Дошла моя очередь.

– Одуванчиков? Ага! Подходи, получай денежное довольствие и расписывайся, – сказал Грибанов, потирая у себя под носом.

– Есть!

Я изучаю наименование столбцов, из которых складывается наша зарплата. Оклад рядового Советской Армии – семь рублей, прыжок с парашютом – три рубля пятьдесят копеек. Ага, вот еще интересный столбик – доплата за службу в войсках специального назначения – один рубль. Итого одиннадцать рублей, пятьдесят копеек за декабрь 1984. И за ноябрь, неполный месяц – пять рублей.

Штрафы за потерянное вытяжное кольцо – шесть рублей, за потерянный нож-стропорез – сорок семь рублей. Но это не про нас, в нашей роте «штрафников» нет...

Мы летим над Северным Ледовитым Океаном. Семенов стоит и молча смотрит в бездну за открытой дверью самолета, ранца с парашютом на нем нет. Я как всегда стою за командиром с парашютом и в ужасе наблюдаю, как «Фантомас», он же наш выпускающий, отрывает болтающуюся на одном крючке дверь и бросает ее в проплывающее мимо облако. Потом кладет свою единственную руку в черной перчатке, вторая безвольно висит похожая на муляж, на плечо взводного и спрашивает трубным голосом:

– Готов? Герой!

– Нет! Не готов, где мой парашют? – спрашивает Семенов, оглядываясь на Фантомаса.

– Меня это мало волнует! Ха, – страшно смеется фантомас. – Когда я воевал в Индокитае в составе «Иностранного легиона» Франции и был «зеленым лягушонком», меня выбросили без зацепленного карабина! Ха-ха! Считай без парашюта! Запасные мы не брали, чтобы взять больше патронов и гранат. Мне повезло, я зацепился за ногу, пролетавшего мимо нашего парашютиста. Потом я вынес его труп с поля боя, за что и получил медаль за личную смелость. Этаким кругляш из серебра не самой первой пробы. Жалко Боба, у него было сто прыжков и такая накаченная задница. Это только боевых, на джунгли. Его подстрелили прямо в воздухе. В том бою мы потеряли почти батальон парашютистов. Батальон отличных парней, мечтающих о невестах и детях. Их больше нет здесь, а я есть, я помню их и плачу, но слез моих не видно. Я приземлился без царапины! Или мне это только кажется, и я не могу умереть, что такой же труп, как и они? Нет, вроде живой!

– А руку вы там потеряли? – спрашивает удивленный Семенов.

– Ха-ха, нет, это фальшивая, настоящая всегда под пиджаком, на револьвере! Вдруг этот коротышка инспектор *Жуфь* нарисует, – негодует фантом.

– За что вы так ненавидите его?

– Скорее это он меня! Эта скотина стояла сзади меня во время того десантирования в джунгли и не предупредила, что мой карабин не пристегнут! Это они, так потешались над молодыми парашютистами. В том бою его контузило, и он получил такую же медаль как у меня, провалявшись пять часов под пальмами. Везунчик и выскочка! Ну, приготовься, и только попробуй потерять кольцо или стропорез, зачмырю, лягушонок!

– У меня нет кольца! Только один рубль в кармане за службу в войсках специального назначения и значок парашютиста!

– Вот и купишь мне на него турбинок и молока! Ха-ха! Пошел! Если приземлишься!? Ха-ха-ха!

– Ма-ма-аа...! – кричит взводный, выпрыгивает из самолета и успевает при этом схватить Фантомаса за лицо.

Я оборачиваюсь на мгновение и вижу ухмыляющегося Жана Маре. В ужасе я устремляюсь вслед за командиром в надежде поймать и спасти его. Я лечу в небе и вижу внизу малень-

кого командира. Сейчас я долечу до него, схвачу и только тогда дерну кольцо. Огромный серебряный самолет удаляется от меня медленно, сверкая цифрой «13» на хвосте... Звучит непонятно откуда, запоздалая сирена...

– Сашок, вставай, учебная тревога, опять нас куда-то забросят! – услышал я сквозь сон голос Вити Кинжибалова, теребившего меня за плечо.

– Может, прямо во Вьетнам или Афган! На Вашингтон, Париж, Лондон? Чего уж мелочиться! Мы же радисты-диверсанты, нам по фигу, все равно куда! За рубль! – я ворчал, потер заспанные глаза и быстро оделся. Любопытно, смог я спасти взводного во сне. А вот он и сам пришел! В теплом и широком зимнем бушлате, в овечьей шапке-ушанке, словно колобок. Станный сон, но интересный.

– Взвод, становись! Равняйся! Смирно! – командует взводный. – Получен приказ «Совершить лыжный марш на пятнадцать километров и провести боевые стрельбы из автомата». Получать оружие! Вперед, солдаты...

Глава VII. Афганистан. Начало мая, 1985 год

– Подъем, «духи»! Хватит спать, вставайте, «дедушки» знакомиться с вами будут!
«Началось», – догадался я и растолкал Виктора.

Мы стоим посреди ночи, в центре нашего кубрика, к которому уже начали привыкать, как к дому родному.

– Ну, *ча-а*, «слоны», рассказывайте кто вы, откуда прибыли? Почему такие борзые с первых дней? – сказал один длинный ефрейтор «дед» со смуглым лицом и играет длинной цепочкой с ключами от оружейки. Это гвардейский ефрейтор Чайковский, сейчас он дежурный по роте.

– А *ча*, рассказывать, мы вроде знакомы, уже пятый день во второй роте! – как можно смелее огрызнулся я.

Витек смотрит в пол.

– Прилетели мы из Гайжюная, отдельный учебный парашютно-десантный батальон связи. Я – Саня Одуванчиков с Урала, а это мой друг... Витька, – сказал я и косо посмотрел на друга, – говори... – шепнул я Витьку.

– Я Виктор Кинжибалов, с Алтая, – проснувшись, ответил Виктор.

– Так! Парашютисты, гордые, лабусы! Запомните «духи», для простоты общения ваши позывные: первый будешь Одув, а второй Кинжбек! Ясненько?

– Да мне как-то по...! Мы не лабусы и уж точно не «духи», – здорово разозлился я и зарычал, – «духи» «за колючкой», в чалмах ползают!

– О-о, ничего себе, «душара» борзый, давно я таких не видел! – сказал длинный ефрейтор, подошел ко мне сбоку и взял меня за шею.

Я смело смотрю ему прямо в глаза и размышляю «Тощий, сволочь, легко можно завалить с первого удара, но нельзя, из уважения. У парня много боевых выходов, раз он начал говорить первым, за всех «дедов».

Длинный с усмешкой отпустил меня, а потом неожиданно размахнулся своей цепочкой и попал мне между ног. Удар приходится вскользь по мошонке, но мне хватает, и я с трудом сдерживаю слезы.

– Борзый и не воспитанный, – добавил ефрейтор сквозь зубы.

– Слушайте оба внимательно, – с кровати встает еще один «дед» ефрейтор, Колян Бонько, – мы до года летали, и вы будете! Сильно вас мучить никто не собирается, но сигареты, если любой «дед» попросит, всегда должны быть. Так заведено, еще до нас!

– Все что ли? – встрял еще один «дед» рядовой, Ваня Кашин. – Пусть ХБ и носки мне стирают, мы по-черному шуршали, и они будут!

– А чай «дедушке» принести и печенья в постель – этого никто не отменял. Уважать старость надо! – поддержали его остальные, покачивая выбритыми затылками.

– А блинчики на боевых, кто нам будет жарить? – замычал «дедок» интеллигентного вида, Кочнев Юра.

Мне стало смешно и интересно, ого, блинчики на боевых жарят, весело! «Черпаки» не спят, внимательно наблюдают за развитием ситуации.

– Ну что, молодежь, все всосали, вопросы есть? – подошел к нам младший сержант Ваня Невдах, поигрывая своими кругленькими мускулами.

Старшина Калабухов молчит, соблюдая полный суверенитет и нейтралитет.

– А для начала посмотрим, как вы умеете отжиматься. Упор лежа принять, встать на кулачки! – скомандовал сержант Землянухин.

Мы молча подчинились команде старшего по званию, в конце концов, качка – это спорт, а не унижение.

«Много их, «дедов», целых двадцать три, – размышляю я, – правда отъявленных беспредельщиков, человек пять, остальные под ними «шестерят» или дуркуют, так называемые ротные шуты, злые гномы. «Черпаков» двенадцать человек. Эти волчата помалкивают, но по принципу стремления к сильному, всегда на стороне «дедов». Это правильно. С «черпаками» придется драться. В итоге мы двое против тридцати пяти закаленных и пропеченных солнцем десантов, – продолжаю я размышлять и делаю, наверное, уже полсотни отжиманий».

– Встать, смирно! Пресс к осмотру! – скомандовал сержант и сделал несколько отточенных ударов в живот мне и после – Витьку. Больно бьет, сволочь, если у моего смелого и угрюмого друга выступили слезы.

– Ладно, пусть спать идут, наверное, *хватить* на первый раз, – несмело встрял в середину представления Петя Петров, наш «комод».

– Чего ты Петя *вякаешь*, забыл, что ли свое «духовство»? Не мешай салаг воспитывать! – заворчали «деды».

– Мы так и не услышали, все ясно? «Душары», – не унимается Невдах, – «фанеры» к осмотру! – закричал он и сильно ударил меня в грудную клетку отточенным ударом кулака.

Я не успеваю поставить блок, но все же немного отклоняюсь назад и гашу силу удара. Сержант переключается на Витьку, проделывая с ним тот же финт.

– Дежурный по роте на выход! – внезапно закричал дневальный «на тумбочке», оповещая приход в казарму дежурного по батальону офицера.

– Всем спать, рота отбой! *Сдохли*, – прорычал Калабухов.

Спал я как убитый, крепко и безмятежно. Мозг мой с жадностью впитывал все происходящее и с нетерпением ждал новых событий. А «дедульки» пусть шибко не дергаются, я прилетел вместе с командиром и, откровенно сказать, чувствую себя в полной безопасности. Их понять можно, они шуршали, будучи молодыми по полной программе, а сейчас хотят вернуть себе хоть часть потерянного когда-то личного достоинства. Особенно стараются те, что прогибались и унижались больше. В глазах «дедов», я прочитал некую неуверенность в том, что мы будем их бояться. Этот феномен я объясняю так: все они прошли обучение в Ферганской десантной учебке и среднеазиатская манера общения у них – нам не знакома. Их «деды» называли своих молодых «духами», баранами, верблюдами и горными ослами. Прыгали они с парашютами среди гор и приземлялись на раскаленную, выжженную солнцем пустыню, ломая себе ноги и копчики. Настоящие горные барсы, с первых дней службы узнавшие, что иной дороги кроме как в Афганистан, у них нет. Ведь Ферганский учебный полк ВДВ, есть приемный покой перед выброской за речку Пяндж.

Ферганцев отправляли в самые опасные дыры, Кабул – голубая мечта и везет единицам. Они бегали марш-броски по горным ущельям, таская на спине как горбы свои радиостанции и РД, набитые булыжником, песком или кирпичами. Им не давали пить, вырабатывая привычку терпеть часами без капли влаги. От этого их печень съежилась и высохла, и делала их на десять, а то и двадцать лет старше. Они не хотели есть, им снилась вода – реки чистой воды. Но им наливали «чай» из верблюжьей колючки. Чтобы его пить, нужно быть действительно полным циником по отношению к себе. Они стали выносливыми и сухими, подобно саксаулу. Они пили из желтых от глины ручьев и бросали туда таблетки пантоцида. В их глазах не осталось слез. Стада мух садились на их лица во время редкого отдыха, и солдаты заболели дизентерией и желтухой, проклиная свой выбор. Платили им тоже по семь рублей и рубль за службу в частях быстрого реагирования – Советском воздушном десанте. О чем мечтал каждый из них, наверное, о том, чтобы остаться там, в Туркестанском Округе, а не прибыть в 40-ю Армию, в опасный и проклятый Афган, сулящий только одно – «цинковый саркофаг».

Просто выжить, выскочить из этого замкнутого круга, не понимая за какие грехи их давно списали на военные потери. По сути, все они смертники, рабы, первой в мире страны, строящей *развитой* социализм на костях своих юниоров.

Мы же, напротив, десантники из Литвы – «белая косточка, голубая кровь десанта», избалованные морским ветерком с Балтики, лыжными прогулками и выходом в увольнение, в Каунасский музей чертей, к примеру. Мы – счастливики, готовящиеся служить в «ГДР», Москве, Пскове, Рязани, Туле, в Иваново, или еще в каком-нибудь другом добром русском городке. Мысли об Афганской командировке для нас – экзотика, сулящая продолжение приключений в «курортной зоне». Мы – лабусы, не понимающие и не признающие манеру общения ферганцев, и по этой причине они не знают, как же нас приручить, как заставить всего бояться. По этой же причине я не сопротивляюсь жесткому обращению «дедов», уважая их тяжелый опыт и внутреннюю солдатскую усталость, их пожелтевшие белки глаз, будто от местной пыли, которая внутри них.

Мы просто пока не поняли куда попали, что уже пять дней мы стоим на краю пропасти под названием война. Для нас эта увлекательная игра, где пули летают, но конечно не попадают, а враги не реальны и добры, словно мы в гостях у прекрасной сказки «Тысяча и одна ночь». Наш детский мозг не хочет принять то, что это не русская сказка о доброй щуке, но древняя сказка востока, где калиф или падишах с легкостью рубит головы своим слугам, женам, налогоплательщикам, подданным, рабам и военнопленным – неверным. Где дикие племена враждуют друг с другом до последней капли крови и не хотят подчиняться ни своему королю, ни грозному завоевателю.

Горнист разбудил спящий городок десантной дивизии. Солнце появилось внезапно и уверенно поползло наверх. Ночная прохлада улетучивается вслед за ночью. Бесчисленный отряд лягушек и черепах прячется в трещинах и расщелинах бесконечных горных перевалов. Мы выбегаем на зарядку. Форма одежды – голый торс. Редкий день, когда вся дивизия отдыхает от боевых действий и с азартом и мальчишеством устремляется на пробежку. Мы бежим батальон за батальоном по огромному кругу нашей дивизии. Где-то за танковым батальоном, десантники выбегают за ограждение городка и уже бегут по окраине Кабула. Местные пацаны выбегают из домов и что-то кричат нам вслед, похожее на дерзкое и оскорбительное. Незамужние девушки выбегают из своих мазаных домиков подхваченные азартом увидеть невиданное и недозволенное зрелище, и потом, поймав несколько сотен взглядов молодых жеребцов, закрывая лица руками, скрываются в дувалах⁶². На краю этой улицы стоит вооруженный до зубов наш *бэтэр*. Мы оббегаем его и возвращаемся обратно в городок дивизии. В усилители по всему городку кричит Валерка Леонтьев: «Ну, почему, почему, почему? Был светофор зеленый, а потому... что был он в жизни влюбленный!» Смешная городская песенка и под нее прекрасно бежится. Словно мы в Москве, где-нибудь в Сокольниках. Видно начальник по физической подготовке дивизии человек с большим чувством юмора. После кросса батальоны переходят на шаг и располагаются на гимнастическом городке «полтинника». Кто-то из солдат запрыгивает на брусья, кто-то виснет на перекладине. Разведрота занимает сектор для отработки элементов рукопашного боя. Они лупят ногами и руками по автомобильным покрышкам, подвешенным на цепи бревнам, отпускают тумачи и «калабахи» своим «слонам», потом начинают качать их тут же на камнях. Разведчики выделяются ростом и накаченными мускулами. Взгляды и движения их резки и нервозны. Волос на головах практически нет. На плечах у всех «дедов» наколки, указывающие на их принадлежность к «Спецназу ВДВ». Наши «дедки» даже не смотрят в сторону разведчиков.

– Петя, эй, а что мы не идем колеса пинать, – спросил я своего «комода».

– Хочешь дюлей от разведчиков схлопотать? Это у них быстро! Я смотрю, ты смелый стал! Мало мы вас ночью воспитывали, сегодня значит добавим.

– Есть, товарищ гвардии сержант! Всегда готовы! – с издевкой ответил я.

⁶² *Дувалы* – домики местных жителей в Афганистане.

– Э-э! Одуванчиков, ты чо-о веселый такой? Смотри у меня, солдат, а ну запрыгнул на турник! Двадцать раз начал подтягиваться...

Я висну на перекладине и к своему удивлению кое-как, но делаю одиннадцать подтягиваний. Видно жаркий климат идет мне на пользу. Прибалтийский жирок исчезает, а мышцы становятся более эластичными. Витек смог подтянуться пятнадцать раз. Он свысока смотрит на меня, каков герой. Разведчики уходят, некоторые закуривают. Молодые разведчики, понурив головы, плетутся следом. Ха, а ведь я или Виктор могли попасть запросто и к ним. Радисты нужны в каждой роте. Нет, братцы, мой «комод» Петя и Миша Калабухов мне нравятся больше. Разведка это реальные «рэксы»! Звери!

«Деды» дают сигнал, и мы занимаем сектор рукопашки. Я выбрал себе бревно, обмотанное грубой веревкой, и стал молотить по нему кулаками и локтями, впадая в полное остервенение. «Что со мной происходит, может, выходит то, что нужно оставить в прошлой жизни, навсегда? Мое детство? Или делаю очередную попытку настроить себя на жесткую реальность, в которую я попал по собственной инициативе и безрассудству. Ведь если я сейчас не настроюсь на волну военной обстановки, то меня просто может все это уничтожить, как физический объект». Дембеля заметили мою злость, но не подали вида. Я немного запыхался и пока переводил дух, заметил одного парнишку, с которым учились в Каунасе. Он с улыбкой направлялся ко мне – это был мой приятель Славка Четкин

– Привет, Санек, ты что ли, я тебя не узнал! – крикнул он. – Ты так на бревно взелся, будто это душман! Ха-ха! Ты где, как устроился? – Слава был доволен и спокоен.

– Славик! – обрадовался я. – Наконец-то, одна родная мордашка появилась! Я во второй роте нашего батальона. Мы радисты-переносники. Главное, что с Александром Семеновым в одном взводе.

– А, я понял, это ваш взводный, который летел с нами в Афганистан.

– Ну да. Он по ходу сам не ожидал попасть взводным в роту переносников. Ехал как командир в роту командно-штабных машин. А ты сам-то, в какой роте, быстрее рассказывай! Как у вас «деды», боевые? – спросил я и стал торопиться.

– А чо, «деды»... нормальные «деды». Попал я в ремонтный взвод, будем радиостанции ремонтировать, которые повредятся во время боевых. О, взводный у нас прикольный, анекдоты нам вечером рассказывает. Мы ржем. Ха, кадр, в общем, прапорщик Д-д-д-дрозд! – засмеялся Славка и запрыгнул на ближайšie брусья.

– Взводный прапор? Что за фамилия у него странная? – поинтересовался я.

– Фамилия обычная – Дрозд. Просто, когда он говорит, то сильно заикается, контуженый на всю голову. Его машина подорвалась вдребезги, а он цел. Дали ему «За Отвагу». Осталось ему здесь полгода, потом предупредили, что сразу спишут из ВДВ, из-за сильного заикания. Он не хочет, поэтому пишет рапорт, чтобы еще на два года в Афгане оставили. Даже расплакался, кому я, говорит, нужен такой на гражданке. Даже учителем в школу не возьмут, или завхозом. Мужик хороший, добрый. Прикинь, Санек, он мечтает здесь познакомиться с афганочкой и остаться жить здесь с ней. Если, конечно, Афган станет новой республикой в составе СССР.

– Слушай, а наш прапорщик, он же старшина роты, тоже контуженый – после подрыва, но тут все наоборот. Диагноз – псих и садист. Мы с Витьком его ненавидим.

– Да, со старшиной вам не повезло. Посмотреть бы на него, – сказал Четкин и ловко спрыгнул с брусьев.

– Нет, ерунда, пустое... тут все сложнее, абсолютно чужая страна, воздух не такой как в Фергане... Я в смысле – присоединить к Союзу, – поразмыслил я и продолжил, – Славик, а «деды» молодых бьют, то есть вас? – спросил я в надежде услышать горькие вещи и посочувствовать другу.

– Какие «деды», во взводе всего восемь десантников из них нас молодых трое, еще два «черпака». Вот и осталось три «дедушки», они ребята технари, все сержанты. Им надо нас всему научить, а самим свалить на дембель. Дрозд неуставные разборки тоже не любит.

– Ух ты, а нас уже немного отбоксовали, борзые они! Их больше двадцати, а нас двое – Витек «Кинжал», и я. Я думаю, это наш прапор этот бардак поощряет.

– Гее, ладно, не кисни, Шурик! Главное, мы в батальон попали по специальности! Будь!

– Давай, я зайду к тебе в роту, – ответил я и стукнул кулаком, по-дружески, Славика в плечо.

– Хоп *бача!*

– Это что значит, Славка?

– Все нормально, значит, по-местному – по афгански... – крикнул Славка и убежал догонять своих.

Его поджарая и треугольная спина выдавала в нем спортивного парня, что редкость для избалованного москвича. Славка с детства готовился в десантуру: занимался борьбой и рукопашным боем, видел себя крутым разведчиком. Теперь сидит с паяльником и радиосхемами. Неисправимый романтик.

Дембеля заинтересовались моим собеседником и грубо спросили кто это.

– А, этот гимнаст, ха, «черпак» из разведки, – откровенно соврал я, – из какого-то батальона. Точнее не знаю, может спецназовец.

Зачем я сказал тогда так, точно в воду глядел. Дембеля, конечно, не поверили, а я упал на кулачки и принялся отжиматься пятьдесят раз за улыбочивость и борзость в речи.

Перед завтраком, на построение нашего батальона пришли все офицеры. Комбат, лет сорока пяти, без особых примет, подтянутый и выбритый офицер, поздравил молодое пополнение с прибытием в Афганистан и заверил нас в том, что мы попали в лучшую воинскую часть во всей 103-ей ВДД. Ведь на войне ни шагу без разведки и ни полшага без связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.